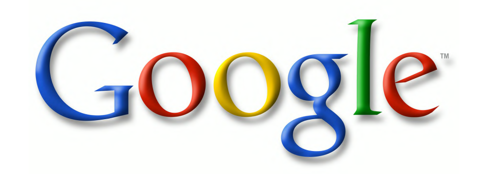
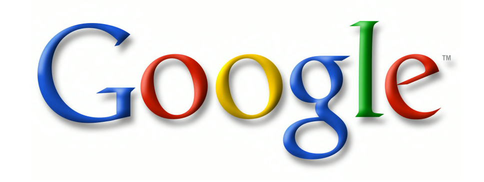
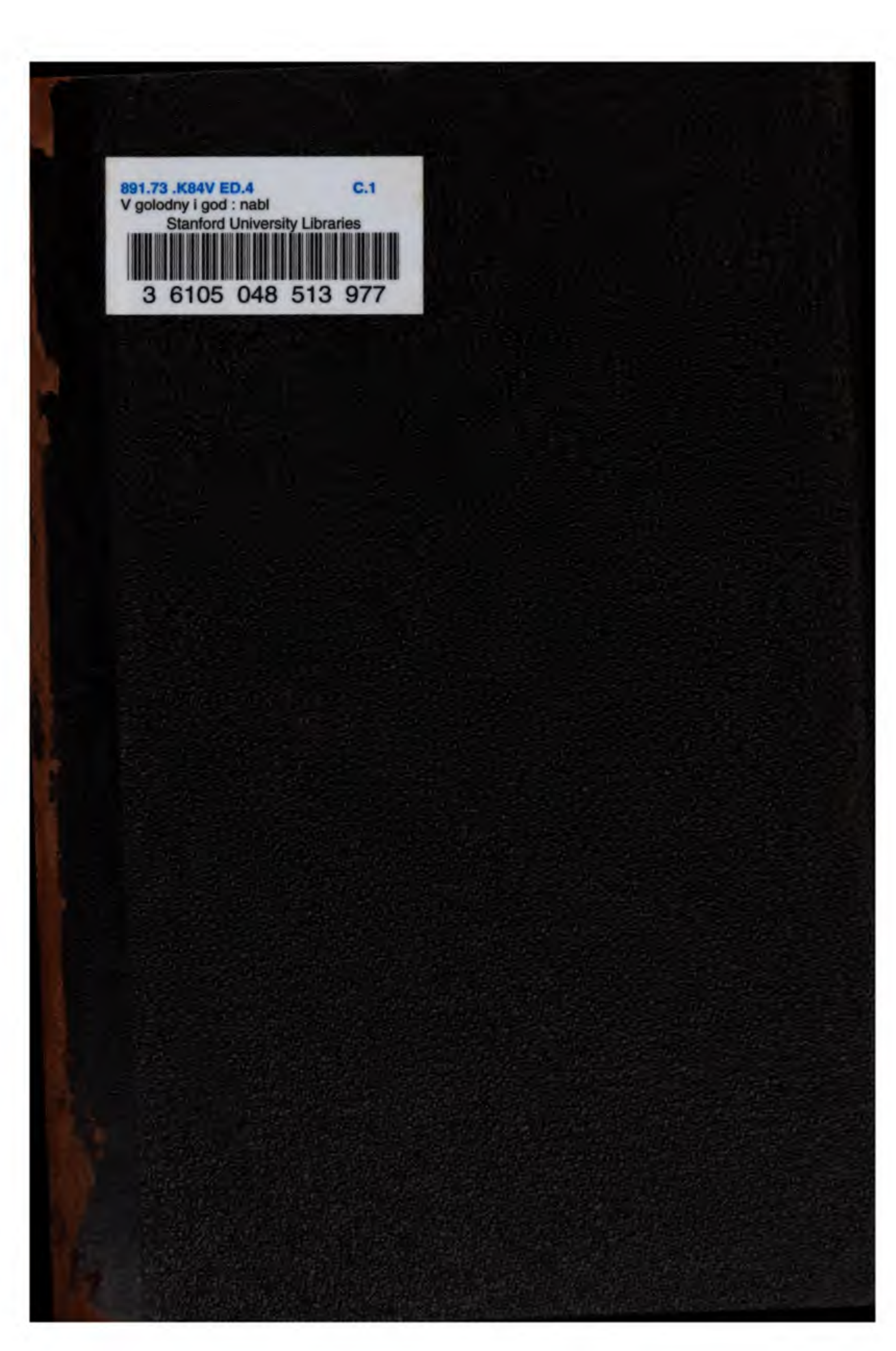
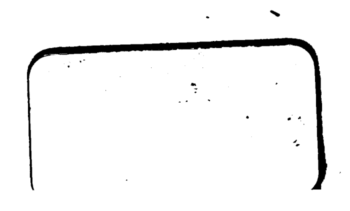

891.73 .K84V ED.4 C.1
V golodny i god : nabl
Stanford University Libraries
3 6105 048 513 977

FORD UNIVERSITY
LIBRARY

Владимiръ Короленко.

ВЪ

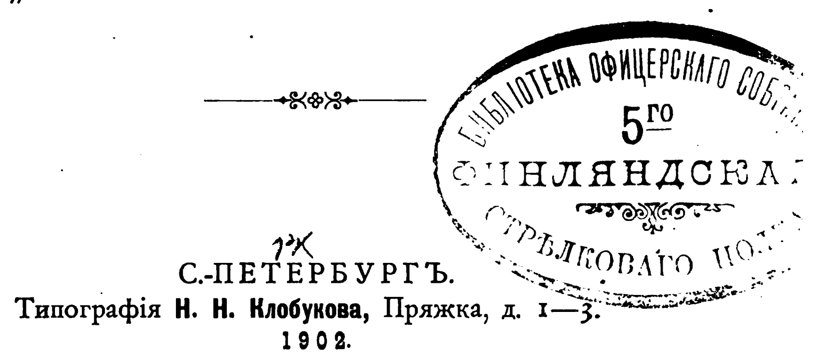
ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ

НАБЛЮДЕНIЯ, РАЗМЫШЛЕНIЯ И ЗАМѢТКИ.

ИЗДАНIЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

РЕДАКЦIИ ЖУРНАЛА

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографiя **Н. Н. Клобукова,** Пряжка, д. 1—3.
1902.

ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ.

ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ.

(Наблюденія и замѣтки изъ дневника.)

Вмѣсто предисловія.

Въ концѣ февраля 1892 г., въ ясный морозный вечеръ, я выѣхалъ изъ Нижняго-Новгорода по Арзамасскому тракту. Со мной было около тысячи рублей, отданныхъ добрыми людьми въ мое распоряженіе для непосредственной помощи голодающимъ, и открытый листъ отъ губернскаго благотворительнаго комитета, которому угодно было, съ своей стороны, снабдить меня порученіями, совершенно совпадавшими съ моими намѣреніями. Такимъ образомъ, при своей поѣздкѣ я предполагалъ совмѣстить двѣ задачи: наблюденіе и практическую работу. Для того и другого я,—какъ оказалось, очень наивно,—отвелъ себѣ одинъ мѣсяцъ...

Вмѣсто одного—три мѣсяца пришлось мнѣ провести въ уѣздѣ, не отрываясь отъ этой затягивающей работы, и затѣмъ опять вернуться туда, до новаго урожая... Теперь передо мной мелко исписанная книжка. Это—мой дневникъ,—факты, картины, мысли и впечатлѣнія, ко-

торые я, усталый и порой глубоко потрясенный всѣмъ, что доводилось видѣть и чувствовать за день,—заносилъ вечеромъ, по старой профессіональной привычкѣ, въ эту истрепавшуюся дорогой книжонку, гдѣ нибудь въ курной избѣ, въ гостиницѣ уѣзднаго города, въ помѣщичьей экономіи. Возстановляя ихъ теперь, я надѣюсь, что они не лишены нѣкотораго интереса. Пусть это неполно, сбивчиво, необработано и нецѣльно. За то,—это прямое отраженіе той самой жизни, которая, со всѣми своими парадоксами, проходила передъ моими глазами...

Я знаю, чего ждетъ читатель отъ корреспондента изъ голодныхъ мѣстностей, въ особенности отъ корреспондента-беллетриста: сгущенной яркой картины, которая сразу заставила бы его, городского жителя, пережить и перечувствовать весь ужасъ голода, растворила бы его сердце, заставила бы раскрыться его кошелекъ... Я знаю умныхъ людей, пріѣзжавшихъ изъ столицъ и съ удивленіемъ замѣчавшихъ, что, напр., въ Нижнемъ-Новгородѣ на улицахъ не замѣтно никакихъ признаковъ, по которымъ можно бы сразу догадаться, что это—центръ одной изъ голодающихъ губерній. Такіе же умные (безъ всякой ироніи) люди привозили изъ деревень въ Нижній-Новгородъ самыя противорѣчивыя и спутанныя извѣстія... Даже на мѣстѣ, въ волостяхъ, только привычный глазъ отличитъ по первому взгляду голодающую деревню отъ сравнительно благополучной. Ребятишки катаются съ горъ на салазкахъ, курится надъ трубами жидкій дымокъ, въ окна глядятъ на проѣзжаго равнодушныя лица... А гдѣ же самый голодъ?

Я знаю, что прочитывая мои листки, читатель будетъ, пожалуй, не разъ спрашивать съ такимъ же удив-

леніемъ: а гдѣ же голодъ? голодъ, который долженъ потрясти, ошеломить, вывернуть человѣка на изнанку? „Голодъ, это—когда матери пожираютъ своихъ дѣтей“,— писалъ еще недавно одинъ господинъ. При Борисѣ Годуновѣ матери, дѣйствительно, ѣли дѣтей; на базарахъ, по свидѣтельству историковъ, продавали порой человѣческое мясо; три женщины въ Москвѣ заманили мужика съ дровами во дворъ, убили его, разрубили на части и посолили... Вотъ голодъ!..

Съ этого времени мы прожили почти три столѣтія, но и тогда напрасно было бы подозрѣвать каждую мать въ пожираніи дѣтей, и не каждый мужикъ съ дровами подвергался опасности быть убитымъ и съѣденнымъ, а если бы тогда были корреспонденты, то и имъ пришлось бы отмѣчать эти факты не на каждомъ шагу. Человѣческое воображеніе устроено такимъ образомъ, что все исключительное, выходящее изъ ряда, запечатлѣвается въ немъ сильнѣе и ярче. Когда нынѣшнее бѣдствіе отодвинется въ прошлое, то, навѣрное, оглядываясь на него мы увидимъ надъ общимъ уровнемъ мрачные памятники, символы, которыми народная память отмѣтитъ современную невзгоду. Дай Богъ, чтобы въ концѣ девятнадцатаго вѣка они не были такъ ужасны, какъ три вѣка назадъ. Надо, однако, помнить, что это именно только символы, траурные кресты, которыми отмѣчены крайнія грани бѣдствія, а главная масса народнаго горя, сущность явленія не въ нихъ. Поменьше свирѣпости, господа!—нужно, наконецъ, научиться признавать и видѣть народное горе и бѣдствіе тамъ, гдѣ ни одна мать не съѣла еще своего ребенка... Я не имѣлъ несчастія присутствовать при агоніи голодной смерти и не

намѣренъ нарочно розыскивать эти картины и терзать ими нервы читателя...

А голодъ, въ его настоящемъ значеніи, я всетаки видѣлъ и хочу разсказать здѣсь, что именно я видѣлъ, какъ люди голодали, какъ людямъ помогали, какія при этомъ возможны ошибки и отчего онѣ происходили...

Въ теченіе двухъ предыдущихъ лѣтъ, странствуя приблизительно тѣми же мѣстами, я, случайный наблюдатель и, такъ сказать, пейзажистъ,—имѣлъ случай отмѣчать грозные признаки. Съ какою-то систематической безпощадностью, которая невольно внушаетъ суевѣрную идею сознательной преднамѣренности и кары,—природа преслѣдовала человѣка. По изсыхающимъ нивамъ то и дѣло проходили причты съ молебнами, подымались иконы, а облака тянулись по раскаленному небу, безводныя и скупыя. Съ Нижегородскихъ горъ безпрестанно виднѣлись кругомъ огни и дымъ пожаровъ. Лѣса горѣли все лѣто, загорались сами собой, огонь притаивался на зиму въ буреломахъ и тлѣлъ подъ снѣгомъ, чтобы на слѣдующую весну, съ первыми сухими днями, вновь выйти на волю и ходить пламенными кругами до новой зимы. Помню, какъ въ теченіе цѣлыхъ недѣль изъ Нижняго видны были па горизонтѣ лѣсного Заволжья огненные столбы въ вышинѣ, надъ густой пеленой темнаго дыма. Днемъ дымъ клубился, какъ мглистое море, а ночью будто невидимыя руки подымали къ небу зажженные факелы...

Голодъ подкрадывался къ намъ среди этого зноя и дыма, среди этой засухи; онъ былъ у насъ, ходилъ по деревнямъ уже два года, но мы его не замѣчали, потому что еще ни одна мать не съѣла своихъ дѣтей. Ста-

тистическое бюро губернской земской управы получило въ томъ году болѣе 740 корреспонденцій отъ мѣстныхъ жителей изъ селъ и деревень. Кромѣ обычныхъ рубрикъ для цифровыхъ отвѣтовъ, каждая карточка, посылаемая корреспонденту, имѣла еще значительное мѣсто для особыхъ отмѣтокъ. Листки вернулись обратно, сплошь покрытые „особыми отмѣтками" самаго мрачнаго свойства. Деревенская интеллигенція, независимая въ своихъ мнѣніяхъ по данному вопросу и не заинтересованная въ томъ, чтобы все казалось „благополучно",—первая почуяла надвигавшуюся грозу. Она не привыкла дѣлиться своими мыслями и опасеніями, не имѣя для нихъ привычнаго исхода. Но когда къ ней обратились съ прямымъ вопросомъ о положеніи края,—она отвѣтила охотно и прямо. Когда всѣ 744 отвѣта были сведены въ одно цѣлое,—получилось ужасающее изображеніе паденія хозяйства, промысловъ, инвентаря, а съ весны истекшаго года изъ-подъ всего этого проглянулъ уже страшный обликъ настоящаго голода...

Вотъ картина, въ которой простодушная рѣчь одного изъ корреспондентовъ губернской управы, сельскаго священника, возвышается порой, подъ вліяніемъ приближающагося бѣдствія, до истиннаго одушевленія. Заполнивъ цифрами соотвѣтствующія рубрики карточки и обращаясь къ изображенію близко извѣстнаго ему быта, корреспондентъ пишетъ, между прочимъ:

„Въ заключеніе, по поводу недорода хлѣбовъ въ нашей мѣстности и лѣсныхъ пожаровъ, какъ священникъ, проповѣдникъ евангельской истины, скажу слѣдующее: недородъ хлѣба ощущается третій годъ, идетъ бѣда за бѣдой на обывателей земли за беззаконія.

Явилась гусеница, ѣстъ хлѣбъ саранча, ѣдятъ черви, доѣдаютъ жуки, погибла жатва въ полѣ, истлѣли зерна подъ глыбами земли, опустѣли житницы, не стало хлѣба. Стонетъ скотъ и падаетъ, уныло ходятъ стада воловъ, томятся овцы, нѣтъ для нихъ пажити... Милліоны деревьевъ, десятокъ тысячъ лѣсныхъ дачъ погорѣли. Огненная стѣна и столбы дыма были кругомъ. Кто виновникъ всего этого? Хотя сверкали полосы молній съ неба во время грозъ, но не жгли и не убивали...

„Слышится голосъ пророка (Софонія 1, 2—3): „Все истреблю съ лица земли, говоритъ Господь, истреблю людей, скотъ и звѣрей, истреблю птицъ пернатыхъ и рыбъ". И сколько погибло пернатаго царства во время лѣсныхъ пожаровъ, сколько рыбы въ прудахъ отъ мелкой воды и отъ тяжести льда, а равно и отъ мочки мочалъ"...

Остановившись на время, чтобы высказать нѣсколько совершенно основательныхъ соображеній по частному вопросу о мочкѣ мочалъ въ прудахъ,—корреспондентъ продолжаетъ опять въ прежнемъ тонѣ:

„Скрылись отъ предѣлъ нашихъ лоси, убѣжала куница, погибла бѣлка. Заключилось небо и стало мѣдяно, нѣтъ росы, пришла засуха и огонь. Погибли плодовыя травы и цвѣты, нѣтъ ни малины, ни черники, ни клюквы, ни морошки, ни брусники, всѣ торфяники и болота выгорѣли и погибли.

„Землемѣрная вервь,—восклицаетъ онъ въ заключеніе,—куда ты идешь? Измѣрить долготу и широту пожарища-пустыни. Гдѣ ты зелень лѣсная, свѣжесть воздуха, ароматъ бальзама сосноваго лѣса, которымъ исцѣлялись больные? Все погибло!"

Я привелъ эти выдержки, какъ чрезвычайно харак-

терныя и рисующія настроеніе живого человѣка, въ душу котораго заглянулъ ужасъ надвигающагося бѣдствія. 744 мѣстныхъ жителя разнообразныхъ профессій, въ 744 почти единогласныхъ отзывахъ нарисовали картину, впечатлѣніе которой обобщилъ авторъ цитированныхъ строкъ. „Что чувствую, то и говорю,—пишетъ онъ въ концѣ, вспоминая внезапно, что онъ не ветхозавѣтный пророкъ, а русскій человѣкъ, пишущій вдобавокъ на оффиціальномъ бланкѣ,—о чемъ спрашиваютъ, то и отвѣчаю: прошу за откровенное слово не подвергать меня отвѣтственности". Опасеніе на этотъ разъ совершенно напрасное: то, что чувствовалъ авторъ отвѣта, чувствовали съ нимъ вмѣстѣ почти всѣ, кому доводилось видѣть вблизи нивы и деревни.

Замѣчательное единодушіе въ этомъ отношеніи, которое водворилось на короткое, впрочемъ, время. „Бѣдствіе ужасно, необходимы самыя широкія и быстрыя мѣры",—говорилъ съ необычнымъ одушевленіемъ въ губернскомъ собраніи предсѣдатель Васильской уѣздной управы А. А. Демидовъ. Въ іюлѣ на экстренномъ уѣздномъ земскомъ собраніи въ Лукояновѣ необходимая цифра ссуды была исчислена въ 4.700,000 руб. (для одного уѣзда!...). Я привожу эти два случая, какъ наиболѣе характеризующіе настроеніе того времени, когда „урожай 1891 года" былъ еще на поляхъ и всякій могъ его видѣть. Это печальное зрѣлище убѣждало всякаго. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, тотъ же предсѣдатель Васильской управы, А. А. Демидовъ, возражалъ противъ всякой помощи съ той самоувѣренностію, которая вообще присуща „трезвенной" части нашего дѣлового міра: „Господа! мы давно уже слышимъ это

нытье и печалованіе о нуждѣ и грозящемъ голодѣ. Мы слышали это уже и прошлой весной въ нашемъ уѣздѣ. Знаете-ли, какъ мы распорядились (съ удареніемъ и разстановкой): не дали ни зерна, никто не умеръ, и поля оказались засѣянными". И вотъ этотъ же самый человѣкъ и въ той же залѣ, самъ уже бьетъ тревожный набатъ, и теперь всѣ, конечно, вѣрятъ, что бѣдствіе идетъ ужасное, тѣмъ болѣе, что, какъ оказывается, не всѣ поля оказались засѣянными и въ прошломъ году...

Да, это былъ какой-то испугъ. Чудовищную цифру въ четыре милліона слишкомъ для Лукояновскаго уѣзда высчитали и отстаивали въ земскомъ собраніи двое вліятельныхъ гласныхъ, земскіе начальники гг. Пушкинъ и Струговщиковъ. Признавъ полный неурожай, они отрицали наличность какихъ бы то ни было запасовъ, и потому могущихъ прокормиться собственными средствами считали не болѣе 1%. На остальныхъ 99% населенія была разсчитана ссуда по 30 фунтовъ, прибавлены сѣмена, и вотъ—передъ собраніемъ встала чудовищная цифра, отъ которой въ Нижнемъ пришли въ ужасъ. Къ счастію, губернская управа располагаетъ статистическими данными, болѣе точными, и статистическое бюро быстро свело размѣры нужды до болѣе благоразумныхъ предѣловъ (600 тысячъ). Интересно, однако, что первоначальныя тревожныя свѣдѣнія энергично поддерживались и земскими начальниками, и уѣзднымъ предводителемъ М. А. Философовымъ. Послѣдній, въ письмѣ своемъ къ начальнику губерніи, особенно подчеркивалъ „разстройство хозяйства и истощеніе запасовъ въ предыдущіе годы", не дающіе надежды на то, чтобы крестьянство могло противостоять бѣдствію... Но еще интереснѣе, что тѣ же

лица явились, затѣмъ, главными дѣятелями въ уѣздной продовольственной коммиссіи, которая пріобрѣла такую своеобразную извѣстность именно отрицаніемъ голода.

Жатва убрана, поля обнажены, „урожай“ печально уѣхалъ на возахъ въ закрома, и земля ничего уже не говоритъ глазу... Не знаю, правъ-ли я, или нужно искать какихъ нибудь другихъ, болѣе таинственныхъ и менѣе извинительныхъ мотивовъ этого факта,—но только съ этихъ именно поръ очевидность нужды и необходимость милліоновъ, сразу замѣняются въ убѣжденіи тѣхъ же лицъ представленіемъ объ особенномъ благополучіи уѣзда. Поля убраны, ничтожная жатва свезена, цифра урожая закрѣплена въ свѣдѣніяхъ статистическаго бюро, обсуждена представителями земскихъ управъ (въ томъ числѣ лукояновской), признана единогласно въ губернскомъ собраніи (въ томъ числѣ лукояновскими гласными), предложена и принята въ уѣздныхъ продовольственныхъ коммиссіяхъ,— и въ томъ числѣ опять въ лукояновской, сдѣлавшей съ своей стороны частныя замѣчанія, еще усилившія безотрадную картину... Однимъ словомъ—цифры урожая признаны всѣми компетентными учрежденіями въ губерніи...

Но къ этому времени совершенно неожиданно стали вновь раздаваться на Руси „трезвые“ голоса, программу которыхъ съ такой характеристичной краткостью формулировалъ одинъ изъ Щедринскихъ героевъ: „ёнъ достанетъ!“ Читателю хорошо извѣстна эта нота по многоголосому хору печати. Сначала, впрочемъ, она звучала довольно неувѣренно въ письмахъ (покойнаго нынѣ) Фета. Изъ пѣсни слова не выкинешь,—поэтому и мы не можемъ здѣсь обойти этотъ небольшой эпизодъ... Мнѣ кажется, впрочемъ, что поэтъ оказалъ своимъ вмѣшатель-

эта полемика не можетъ подлежать забвенію и заслуживаетъ помѣщенія въ хрестоматіяхъ. Всюду, гдѣ бы ни приходилось намъ, провинціальнымъ наблюдателямъ, встрѣчаться съ подобными отрицаніями очевиднаго факта, всюду видимъ мы тѣ же типическія черты. Первая изъ нихъ, это—легкость, съ какой люди дѣлаютъ (по счастливому выраженію одного изъ статистиковъ) „массовые выводы изъ единичныхъ наблюденій"... Вторая—презрѣніе чисто поэтическое къ цифрамъ, обобщающимъ, наоборотъ, массовыя наблюденія въ единичные осторожные выводы, и, наконецъ, на всѣ доказательства одинъ отвѣтъ, непонятный отвѣтъ о „двухъ водахъ", о который разбиваются всѣ аксіомы... И все это, освѣщенное блудящими „вечерними огнями", при свѣтѣ которыхъ въ наше время бродятъ на Руси туманные призраки навѣки умершаго прошлаго...

У насъ, въ Нижегородской губерніи, которую я буду имѣть почти исключительно въ виду на протяженіи этихъ очерковъ,—тоже встали вдругъ эти призраки. Они разсѣяны всюду, нельзя даже сказать, чтобы „понемногу",—но главный пріютъ ихъ, это—дальній уголъ нашей губерніи, по рѣкамъ Алатырю, Тешѣ и Руднѣ, въ Лукояновскомъ уѣздѣ. Если г. Фетъ, съ настойчивостію, достойной лучшаго дѣла, спорилъ со всей прессой и съ администраціей своей губерніи,—то дѣятелямъ Лукояновскаго уѣзда нужно было еще болѣе рѣшимости: прежде всего они вступили въ споръ сами съ собою. Отъ цифры въ 4.700,000 они быстро спустились внизъ, не остановившись даже на цифрѣ губернскаго земства... Затѣмъ имена гг. Философова, Пушкина, Струговщикова и другихъ членовъ продовольственной коммиссіи украсили со-

бою постановленіе, которымъ отъ уѣзда, „безъ объясненія причинъ“, отстранялась половина ассигнованной правительствомъ ссуды.

Теперь лукояновскую полемику можно считать законченной по крайней мѣрѣ по существу. И если вы дадите себѣ трудъ просмотрѣть ее всю хоть бы по журналамъ Нижегородской продовольственной коммиссіи, то передъ вами предстанетъ замѣчательная картина маловѣроятнаго спора: одна сторона вначалѣ бьетъ тревогу и требуетъ $4^1/_2$ милліона. Другая, съ цифрами и выкладками въ рукахъ, успокаиваетъ и сводитъ ужасающую цифру до размѣра 600 тысячъ (въ $7^1/_2$ разъ меньше!). Тогда первая, признавъ всѣ цифры, не возражая противъ выкладокъ,—внезапно, по какому-то необъяснимому капризу,—не желаетъ уже 600 тысячъ и требуетъ только 300. Почему?—Напрасно у нея просятъ хоть какой нибудь мотивировки. „Въ Женевскомъ озерѣ двѣ воды“...—писалъ г. Фетъ. „У Бога всего много“—пишетъ г. Философовъ, предсѣдатель лукояновской уѣздной коммиссіи. Это, конечно,—несомнѣнно и вполнѣ благонамѣренно, однако... неурожаи всетаки бываютъ на свѣтѣ, а цифры опровергаются только цифрами. Тѣмъ не менѣе, лукояновская коммиссія считаетъ себя оскорбленной, приводитъ въ движеніе небо и землю, отвергаетъ 300 тысячъ, отказывается даже отъ предложенія взять хоть 50 тысячъ пудовъ про запасъ, на всякій случай, во избѣжаніе возможныхъ послѣдствій ошибки...

И вотъ, вся читающая Россія присутствуетъ при замѣчательномъ примѣрѣ какой-то особенной уѣздной автономіи въ продовольственномъ вопросѣ. Внезапно, неожиданно и вслѣдствіе совершенно необъяснимыхъ побужде-

ній, уѣздный продовольственный комитетъ (учрежденіе, замѣтимъ въ скобкахъ, тоже совершенно импровизированное) опровергаетъ самъ себя, противъ каждаго положенія своихъ же членовъ выдвигаетъ противоположеніе, опрокидываетъ всѣ разсчеты, принятые въ губерніи, устанавливаетъ свои пріемы изслѣдованія, свои физіологически-необходимыя нормы питанія и вступаетъ въ систематическую и упорную борьбу съ губернскимъ центромъ... И взгляды всѣхъ мужико-ненавистниковъ во всей Россіи обращаются съ надеждой на дальній уѣздъ...

Таковъ фактъ. Такова въ самыхъ общихъ чертахъ исторія, которая въ шутку называется у насъ „исторіей отложенія Лукояновскаго уѣзда", но которая наводитъ несомнѣнно на размышленія совсѣмъ не шуточнаго свойства... „Какъ солнце въ малой каплѣ водъ",—въ этой исторіи отражаются, по моему мнѣнію, самые глубокіе признаки, самая коренная злоба нашего общественнаго неустройства...

Вотъ почему, выѣхавъ въ концѣ февраля изъ Нижняго, я, какъ наблюдатель и хроникеръ, тяготѣлъ сразу именно къ Лукояновскому уѣзду, куда и приглашаю теперь за собою читателя... За исключеніемъ небольшихъ, необходимыхъ по ходу повѣствованія, отступленій,—читатель найдетъ здѣсь подлинное отраженіе всего мною видѣннаго, въ хронологическомъ порядкѣ.

Голодъ въ деревнѣ и война уѣзднаго города съ губернскимъ,—это, конечно, только эпизодъ. Главная же цѣль настоящихъ очерковъ,—разсказать, не мудрствуя лукаво, все, что я видѣлъ вблизи, собственными глазами, что я думалъ и чувствовалъ въ деревняхъ и селахъ голодающаго уѣзда въ самые тяжкіе мѣсяцы мрачнаго года...

I.

Дорогой.—Тайное общество.—„Міръ“ и помощь.

Полночь 25 февраля... Наша утомленная тройка остановилась въ д. Бѣленькой, на Арзамасскомъ трактѣ. Холодный вѣтеръ гналъ высоко по небу бѣлыя облака; луна свѣтила прямо въ темныя окна спящей, занесенной снѣгомъ избы, куда стучался нашъ ямщикъ, выкрикивая какъ-то безнадежно: „хозявы, а хозявы, хо-зя-вы!..

Кругомъ избы, на улицѣ стоитъ множество саней съ хлѣбомъ. Въ избѣ хоть топоръ вѣшай. Отовсюду, съ полатей, съ лавокъ, снизу и сверху—несется богатырскій храпъ. Это возчики, везущіе хлѣбъ въ Лукояновъ... Пока хозяинъ суется съ просонокъ съ фонаремъ по темному двору, вяло снаряжая насъ въ дальнѣйшій путь, а мой попутчикъ отдыхаетъ на полатяхъ, пока покормятъ лошадей,—я сажусь къ столу, на которомъ коптитъ плохенькая керосиновая лампа, чтобы набросать въ своемъ дневникѣ эти первыя строки.

Я не думалъ, что мнѣ придется раскрыть свою

книжку такъ скоро, но судьба сразу же вводитъ меня въ кругъ „продовольственныхъ“ встрѣчъ и впечатлѣній. Сегодня утромъ, когда я явился на дворъ, гдѣ нанимаютъ „вольныхъ ямщиковъ“,—къ хозяину, торговавшемуся со мной, какъ-то бокомъ подошелъ мужичокъ, съ лица очень похожій на татарина, и, внимательно прислушавшись къ нашему разговору, предложилъ мнѣ себя въ попутчики. Хозяинъ сначала очень холодно отклонилъ это предложеніе, однако, когда къ моему крыльцу подъ вечеръ подъѣхали сани,—я увидѣлъ въ нихъ этого самаго Потапа Ивановича Семенова, котораго встрѣтилъ утромъ. Оказалось, что я не сумѣлъ поторговаться и заплатилъ значительно дороже, чѣмъ бы слѣдовало съ одного. Это дало возможность сбавить плату Семенову, и общая цифра достигла нормы. Такимъ образомъ, Потапъ Ивановичъ ѣдетъ до нѣкоторой степени на мой счетъ, что подало ему поводъ свалить на меня же и плату ямщикамъ на чаекъ и т. п. мелкіе расходы. Изъ этого я долженъ былъ понять, что Потапъ Ивановичъ человѣкъ благоразумный и обстоятельный...

Втеченіе двадцати минутъ, которыя я употребилъ на сборы и на прощаніе, Потапъ Ивановичъ тоже не терялъ времени даромъ. Онъ успѣлъ расположить багажъ въ повозкѣ такимъ образомъ, что кованый уголъ чемодана пришелся какъ разъ у меня за спиной, а моя подушка—за спиной Потапа Ивановича. Это было устроено съ такой быстротой и увѣрен-

ностью, что понравилось даже мнѣ самому... Я очень люблю цѣльность подобныхъ типовъ и наивную непосредственность ихъ почти дѣтскаго эгоизма. Поэтому втеченіе перваго же получаса пути мы разговорились, какъ старые знакомые.

Я узналъ, во-первыхъ, что Потапъ Ивановичъ вовсе не татаринъ, а крестьянинъ изъ-подъ Арзамаса, вѣроятный потомокъ какого-нибудь „эрзи". Во-вторыхъ, что онъ очень религіозенъ и мечтаетъ о посѣщеніи Кіева.

— Мощи тамъ хорошенькія,—говоритъ онъ.— Пуще всего,—жена донимаетъ: вези, да вези. Такъ ея душа желаетъ...

Потапъ Ивановичъ не прочь удовлетворить это желаніе, если только на нихъ обоихъ выдадутъ удешевленные билеты.

— Можно это?

— Не знаю,—отвѣтилъ я.

— Сказываютъ, голодающимъ даютъ, на заработки...

— Такъ вѣдь это голодающимъ и на заработки.

— Ну, ничего! Авось выдадутъ.

Боже мой! Потапъ Ивановичъ и не подозрѣваетъ, очевидно, сколько самыхъ жестокихъ выводовъ относительно „якобы голодающихъ" мужичковъ можно бы, при желаніи, вывести изъ его наивнаго притязанія на дешевый проѣздъ... Вотъ выдавай этимъ „мошенникамъ" даровые билеты!..

Дальше я узналъ отъ Потапа Ивановича, что онъ

мясникъ, деревенскій богачъ, дѣлающій хорошія дѣла съ дешевой скотиной, которой онъ прирѣзалъ съ осени и за зиму „не есть числа“, и, кромѣ того, что онъ состоитъ членомъ одного тайнаго общества.

Да, не шутя! Въ селѣ Остоженкѣ *) образовано,—по иниціативѣ, впрочемъ, г-на земскаго начальника,—настоящее тайное общество, засѣданія котораго происходятъ въ самой таинственной обстановкѣ. Общество носитъ названіе „сельскаго попечительства“ и имѣетъ цѣлью составленіе и исправленіе списковъ на предметъ выдачи земской ссуды.

— У насъ, — говоритъ мнѣ Потапъ Ивановичъ не безъ самодовольства,—отлично устроено: священникъ, староста, хорошихъ мужиковъ съ пятокъ. Совѣтуемъ... Собираемся мы разъ въ недѣлю, у меня, у священника, иной разъ хоть и въ конторѣ. И сейчасъ, братъ ты мой, не то что двери—оконницы на запоръ. Ник-кого чтобы ни подъ какимъ видомъ ни ногой! Никто не моги слышать, что говоримъ мы. Клятву тоже промежъ себя положили, икону снимали.

— Это все зачѣмъ же?

— А чтобы проносу не было, какъ же! У насъ такъ: у кого нога ногу мало-мало еще минуетъ,—не даемъ. Сейчасъ я, напримѣръ, говорю: Ивану Малаеву не надо, продышитъ... Такъ вѣдь онъ, Малаевъ, узнаетъ, злобиться будетъ. Такъ вотъ гля

*) Собственныя имена какъ этой деревни, такъ и Потапа Ивановича вымышлены.

этого, гля, собственно, злобы... А то, братъ, нонѣ народъ такой,—меланхолически и какъ-то таинственно прибавилъ онъ,—нонѣшнія времена народъ не годится вовсе. Священнику вонъ окна побили.

— За что?

— А за то! Сказалъ: тому не надо, другому не надо. Больно смѣло́ говорилъ. Теперь осторожнѣе сталъ. Не знаю, молъ,—попечительство такъ издѣлало, больше ничего... На всѣхъ злобись... Нонѣ братъ, народъ не прежній: по селу ѣдешь, и то тебѣ изъ окна кулакомъ грозятъ... Хорошо это?

— Ну, а это за что?

— Ни за что,—еще болѣе меланхолично прибавилъ онъ.—За то, что работаю и имѣю достатокъ. Меня, напримѣнно сказать, одна-те зоря на работу гонитъ, другая выгонитъ, вотъ я и богатъ... А они этого не понимаютъ...

Я вспомнилъ о сундукѣ и подушкѣ и подумалъ, что если въ деревенской жизни Потапъ Ивановичъ располагаетъ вещи по той же системѣ, то, пожалуй, можно бы найти и другія причины столь краснорѣчивыхъ доказательствъ любви къ нему односельцевъ. Однако, я промолчалъ. Разсказъ о тайныхъ засѣданіяхъ сельскаго попечительства, состоящаго изъ такихъ же Потаповъ Ивановичей и вершающаго судьбу большинства, которое ждетъ рѣшенія, съ замираніемъ сердца и съ затаенной злобой,—показался мнѣ и поучительнымъ, и интереснымъ. Такъ вотъ что значатъ порой сельскія попечительства!!.

— Ну, а себѣ вы назначили пособіе?—спросилъ я.

— Нѣ... Мнѣ дай Богъ и свое-то пріѣсть.

— Хорошо! А круговая порука?

— А развѣ будетъ круговая-те?—какъ-то вдругъ настороживишсь, спросилъ онъ.

— Я не знаю. А вамъ развѣ не объявляли?

— Нѣтъ! У насъ не вычитывали. Ежели-бъ круговую объявили, мы тогда какъ-никакъ отбились бы и отъ пособія!

— То есть, какъ же это?

— Такъ, не дали бы приговору, богатые-те мужики...

— А бѣдняки?

— А какъ знаютъ. Намъ развѣ охота за нихъ платить... Судите сами.

Онъ помолчалъ, закрываясь шубой отъ рѣзкаго вѣтра, и потомъ прибавилъ:

— Нѣтъ, пожалуй, нынѣшній годъ не отбиться бы. Вотъ чѣмъ не отбиться, что народъ разлютуется. Нонѣ, братъ, такъ бываетъ, что овинъ безъ хлѣба, и сушить бы нечего, а горитъ... Понялъ?

Я понялъ. Опять мы ѣдемъ молча, то и дѣло обгоняя обозы. Сани стучатъ отводами объ отводы, лошади жмутся на узкой колеѣ, пристяжка то и дѣло утопаетъ въ сугробахъ. И это по всей дорогѣ, отъ самаго Нижняго.

— Боже ты мой, какую силу хлѣба везутъ!—замѣчаетъ Потапъ Ивановичъ.

— А что, — спрашиваю я, — ежели бы этого хлѣба не везли вовсе?..

— То-то вотъ,—съ озабоченностью на выразительномъ лицѣ говоритъ онъ.—Бѣда бы. Я такъ полагаю: большое количество народу извелось бы... Который человѣкъ съ роду не воровалъ—и тотъ сталъ бы похватывать, а кто прежде воровалъ, тотъ ужъ пошелъ бы на грабежъ, на разбойство, на этаки вотъ штуки пустились бы... Надо бы ужъ имъ какъ нибудь въ острогъ попадать, кормиться нечѣмъ...

— А вы вотъ хотѣли бы отъ ссуды отбиться...

— То-то не отбиться бы. Да у насъ, слава Богу, не вычитывали круговой-то. А то было бы здору въ обществѣ, не приведи Богъ! Общество у насъ не смирное, вдобавокъ...

— Хорошо. А кто же тогда платить-то будетъ за ссуду? Вѣдь отдавать придется...

— Отдавать,—замялся онъ... Такъ! Вотъ вы говорите—отдавать! А не возьмутъ!

— То есть, кто же не возьметъ?

— Да никто и не возьметъ, потому, что взять нечего. Я вотъ вамъ скажу, только бы мнѣ въ сторонѣ остаться, а то почему не сказать. Народъ больно изгадился, не годится вовсе. У меня бабушка померла лѣтъ съ восемь назадъ, а была древняя: француза помнила и имѣла прозорливость. Говорила такъ: пойдетъ по міру змѣй огненный, весь свѣтъ исхрещетъ. Стало быть,—генеральска межева или вотъ еще тянитье...

— Это что за тянитье?

— Вотъ,—указалъ онъ на телеграфную проволоку, звенѣвшую на вѣтру у дороги. — Потомъ, слышь, стала кричать съ печки: ай воля, ай воля! Не чаяли мы и волѣ быть, а пришла, по ея слову. Потомъ, опять, насчетъ вина: „ай вольно вино!“ И вѣрно: вышла воля вину... зинули народы-те на винище... А тамъ, говоритъ, и послѣднимъ временамъ не долго ужъ стоять, послѣ воли-те...

Онъ остановился, видимо, самъ запутавшись въ этомъ мрачномъ лабиринтѣ изъ тянитья, межеванія, воли, виница, выкрикиваній бабушки и собственныхъ соображеній... Сколько, однако, публицистовъ, которые, обсуждая нынѣшнюю невзгоду, не могутъ выбраться изъ того же лабиринта! Это соображеніе заставило меня терпѣливо выслушать несвязную рѣчь деревенскаго философа, разсуждающаго о недугахъ деревни, и затѣмъ я направилъ разговоръ на прежнюю тему.

— Такъ почему же всетаки не отдадутъ ссуды?

— Гдѣ отдать! Мы вотъ мясничаемъ, по дворамъ ходимъ, такъ намъ видно: гдѣ прежде бывало двѣ коровы, два теленка, двѣ лошади, два жеребенка, свинья, пять-шесть овецъ,—однимъ словомъ, весь дворъ во скотѣ...—теперь пусто: одна лошадь, одна корова, а много и такихъ: нѣтъ ничего. Теперь годовъ пять-шесть вотъ какого урожаю нужно, чтобы народу-те мало-мало на крестьянскую степень стать, безъ возврату ссуды. А то гдѣ ужъ... Съ круговой-

то порукой и то не взыскать бы, а безъ поруки подавно... Эхъ, вѣтеръ-то какой, проносный!..

Дальше мы ѣдемъ уже молча. Потапъ Ивановичъ все запахивался, ворча и жалуясь на „проносный“ вѣтеръ, который все время свистѣлъ намъ въ уши, кидалъ въ лицо мелкою, острою морозною пылью, застилавшей неясныя дали глубокой ночи. Гдѣ-то далеко и смутно темнѣли лѣса. По дорогѣ, сплошь избитой „шиблями“, какъ здѣсь называютъ ухабы,— мы то и дѣло обгоняли обозы. Впереди, назади, почти безъ перерыва тянутся они темными лентами, теряясь въ холодной мглѣ... Куда они идутъ, какъ распредѣлятся, кому принесутъ помощь?.. И воображеніе невольно бѣжитъ за этими вереницами темныхъ точекъ, ныряющихъ по ухабамъ и утопающихъ въ неопредѣленной мглѣ...

Воля, „генеральское межеваніе“, винище, телеграфная проволока... Поговорите съ любымъ „умственнымъ человѣкомъ“ деревни, и едва ли онъ представитъ вамъ что либо болѣе связное для объясненія нынѣшняго бѣдствія. Все это, конечно, пустяки, туманъ мысли, случайныя ассоціаціи, въ лучшемъ случаѣ,—симптомы, поставленные на мѣсто причинъ и механически связанные наивною деревенскою мудростію. Не пустяки, однако, то обстоятельство, что и народная мысль связываетъ все это въ извѣстную перспективу, которая тянется отъ прошлаго къ будущему, отодвигая начало бѣдствія подальше стихійныхъ случайностей одного-двухъ годовъ. Не пустяки

этотъ разсказъ о тайныхъ засѣданіяхъ попечительства, о разбитыхъ окнахъ, о самовозгорающихся овинахъ. Правда, Потапъ Ивановичъ, какъ и вообще люди, привыкшіе, проѣзжая по селу, видѣть сжатые кулаки въ окнахъ своихъ добрыхъ сосѣдей,—склоненъ, повидимому, къ нѣкоторой нервности и преувеличеніямъ. По общему отзыву, количество преступленій въ нынѣшнемъ году даже уменьшилось. Однако—глубокая рознь, разъѣдающая деревенскій міръ, составляетъ несомнѣнный фактъ и иллюстрируется онъ далеко не одними Потапами Ивановичами...

Много столѣтій мы, „командующіе классы“, только брали отъ крестьянскаго міра все, что надлежало. Для этого многовѣковая практика выработала отличный приводъ, называющійся круговой порукой. Предполагая въ общинѣ нѣчто цѣльное, съ полною гармоніей внутреннихъ интересовъ, мы брали, что надлежало, съ перваго Ивана, у котораго можно взять, предоставляя всѣмъ имъ установить равновѣсіе, какъ знаютъ. И деревенскій міръ устанавливалъ эту гармонію, все равно какъ: хорошо или худо. Въ этомъ, приблизительно, сущность круговой поруки.

Но вотъ, наступило время, когда роли помѣнялись. Давать, давать сейчасъ, непосредственно, приходится уже намъ, а принимать—крестьянскому міру. Мы должны помочь той его части, которая болѣе всего въ этомъ нуждается. Какъ найти истинную нужду, кому именно дать ссуду и сколько? Кто же знаетъ это лучше самихъ крестьянъ! И вотъ механизмъ начи-

наетъ дѣйствовать въ обратномъ порядкѣ: мы даемъ „міру“, міръ долженъ распредѣлить въ своей средѣ. Оказывается, однако, что это дѣло гораздо болѣе трудное. Приводъ, какъ шестерня съ задерживающимъ рычагомъ, дѣйствуетъ хорошо только въ одну сторону. Брать этимъ способомъ легко, давать—трудно. Отовсюду мы слышимъ жалобы: гармонія интересовъ въ средѣ крестьянскаго міра оказывается фикціей. Помощь попадаетъ не туда, куда надо, получаютъ не тѣ, кому, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ получить. Міръ въ цѣломъ, со своимъ „равненіемъ по душамъ“, становится между голытьбой и помощью. Первую партію муки, присланной въ деревни въ началѣ осени, крестьяне тотчасъ же раздробили на микроскопическія доли. Досталось каждому по 5 фунтовъ! „Пошло на распылъ“,—острили по этому поводу. Въ одномъ уѣздѣ исправникъ, получивъ 100 руб. отъ благотворительнаго комитета, сдалъ ихъ на руки властямъ большого села для помощи наиболѣе нуждающимся. „Міръ“ съ быстротой паровой машины раздѣлилъ деньги опять „по душамъ“: пришлось на душу по 7 к. Земскіе начальники разстроили себѣ нервы, провѣряя списки. „Провѣрка списковъ“—это домовые обыски у любого мужика, провинившагося только въ томъ, что онъ проситъ ссуду; это—заглядываніе въ горшки, это взломъ половицъ, это экскурсіи въ подполья... Представьте только себѣ взаимныя отношенія на этой почвѣ. Одинъ земскій начальникъ нашей губерніи, огорченный всей этой процедурой до окон-

чательной потери терпѣнія, приговорилъ старуху, „неправильно просившую ссуду“,—по статьѣ о незаконномъ прошеніи милостыни и настаивалъ въ съѣздѣ на обвиненіи... Сколько горькихъ рѣчей, сколько желчи и укоровъ по адресу народа!.. Они обманываютъ, они скрываютъ хлѣбъ, у такого-то найдена мука, у такого-то картофель... А между тѣмъ, если бы, вмѣсто гоньбы по закромамъ и преслѣдованія частныхъ случаевъ, мы захотѣли лучше вдуматься въ систему нашихъ отношеній къ народу, то, быть можетъ, пришли бы къ заключенію, что деревня не такъ ужъ виновата. Мы увидѣли бы, что вся эта система требуетъ живого обновленія. Мы привыкли брать у деревни, давать—не умѣемъ. Мы хотимъ дать однимъ, которые не въ состояніи платить, а уплаты требуемъ съ другихъ. Представьте только, что въ городѣ, гдѣ вы живете, ввели бы принудительныя и при томъ довольно крупныя пожертвованія, и скажите, какъ бы вы отнеслись къ этому. Деревня жертвуетъ не мало,—по своему и добровольно: посмотрите на эти массы нищихъ, у каждаго окна получающихъ кусокъ дорогого хлѣба... Но принудительнаго пожертвованія, хотя бы и въ пользу своихъ односельцевъ, она избѣгаетъ тѣми средствами, какія у нея подъ руками. Въ этомъ отношеніи средній деревенскій мужикъ похожъ на средняго горожанина: онъ хочетъ платить только за себя... А такъ какъ ссуду потребуютъ со всего міра, т. е. съ плательщика, то и взять ее считаетъ

себя вправѣ плательщикъ, которому, вдобавокъ, тоже пришлось очень плохо. Полумистическое представленіе о какомъ-то особенномъ народномъ „укладѣ“, гдѣ богатый или средній членъ общины охотно и сознательно беретъ на себя бремя своего неимущаго собрата, — увы!—только фикція. Фактъ состоитъ въ томъ, что въ общинѣ кипитъ уже разладъ и антагонизмъ интересовъ, что теперь это явленіе проступаетъ съ особенной яркостью, что съ нимъ надо считаться...

Однако,—фактъ, хотя и совсѣмъ другого рода, состоитъ также и въ томъ, что хозяинъ, сонный и сердитый, вошелъ уже со своимъ фонаремъ со двора, гдѣ онъ налаживалъ что-то очень долго,—и сообщаетъ, что все готово. Потапъ Ивановичъ съ недовольной и кислой миной лѣзетъ съ теплыхъ полатей, возчики начинаютъ шевелиться. Итакъ, надо кончать. Вѣроятно, мнѣ придется еще не разъ возвращаться къ этому вопросу, такъ какъ въ немъ,— сколько я могу судить,—общій фонъ нынѣшнихъ отношеній... То обстоятельство, что мнѣ, беллетристу по профессіи, приходится набрасывать въ деревенской избѣ эти торопливыя строки объ общинѣ и круговой порукѣ, а читателю придется ихъ перечитывать,—тоже, быть можетъ, является фактомъ, заслуживающимъ нѣкотораго вниманія. Да, надвигаются вновь эти неотвязные вопросы сѣрой мужицкой жизни, какъ будто забытые нами на время и теперь такъ властно заявившіе вновь о себѣ...

Опять дорога, опять морозная мгла, еще темнѣе, такъ какъ луна закатилась, опять обозы, то и дѣло стучащіе отводами по нашимъ санямъ...

— Куда?

— Въ Лукояновъ съ сѣменами...

Ну, и мнѣ тоже въ Лукояновъ.

II.

Въ Арзамасѣ.—Земскій начальникъ.—Опять дорожныя впечатлѣнія.—Нѣчто объ оппозиціи и фантастическія размышленія на границѣ уѣзда.

Часа въ два слѣдующаго дня я въ Арзамасѣ. Скучно. Ночь безъ сна, день—продолженіе ночи. Тѣ же холодныя тучи, сѣрое небо и „проносный" вѣтеръ. Вдобавокъ, трудно найти городъ скучнѣе и тоскливѣе Арзамаса. Видавшій нѣкогда лучшіе дни, но оставленный внѣ желѣзныхъ дорогъ и пароходнаго сообщенія—городъ падаетъ и пустѣетъ. Вотъ почему Арзамасъ въ лицѣ своихъ представителей все брюзжитъ въ губернскихъ собраніяхъ и жалуется на судьбу. Арзамасъ забытъ, интересы Арзамаса приносятся въ жертву... Въ послѣднее время мелькнула надежда: общественныя работы... Почему бы не провести Арзамасскую линію? Увы, напрасно! Арзамасу нужна желѣзная дорога, но... Арзамасъ едва-ли нуженъ желѣзной дорогѣ...

Широкія улицы, громадная площадь и церкви,

церкви,—весь городъ уставленъ огромными церквями. На улицахъ пусто, кое-гдѣ мелькнетъ рѣдкая фигура прохожаго, праздничные флаги треплются на вѣтру, дѣлая это зрѣлище унылаго города еще болѣе тоскливымъ.

Двѣ гостинницы. Въ одной,—какъ говорилъ мой спутникъ,—останавливается „разносословіе“, грязно и шумно. Въ другой пусто и скучно. Ужасный воздухъ, занавѣски съ траурными каймами пыли во всякой складкѣ; въ вентиляторѣ, когда я попытался открыть его, оказалось еще прошлогоднее птичье гнѣздо. За то въ корридорахъ стѣны украшены старыми изодранными картинами: это работа Ступинской художественной школы, пользовавшейся широкой извѣстностью въ началѣ нашего столѣтія. Въ лучшія времена Арзамасъ былъ пріютомъ музъ... Все прошло, и изодранныя картины въ промозгломъ корридорѣ еще усугубляютъ ощущеніе дремотной арзамасской тоски.

На черной доскѣ въ корридорѣ я прочиталъ знакомую фамилію Б—скій, и на слѣдующее утро имѣлъ удовольствіе видѣть у себя перваго еще земскаго начальника, такъ сказать, на мѣстѣ дѣйствія. Молодой человѣкъ съ высшимъ военнымъ образованіемъ,—онъ только нѣсколько дней назадъ принялъ должность. Не знаю, какъ это дѣлается въ другихъ губерніяхъ, но у насъ наземскихъ начальниковъ возложено все продовольственное дѣло на мѣстахъ. Очень можетъ быть, что это нѣсколько неожи-

данно съ точки зрѣнія закона, который предполагаетъ въ уѣздѣ другіе хозяйственнные органы, но у насъ такъ это выработалось практикой этихъ мѣсяцевъ: земскій начальникъ—изслѣдователь, хозяинъ, благотворитель; онъ составляетъ списки, онъ ихъ провѣряетъ, онъ организуетъ у себя склады хлѣба, онъ его раздаетъ. Теперь представьте себѣ въ этомъ положеніи человѣка, который знаетъ деревню и ея бытъ настолько, насколько можно его знать тому, кто сначала учился въ гимназіи или корпусѣ, потомъ въ военномъ училищѣ, въ академіи или университетѣ. Деревня—это каникулы или дача на лѣтніе мѣсяцы; и вотъ съ такой подготовкой человѣкъ очутился въ разгарѣ самыхъ жгучихъ и сложныхъ вопросовъ деревенскаго быта...

Я видѣлъ отставныхъ корнетовъ, которые чувствовали себя въ этомъ положеніи совершенно беззаботно. Г. Б—скій, котораго я встрѣтилъ въ Арзамасѣ, наоборотъ, видимо угнетенъ и встревоженъ, что я приписываю вліянію серьезной теоретической подготовки. По его мнѣнію, дѣло поставлено плохо, но какъ же поставить его лучше? Списки нуждающихся составлены безобразно. При первой же провѣркѣ наткнулся на богатаго мужика, получающаго по 1 разряду. Разсердился и посадилъ его подъ арестъ. На слѣдующій день приходитъ жена, плачетъ, проситъ отпустить: мужикъ вовсе и не просилъ ссуды, его внесли въ списокъ, онъ только не отказался... Надо отпустить. Списки составляли сельскія попе-

чительства или „комитеты“ изъ деревенскихъ „опти матовъ“. Выходитъ плохо,—значитъ, прежде всего нужно упразднить комитеты. Но чѣмъ замѣнить ихъ? Въ селѣ Остоженкѣ (вымышленное мною названіе того самаго села, о тайныхъ засѣданіяхъ въ которомъ разсказывалъ мнѣ Потапъ Ивановичъ) обратился къ священнику. Староста составитъ списокъ, священникъ сдѣлаетъ свои отмѣтки. Тотъ и руками, и ногами. Во-первыхъ, онъ самъ членъ того же попечительства, а во-вторыхъ, у него уже побили окна хотя онъ могъ прикрываться попечительствомъ Что-же будетъ, когда онъ возьметъ всю отвѣтстве н ность за правильность списковъ на себя? *) Да и кромѣ того: если ужъ все попечительство, составленное изъ „оптиматовъ“ деревни,—дѣйствовало пристрастно, то кто поручится за безпристрастіе двухъ его членовъ?

Впрочемъ, г. Б—скій считаетъ лучшими помощниками именно старшинъ, которые, получая жалованье, дорожатъ мѣстами. Старосты въ одинъ голосъ умоляютъ объ одномъ: „ради Бога, нельзя ли какъ уволиться?“ Иные изъ нихъ получаютъ по 10 р. въ годъ, другіе по 12 въ мѣсяцъ. Порой на огромное село—староста одинъ; другой разъ въ небольшой деревушкѣ четверо старостъ. На структурѣ де-

*) Изъ пѣсни слова не выкинешь,—поэтому я заношу этотъ характерный фактъ, засвидѣтельствованный мнѣ съ двухъ сторонъ. Однако, не объясняется ли онъ какими-нибудь мѣстными особенностями остоженскаго попечительства?

ревни отражается до сихъ поръ крѣпостное прошлое: въ огромномъ селѣ былъ одинъ владѣлецъ, образовалось одно общество и одинъ староста выбивается изъ силъ; въ деревенькѣ—было 4 помѣщика, и вотъ она до сихъ поръ сохраняетъ это дѣленіе, и каждое общество выбираетъ отдѣльнаго старосту...

Это замѣчаніе кажется мнѣ чрезвычайно характернымъ: застой, который мы такъ ясно ощущаемъ въ другихъ сферахъ нашей жизни, быть можетъ, съ особенной силой проявляется въ деревнѣ, сохраняющей не одни только эти слѣды печальнаго прошлаго...

— Итакъ,—спросилъ я въ заключеніе, — какъ же всетаки быть?

— Посмотрю. Надо измѣнить систему... Одно для меня и теперь очевидно: обысковъ слѣдуетъ положительно избѣгать.

— Позвольте, — о какихъ обыскахъ вы говорите?

— Просто обыски въ домахъ у крестьянъ, въ амбарахъ, ну, всюду, гдѣ можетъ быть хлѣбъ. Это называется провѣркой имущества... Недавно у бабенки при такой провѣркѣ отыскали хлѣбъ... Стала кричать: „ваше ли дѣло по подклѣтямъ шарить!..“ Посадилъ подъ арестъ, а всетаки... дѣйствительно, скверность...

Да, надо „измѣнить систему“, но тутъ, вдобавокъ, неувѣренность: говорятъ, прежній начальникъ оста-

нется въ должности. Итакъ, послѣ 28 дней, произойдетъ опять новая перемѣна, и „новая система“ будетъ измѣнена въ свою очередь...

Выпивъ наскоро стаканъ чаю, г. земскій начальникъ торопливо простился и побѣжалъ куда-то по неотложному продовольственному дѣлу, оставивъ меня съ одной печальной увѣренностью, что никакой общей системы не существуетъ. Еще раньше я слышалъ, что въ одномъ земскомъ участкѣ съ 12 юля до десяти разъ мѣнялись земскіе начальники. Итакъ, пережить десять смѣнъ разныхъ системъ! Хотя онѣ всѣ были превосходны, тѣмъ не менѣе несчастный, должно быть, этотъ участокъ...

Днемъ я посѣтилъ лѣсничаго Р—ва, съ которымъ познакомился во время одного изъ своихъ путешествій по нижегородскому краю. У воротъ его дома толпа мужиковъ: просятъ „уволить отъ работы“. Это—по части общественныхъ работъ. Лѣнтяи и пьяницы?—Совсѣмъ нѣтъ. Въ продовольственной коммиссіи нашли справедливымъ „наряжать“ рабочихъ поровну изъ разныхъ земскихъ участковъ. Такимъ образомъ, наряду съ привычными лѣсными работниками, очутились коренные земледѣльцы, не умѣющіе направить надлежащимъ образомъ пилу. Приходятъ они верстъ за 80, и въ то время, какъ другіе зарабатываютъ коп. 40—50, они могутъ выработать не болѣе 10—15, тогда какъ прокормиться стоитъ, по нынѣшнимъ цѣнамъ, коп. 20. Разумѣется, просятъ „уволить“, и нельзя не уволить, потому что работа,

дѣйствительно, требуетъ сноровки. А самовольный уходъ можетъ повлечь лишеніе пособія, какъ уклонившихся отъ предлагаемаго заработка...

По разсказамъ г. Р—ва и его жены, до начала выдачи ссуды въ городъ хлынули нищіе изъ деревень... Женщины съ грудными дѣтьми, старшія дѣти хватаются за платье, плачутъ, просятъ, падаютъ въ ноги... Вотъ что устранено пособіями, а вѣдь это было только начало...—Страшно подумать, что было бы, если бы не эти громадные обозы, которые даже и во время нашего разговора тянулись, скрипя, по засыпающимъ улицамъ Арзамаса...

28-го, въ часъ дня, я опять выѣзжаю изъ Арзамаса и опять на вольныхъ. Мой новый попутчикъ—крестьянинъ хлѣбо-и лѣсоторговецъ, возвращающійся домой послѣ разсчетовъ съ одной изъ уѣздныхъ управъ. Фигура топорная, сколоченная грубо, но добродушная. Человѣкъ солидный, думающій и неглупый.

День свѣтлый, лошади бѣгутъ тихой рысцой,—станція длинная. Мы опять говоримъ о голодѣ и о деревнѣ. На этотъ разъ я имѣю дѣло съ человѣкомъ довольно развитымъ, и потому „тянитье“ и выкрикиванія бабушекъ въ разговорѣ отсутствуютъ. Иныя сужденія моего собесѣдника мѣтки и характеристичны, но и здѣсь, какъ всегда, деревенская мысль не подымается выше непосредственныхъ наблюденій.

— Самое есть первое зло въ деревнѣ—кабакъ... Вотъ вѣрно написано въ „Сельскомъ Вѣстникѣ“, ужъ именно кто-то написалъ—практичный человѣкъ: „Прежде, говоритъ, работали мы на барина, на помѣщика... Страдали! Теперь, говоритъ, работаемъ уже на барыню (это водочка!). Слово съ ней сказать—семь копѣекъ, восемь копѣекъ. Два слова—вдвое“! То есть это такъ вѣрно написано,—въ акуратъ! Второе есть зло, что хуже прежняго разбою... Какъ-бы умно вамъ это высказать,—процентъ! На рубль теперича процентщикъ беретъ три копѣйки, пять копѣекъ въ мѣсяцъ подъ залогъ. А что составляетъ залогъ? Хлѣбъ на корню, озими. Не поплатился въ срокъ—озими отнимаетъ въ свою пользу... Теперь вотъ Господь и ихъ ударилъ порядочно.

— А что?

— Да какъ же! Подъ озими у нихъ задано по три рубли, а озими не уродились: ну, мужички поступились: берите, батюшки...

Онъ смѣется въ воротникъ своей шубы... Въ это время мы минуемъ большое село. Внизу, по суходолу, въ сторонѣ отъ дороги вытянулся небольшой порядочекъ. Крохотныя оконца крохотныхъ избушекъ, безъ дворовъ и огородовъ, отсвѣчиваютъ въ синеватой мглѣ наступающаго зимняго вечера... Это кельи.

— Третье есть зло,—говоритъ мой спутникъ, указывая на нихъ,—вотъ эти самыя кельи. Это вотъ проживаютъ тутъ солдатки, безмужницы, дѣвки ста-

рыя, вдовы и тому подобныя, безъ надѣлу которыя женщины... Вотъ онѣ у себя устраиваютъ всякія штуки... Самая язва тутъ и есть. Тутъ, въ избахъ этихъ, пряники ѣдятъ, сѣмячки щелкаютъ, на гармоніяхъ зудятъ, пѣсни играютъ и даже, хуже всего— водку пьютъ... Дѣвки пятнадцати-шестнадцати лѣтъ— и тѣ балуются. Вотъ зло какое, вотъ-бы что искоренить!.. Грѣха-то тутъ сколько. Отецъ не пускать, мать опять, слабостью, заступаться! Раздоръ! А тамъ за дѣвкой пріударитъ какой-нибудь молодецъ, богатаго отца сынъ. Матери-то и лестно: думаетъ—женихъ, а онъ вовсе и не женихъ, ищетъ себѣ одного расположенія. Возьметъ свое и отчаливаетъ. Эхъ, и говорить не охота, скверность! Лѣтъ не болѣе пятнадцати, какъ это гнѣздо у насъ завелось, а теперь вотъ въ нашемъ селѣ врядъ наберется домовъ 20, гдѣ хозяева держатъ свой домъ въ рукахъ. А то... Даже, скажу вамъ, незаконнаго младенца дѣвушка принесетъ, и то за стыдъ не считаютъ. Дескать, не моя одна, вонъ и у такихъ-то, и у такихъ-то...

Порядочекъ съ кельями, вызвавшій эти страстныя обличенія, и все село давно скрылись изъ виду, а мой спутникъ все еще продолжаетъ негодующія рѣчи...

— А отчего же завелось это гнѣздо?—спрашиваю я.

— Надзору нѣтъ...

— А земскіе начальники?

Онъ отворачивается и смолкаетъ.

„Нѣтъ надзору“... Не одна только деревенская философія апеллируетъ къ этому средству. Воспретить, искоренить... Не зуди на гармоніи, не играй пѣсенъ, не води хороводовъ!.. Сколько борьбы съ пѣснями и гармоніей видѣли послѣдніе годы и, однако, едва ли зла стало менѣе... И не приходитъ въ голову этимъ строгимъ людямъ, что зло не въ игрѣ и не въ пѣснѣ. Дай Богъ, чтобы Русь опять заиграла и запѣла... Быть можетъ, прошлый годъ заставитъ насъ поискать причины, почему ростетъ это „гнѣздо“, почему „женщинъ, которыя безъ надѣлу“, становится все больше, почему порядочки съ кельями вытягиваются и выростаютъ, отчего деревня, съ ея порядками и нашими воздѣйствіями на нихъ, отлагаетъ все большій осадокъ этихъ келейницъ, отчего сиротѣ, бобылкѣ и устарѣлой дѣвкѣ не остается ничего больше, какъ эксплоатировать законныя стремленія молодой натуры къ игрѣ, веселью и пѣснѣ?.. Отчего, наконецъ, игра и пѣсня должны укрываться на задахъ и по кельямъ?...

Солнце закатывается, снѣга синѣютъ, кой-гдѣ сверкаютъ замерзшія проталины. Дорога развертываетъ все новые виды и картины. Для человѣка, умѣющаго читать эту книгу, она говоритъ очень много и очень ясно

Вотъ, качаясь, точно челнокъ на волнахъ, плыветъ навстрѣчу возъ соломы. Тощая лошадь, усталый мужикъ, жалкій возишко...

— Откуда?—спрашиваетъ мой спутникъ.

— Изъ Голицына.

— Голицыно-то за Лукояновымъ 40 верстъ,— поясняетъ онъ мнѣ,—да до дому ему верстъ еще 30... Вотъ и судите: это онъ за 70 верстъ съѣздилъ, взадъ-впередъ 140, да за возъ заплатилъ рубля три. Вотъ оно что стоитъ нынѣ скотину-то сберечи. Изъ плохихъ годовъ самый плохой этотъ годъ. Въ прошломъ годѣ плохо же было, такъ хоть корма-то были, скотина дышала. Нынѣ такъ соткнулось съ обѣихъ сторонъ, что ни людямъ, ни скотинѣ продышать нечѣмъ... Ударилъ Господь-Батюшка, по всему народу ударилъ. Присмирѣли православные...

— А говорятъ: въ нашемъ уѣздѣ пьютъ больше прежняго?

— Пустое говорятъ. Унялись, кабаковъ сколько позакрыли. Да, вотъ, посмотрите: вонъ обозъ ѣдетъ съ куделью. Хвощане это. Каждый годъ кудель отъ насъ возятъ. Ежели-бъ вы ихъ прежніе годы посмотрѣли,—то и дѣло пьяные попадались. Лежитъ на возу, да еще поперекъ, пѣсню оретъ. Кинетъ его на шиблѣ,—онъ и летитъ съ возу торчкомъ. А нынѣ поглядите-ка: ни одного пьянаго. Нѣтъ, что тутъ пустяки толковать: присмирѣли, всѣ присмирѣли подъ гнѣвомъ Господнимъ... Потускнѣлъ народъ, иной разъ и смотрѣть-то жалко...

Послѣ этого мы нѣкоторое время ѣхали молча...

Зимняя заря погасла далеко впереди, снѣга посинѣли, луна ныряетъ межъ высокими, холодными облаками... Какія-то летучія тѣни пробѣгаютъ по

снѣжнымъ полямъ и сугробамъ, отблески по подмерзшимъ гладкимъ проталинамъ вспыхиваютъ и гаснутъ. Холодный вѣтеръ шипитъ, кидаетъ мелкимъ снѣжкомъ, забирается подъ шубу, наводитъ тоску.

— Граница уѣзду близко,—говоритъ Брыкаловъ, кутаясь въ свою шубу.

— Гдѣ?

— Вонъ тамъ, за второй гатью, подъ лѣсомъ. Еще съ версту... Только теперь, у этой границы, я начинаю ясно чувствовать томящую неопредѣленность своего положенія... Куда я ѣду? Что стану дѣлать, съ чего начинать, у кого просить содѣйствія и помощи въ незнакомомъ мѣстѣ, въ непривычномъ дѣлѣ?

Настроеніе лукояновскихъ „правящихъ сферъ" нужно считать неблагопріятнымъ. Незадолго передъ своимъ отъѣздомъ изъ Нижняго я узналъ странную исторію: лукояновская продовольственная коммиссія и уѣздное благотворительное попечительство (два учрежденія, состоявшія изъ однихъ и тѣхъ же членовъ) высказались противъ учрежденія столовыхъ въ уѣздѣ. Высказались еще не ясно и глухо. „Признавая въ принципѣ полезнымъ",—коммиссія находитъ, что для столовыхъ нужны деньги и люди. Денегъ нѣтъ, людей тоже нѣтъ, значитъ, и дѣлать нечего... Тогда изъ губерніи указаны на мѣстѣ люди, которые согласились взять на себя веденіе столовыхъ, и этимъ людямъ, по представленіи ими смѣтъ, выслана черезъ уѣздное попечительство необходимая

сумма. Но тутъ-то и случилось нѣчто совсѣмъ уже неожиданное: попечительство наложило руку на пересылаемыя черезъ него деньги и раздѣлило ихъ по земскимъ участкамъ, забывая, что деньги безъ людей сами по себѣ ничего сдѣлать не могутъ. Вышло нѣчто неожиданное и странное: люди, найденные въ уѣздѣ стараніями губернскаго комитета, оказались безъ денегъ, которыя именно имъ высылались; деньги, посланныя на опредѣленное дѣло, оказались изолированными отъ людей, которые согласились его дѣлать... Все это въ губерніи вызвало крайнее недоумѣніе, губернія даже начала терять терпѣніе... Для меня же теперь изъ всего этого было ясно только одно, что дѣло столовыхъ въ уѣздѣ далеко не въ авантажѣ, и что тѣ же невѣдомые мотивы, которые заставили отстранить отъ уѣзда триста тысячъ пудовъ казенной ссуды,—отстраняютъ теперь отъ населенія и благотворительную помощь. Къ печальному настроенію, вызванному безотрадными картинами и свистомъ холоднаго вѣтра,—присоединилось нерадостное соображеніе, что вотъ, за этой чертой, въ концѣ длинной гати—я силою судебъ окажусь въ невольной оппозиціи къ мѣстнымъ уѣзднымъ властямъ...

Оппозиція,—какое, право, страшное слово! Я написалъ его въ своемъ дневникѣ и невольно думаю: ужъ не вычеркнуть-ли въ самомъ дѣлѣ?.. Но нѣтъ, не вычеркну, а лучше поясню, что значитъ это слово въ провинціи, вообще, и въ нашемъ нижегородскомъ

краѣ, въ частности. Вотъ что говорилъ мнѣ одинъ добрый знакомый „изъ оппозиціи“ нѣсколько лѣтъ назадъ, когда я только еще знакомился съ положеніемъ дѣлъ въ губерніи, гдѣ судьба заставила меня свить прочное гнѣздо:

— Бросьте вы, батюшка, эти термины: оппозиція, партіи, консерваторы, либералы. Ничего вы съ ними у насъ въ уѣздѣ не разберете. Смотрите проще: одни у насъ производятъ хищенія и желаютъ сохранить эту возможность; вотъ вамъ нашъ уѣздный консерватизмъ. А мы и желали бы прекратить, да не можемъ. Вотъ и вся либеральная оппозиція.

Хорошо это или дурно, радостно или печально,— дѣло вкуса, но только событія показали мнѣ, что это самобытное опредѣленіе совершенно справедливо, по крайней мѣрѣ, въ нашихъ мѣстахъ. Не стану скрывать, о комъ идетъ рѣчь: одно время вся русская пресса говорила о хищеніяхъ, произведенныхъ г. Андреевымъ, нижегородскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и предсѣдателемъ уѣздной управы. Четыре должности занималъ г. Андреевъ и по четыремъ должностямъ совершилъ растраты, констатированныя гласно болѣе, чѣмъ четырьмя учрежденіями. Событія, наконецъ, назрѣли, закипѣла борьба, отголоски которой отражались даже въ столичной прессѣ. Было тутъ много всего: и выборное начало, и мировая юстиція, и грозные намеки на либеральную интригу. Въ концѣ-концовъ оппозиція восторжествовала, г. Андреевъ умылъ

руки и удалился въ лоно частной жизни, не забывъ произнести стереотипную, отчасти даже избитую отъ частаго употребленія фразу, которая для этихъ случаевъ, такъ сказать, освящена уже традиціей:

— Теперь я уже ни за что не отвѣчаю... Не ручаюсь за спокойствіе уѣзда!

И, однако, уѣздъ спокоенъ и теченіе земскихъ дѣлъ совершается обычнымъ порядкомъ, только земская касса обезпечена отъ набѣговъ, предусмотрѣнныхъ дремлющими, впрочемъ, на сей разъ уголовными законами...

Уразумѣвъ, какъ слѣдуетъ, на этомъ и другихъ примѣрахъ значеніе словъ „уѣздная оппозиція", я уже не считаю его страшнымъ. Лукояновская оппозиція по вопросу: „кормить или не кормить", пожалуй, еще менѣе опасна; дѣло въ томъ, что сколько позволяли мнѣ разсмотрѣть густые туманы мѣстной политики и удаленность уѣзда отъ губерніи,—сами лукояновскіе дѣятели съ нѣкоторыхъ поръ стоятъ въ оппозиціи къ губернскому центру. Итакъ, оппозиція уѣздной оппозиціи,—трудно даже разобрать, что это въ самомъ дѣлѣ выйдетъ, и страшно это или совсѣмъ не страшно... Одинъ изъ эдиповскихъ вопросовъ, выдвигаемыхъ порой нашей русскою жизнью!..

Казалось бы, разгадку всякихъ эдиповскихъ вопросовъ этого рода слѣдуетъ искать въ законѣ. То, что законно, не должно быть страшно. Но это не такъ.—„Знаете ли,—спрашивалъ меня недавно одинъ

наблюдательный человѣкъ,—знаете ли, кто въ провинціи пострадалъ болѣе всѣхъ отъ неурожая нынѣшняго года, кромѣ, конечно, мужика?“

— Не знаю.

— Законъ!

Пожалуй, это совершенно вѣрно. „Всуе и законы писать, если не исполнять оныхъ“ — это написано очень давно и написано справедливо... Кто-то сравнивалъ законы съ рулемъ, утверждающимъ правильный ходъ государственнаго корабля. Если такъ, то, казалось бы, именно въ трудныя минуты, въ годину всякой невзгоды слѣдуетъ тверже налегать на руль... Между тѣмъ у насъ, въ провинціи, вообще, и, пожалуй, въ нашемъ нижегородскомъ краѣ, въ особенности,—именно въ такихъ случаяхъ законъ считается прежде всего помѣхой, отъ которой слѣдуетъ освободиться, какъ отъ ненужнаго балласта. Каково, напримѣръ, было удивленіе нижегородской губернской продовольственной коммиссіи, когда предсѣдатель макарьевской земской управы заявилъ, что населеніе его уѣзда лишено возможности покупать хлѣбъ въ сосѣдней Вятской губерніи! Казалось невѣроятно, оказалось—правда! Случай не единственный, и еще долго послѣ того, какъ распоряженіе вятской администраціи было отмѣнено министромъ — фактъ оставался въ силѣ, въ видѣ своеобразныхъ таможенныхъ мужиковъ съ здоровенными дубинами на границѣ двухъ, во всякомъ случаѣ, „дружественныхъ“ губерній...

Я присутствовалъ въ качествѣ изумленнаго наблюдателя, въ засѣданіи коммиссіи, гдѣ одинъ изъ представителей Костромской губерніи явился посланцемъ для переговоровъ о безпрепятственной закупкѣ хлѣба въ Нижнемъ. У насъ воспрещеній не было, но посланнику костромской державы пришлось выслушать нѣсколько горькихъ упрековъ въ недружелюбной таможенной политикѣ относительно державы нижегородской, такъ какъ и на западной границѣ нашей губерніи тоже оказалась цѣпь таможенныхъ съ дубинами... Говорили, будто дѣло дошло до того, что одинъ изъ земскихъ начальниковъ объявилъ сепаратную таможенную систему въ одномъ своемъ участкѣ... ни ввоза, ни вывоза! За достовѣрность этого послѣдняго факта не ручаюсь, но самъ знаю почтенныхъ и совершенно „лояльныхъ“ обывателей которые, живя въ „сердцѣ Россіи“, и не подозрѣвали, что могутъ когда-нибудь стать контрабандистами. А довелось. Ночь, вьюга, на небѣ тучи, перекликаются дозорные, а глухими и неудобными дорогами прокрадываются контрабандисты съ кулями русскаго хлѣба черезъ границу... двухъ центральныхъ русскихъ губерній!.. Представьте себѣ теперь положеніе закона, „передъ лицо“ котораго эти своеобразные таможенные привели бы этихъ неожиданныхъ контрабандистовъ. Гдѣ составъ преступленія, какъ поставить обвиненіе, кто, наконецъ, обвиняемый, обвинитель, преступникъ?.. Кого судить: таможеннаго мужика съ дубиной, или контрабан-

диста, такого-же мужика съ кулемъ хлѣба?.. Первый поставленъ своимъ уѣзднымъ мѣстнымъ начальствомъ. Да... но и второй тоже отправился съ благословенія своего начальника и даже имѣетъ билетъ... А законъ? Да, каково въ самомъ дѣлѣ положеніе закона?

Въ Лукояновскомъ уѣздѣ пока нѣтъ таможенной стражи на границѣ, однако... признаться ли?—когда я, проѣхавъ длинную-длинную гать, приблизился къ границѣ Арзамасскаго и Лукояновскаго уѣздовъ,—въ головѣ у меня зароились самыя странныя мысли. Было это, если не ошибаюсь, въ самую полночь,—часъ фантастическій! По небу быстро неслись бѣлыя, легкія и причудливыя облака, а по снѣгамъ бѣжали ихъ летучія, неуловимыя тѣни. Унылая равнина, болото съ кустарникомъ, перерѣзанное длинною гатью, а за ней—покосившійся столбикъ, обозначающій „мысленную черту", раздѣляющую два уѣзда... И мнѣ совершенно невольно вспомнились дикіе толки, ходившіе въ послѣднее время по Нижнему о Лукояновѣ. Говорили о распрѣ съ губерніей, говорили о какой-то диктаторской власти, которою облекся г. Философовъ... Что это за странная власть въ уѣздѣ, откуда она могла истекать,—этого, конечно, никто сказать не могъ. Говорили только, что „губернія" облекла уѣзднаго предводителя этой почти опереточной диктатурой, а „предводитель" обратилъ ее противъ губерніи; и вотъ совершенно нелѣпая фраза: „на основаніи данной мнѣ дикта-

торской власти“ гремитъ будто бы по уѣзду и отголосками достигаетъ до Нижняго-Новгорода. Конечно, это вполнѣ фантастическая нелѣпость, но таково уже свойство нашей провинціальной жизни, вообще, а въ настоящую минуту, въ особенности,— что эти нелѣпости удивительно легко находятъ вѣру въ публикѣ, и меня, скромнаго корреспондента, предупреждали совершенно серьезно, что моя нехитрая миссія не увѣнчается успѣхомъ. Находясь въ оппозиціи съ губерніей,—Лукояновъ понимаетъ будто бы все навыворотъ; такъ, до мысленной черты за гатью и далѣе по рубежу, напримѣръ, въ Сергачскомъ уѣздѣ,—выдается пособіе въ размѣрѣ одного пуда на человѣка, а столовыя насаждаются усердіемъ мѣстной администраціи. Кто пожелалъ бы препятствовать этому,—оказался бы неизбѣжно въ оппозиціи мѣстнымъ властямъ. Но за мысленной чертой, къ которой подвигала меня тройка вольныхъ лошадей,—выдаютъ вдвое и втрое меньше, и всякій, кто желаетъ открыть столовую, — столь же неизбѣжно попадаетъ въ оппозицію властямъ лукояновскимъ. Далѣе: въ губерніи признана полезной просвѣщенная гласность, которой открыты всѣ двери: пріиди и виждь! За мысленной чертой, пролегающей передо мною на равнинѣ, на гласность смотрятъ недружелюбнымъ окомъ и, во имя „спокойствія уѣзда“, желали бы закрыть для нея границу. И вотъ, когда, наконецъ, уныло звеня колокольцомъ надъ спящимъ болотомъ, тройка подвинула меня вплоть къ поко-

сившемуся пограничному столбику, мнѣ вспомнились ходившіе еще въ Нижнемъ толки, будто моей скромной особѣ оказано специальное вниманіе и, на основаніи фантастической „диктаторской власти“, гласность въ моемъ лицѣ не будетъ впущена „за границу уѣзда“. Нелѣпость, безъ сомнѣнія, скажетъ читатель... Не бо́льшая, однако, чѣмъ таможенные кордоны на границахъ двухъ уѣздовъ, чѣмъ многое, о чемъ мнѣ придется повѣствовать въ этой скорбной книгѣ... И—что хотите, а я всетаки скользнулъ взглядомъ за мысленную черту, окаймленную кустарникомъ, и въ моемъ воображеніи мелькнула фантастическая картина: „Стой, кто ѣдетъ черезъ границу?“—Гласность.—„На основаніи диктаторской власти,—поворачивайте назадъ“... Однако,—никого... Черта пустынна, и только летучія пятна скользятъ по снѣжной равнинѣ. Я вздохнулъ. „Нелѣпость“ казалась мнѣ одно мгновеніе довольно заманчивой. Что станете дѣлать,—все характерное кажется порой привлекательнымъ съ профессіональной точки зрѣнія. И гать, и столбики остались назади... Я—„на мѣстѣ“ и думаю про себя, что стыдно заниматься подобными фантазіями въ такое время, когда надо дѣлать насущное и трезвое дѣло... Да, правда: дѣйствительно, много самаго горькаго стыда въ томъ, что могутъ являться такія мысли и именно въ такое время... Но я рѣшился быть откровеннымъ: думалъ, такъ думалъ! Что-жъ, пусть трезвый столичный читатель знаетъ, какія нелѣпости бродятъ порой

въ головѣ провинціальнаго бытописателя въ глухую полночь на границѣ иного уѣзда...

Пока я предавался этимъ фантастическимъ и печальнымъ размышленіямъ,—впереди замелькали рѣдкіе огоньки у подножья темнаго широкаго бугра, а въ небѣ зарисовались силуэты вѣтряныхъ мельницъ.

— Это что за село?—спросилъ я у моего спутника.

Онъ выглянулъ изъ-за своего воротника.

— Это? Да это Лукояновъ. Поближе-то вонъ приселочекъ, а подальше и городъ...

III.

Въ Лукояновѣ: Лукинскіе номера и «конспиративная квартира».— Злобы дня уѣзднаго города: исправникъ Рубинскій и предсѣдатель Валовъ.—Нѣчто о лукояновскомъ юморѣ, о земствѣ и о столовыхъ.—Еще недоумѣвающій земскій начальникъ.

Итакъ, я въ Лукояновѣ!

Когда я проснулся на слѣдующее утро,—зимнее солнце весело глядѣло въ окна, покрытыя сплошными узорами отъ крѣпкаго мороза. Кругомъ было какъ-то удивительно тихо, только гдѣ-то поскрипывалъ вентиляторъ, да въ дальней комнатѣ стучала половая щетка. Очевидно, во всей гостиницѣ я былъ единственный „проѣзжающій“.

Гостиница эта очень оригинальна. Принадлежитъ она Н. Д. Лукину, мѣстному городскому головѣ, и существуетъ, повидимому, для одного лишь базарнаго дня, когда деревня затопляетъ городъ сѣрою массой полушубковъ и чапановъ. Въ эти дни, впослѣдствіи, я очень любилъ изъ своего якобы „номера", сквозь неплотно притворенную дверь, слушать нестройный гулъ и говоръ мужицкой толпы,— грубый, несвязный и простодушный, прерываемый порой то внезапнымъ и шумнымъ споромъ, то обрывкомъ тотчасъ же смолкавшей пѣсни, то чьей-нибудь жалобой, то чьими-нибудь воплями и слезами. Остальную недѣлю—въ гостиницѣ царитъ та самая удивительная тишина, которая охватила меня въ первое мое „лукояновское" утро. „Чистой публики" совсѣмъ мало, проѣзжающіе, вродѣ меня—залетная случайность, вызванная „тревожными обстоятельствами" голоднаго года. Вчера ночью, когда мои вещи внесли наверхъ по широкой лѣстницѣ, я былъ удивленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что, вмѣсто обычной обстановки „номеровъ для пріѣзжающихъ",— попалъ непосредственно въ билліардную. Какое-то неуклюжее и довольно жалкое сооруженіе на тощихъ ногахъ, съ жестоко изодраннымъ сукномъ — занимало середину комнаты. Вдоль стѣнъ стояли небольшіе трактирные столики, покрытые скатертями, съ неизбѣжными спичечницами и перечницами, а также стулья. Кругомъ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ, виднѣлись такія же точно

комнаты, съ той же обстановкой, кромѣ, впрочемъ, билліарда.

— А гдѣ-же номера?—спросилъ я.

— Сьчасъ!

Двое сильно заспавшихся, но весьма радушныхъ парней, съ очень толстыми физіономіями, способными привести въ соблазнъ какого нибудь „изслѣдователя голода“ (центръ голодающаго уѣзда и вдругъ—такія щеки!),—проворно вытащили изъ угловой комнаты одинъ столикъ и нѣсколько стульевъ, водрузили на ихъ мѣсто желѣзную кровать съ матрацомъ,—и „номеръ“ оказался къ моимъ услугамъ... Долженъ сказать, впрочемъ, что онъ оставилъ во мнѣ самыя лучшія воспоминанія: выбѣленныя известкой стѣны, печка, разрисованная по желѣзу „пукетами“, и довольно чистый воздухъ,—показались мнѣ гораздо лучше обоевъ съ клопами, пыльныхъ гардинъ и промозглой атмосферы обыкновенныхъ уѣздныхъ, да и губернскихъ „нумеровъ для господъ пріѣзжающихъ“... Раза два во все мое пребываніе здѣсь—военные писаря приходили „чкалить“ на билліардѣ, да разъ въ недѣлю, по базарнымъ днямъ, вся гостиница густо насыщалась запахомъ овчины, онучей, водки и пота,—специфическимъ ароматомъ сѣраго мужика, постепенно вывѣтривавшимся и выгоняемымъ въ теченіе недѣли въ вентиляторы, трубы и форточки... Вотъ и все „безпокойство“ моего своеобразнаго и тихаго, въ сущности, пріюта.

Впослѣдствіи, когда „тревожныя обстоятельства“

усилились и въ Лукояновъ стали наѣзжать все новые и новые „члены по продовольственной части“,—еще нѣсколько столовъ и стульевъ должны были уступить мѣсто кроватямъ, еще двѣ-три горницы превращены въ „нумера“. Тогда „мужика“ перестали вовсе пускать наверхъ,—о чемъ я очень жалѣлъ,—и весь говоръ и шумъ, споры и разсчеты, жалобы, ругань и дружескія изліянія подъ хмѣлькомъ,—однимъ словомъ, весь мужичій гомонъ и всѣ мужичьи запахи пріютились внизу, на черной половинѣ, но за то они стояли тамъ такъ плотно и густо, что мнѣ казалось, будто нашу пустую и легковѣсную чистую половину наверху, со всѣми „членами“, занимавшими каждый по номеру,—когда нибудь можетъ просто взорвать на воздухъ... Билліардная въ это время тоже пустовала и служила нейтральнымъ мѣстомъ встрѣчи для насъ, обитателей „номеровъ“, мѣстомъ, гдѣ мы оглядывали другъ друга, знакомились и осторожно заговаривали о „тонкихъ матеріяхъ“ мѣстной политики, нащупывая почву и вывѣдывая постепенно, къ какому „лагерю“ тяготѣетъ тотъ или другой новый сосѣдъ по номеру... Впрочемъ, Лукинскіе номера, какъ и городской домъ со въѣзжей квартирой, вскорѣ какъ-то естественно и по ходу вещей приняли опредѣленную окраску: ихъ наѣзжая публика стояла рѣшительно за губернію, то есть за кормленіе, за лѣченіе и за столовыя... Другой лагерь составляли приверженцы мѣстной автономіи, обладавшіе особеннымъ помѣщеніемъ, называвшимся въ шутку „конспира-

тивной квартирой". Названіе было, впрочемъ, очень мѣтко. Дѣло въ томъ, что лагерь этотъ былъ весьма необширный и совершенно замкнутый въ себѣ, но за то чрезвычайно предпріимчивый и сплоченный. Квартира была нанята уѣзднымъ предводителемъ М. А. Философовымъ, и здѣсь останавливались гг. земскіе начальники (кромѣ одного), а также происходили засѣданія уѣздной продовольственной коммиссіи и благотворительнаго попечительства, двухъ учрежденій, состоявшихъ изъ однихъ и тѣхъ-же лицъ и въ которыя никто изъ постороннихъ не допускался рѣшительно. Это было нѣчто вродѣ „совѣта десяти", устанавливавшаго въ секретнѣйшихъ засѣданіяхъ и уѣздную „политику", и взгляды, обязательные для города и обывателей... И долгое время городъ робко внималъ предписаніямъ конспиративной квартиры... Однажды, во время объѣзда членомъ губ. присутствія І. П. Кутлубицкимъ губерніи съ цѣлью ревизіи, — податной инспекторъ г. З—въ сообщилъ ему, что въ селѣ Атингѣевѣ существуютъ какія-то заболѣванія, весьма похожія на тифозныя. Впослѣдствіи оказалось, что въ уѣздѣ свирѣпствовалъ дѣйствительный тифъ, въ томъ числѣ и въ селѣ Атингѣевѣ. Однако, въ то время обыватели объ этомъ говорили только шопотомъ, и данный разговоръ происходилъ между двумя чиновниками съ глазу на глазъ, за стаканомъ чаю. Представьте же себѣ удивленіе г. З—ва, когда онъ узнаетъ, что объ его словахъ имѣлось „сужденіе"

въ конспиративной квартирѣ, и въ засѣданіи 28 января „читано письмо земскаго начальника 6-го участка отъ 24 января, № 144, о томъ, что, по заявленію г-на под. инспектора Золотилова г-ну Кутлубицкому, въ селѣ Атингѣевѣ люди умираютъ отъ голода (!), между тѣмъ, по тщательномъ изслѣдованіи это заявленіе не подтвердилось и, кромѣ того, въ томъ селѣ имѣется безплатная столовая удѣльнаго вѣдомства“... Постановлено: „принять къ свѣдѣнію“ *). Только! Однако, этотъ „политическій актъ“ поразилъ обывателей, какъ громомъ, и поднялъ чрезвычайно престижъ конспиративной квартиры. Во-первыхъ, обыватель убѣдился, что и „стѣны имѣютъ уши“. Во-вторыхъ, онѣ всетаки могутъ не дослышать и на мѣсто несомнѣннаго факта подставить „ложные слухи“... Въ-третьихъ,—да, въ-третьихъ, г. Золотиловъ счелъ себя вынужденнымъ написать своему начальству предупредительное объясненіе, а въ городѣ о щекотливыхъ предметахъ остерегались съ тѣхъ поръ говорить даже и шопотомъ.

Какъ видите, „конспиративная квартира“ держала себя, какъ настоящій тайный совѣтъ десяти (не сочли даже нужнымъ спросить самого податного инспектора, что имéнно онъ говорилъ и на какомъ основаніи), а впослѣдствіи, уже при мнѣ, здѣсь были задуманы, обсуждены, редактированы и пущены

---

*) Журналъ засѣданія Лукояновской уѣздной продовольственной коммиссіи отъ 28 января 1892 года.

въ ходъ самыя ядовитыя „политическія ноты“ и противъ губерніи, и противъ обитателей скромнаго Лукинскаго дома,—ноты, высиженныя въ глубокой тайнѣ и о коихъ заинтересованныя лица узнавали по большей части лишь долго спустя... Это были своего рода навѣсные выстрѣлы. Появится дымокъ, въ противномъ лагерѣ водворяется смутная тревога: что-то опять задумано, пущенъ какой-то новый выстрѣлъ. Одинъ изъ такихъ выстрѣловъ, имѣвшій цѣлью—бѣдную прессу, отдался эхомъ далеко за предѣлами губерніи, и „конспиративная квартира“ неожиданно очутилась подъ убійственнымъ огнемъ, открывшимся по всей газетной линіи... Пишущая и читающая Россія, очевидно, была на сторонѣ Лукинскаго дома и противъ „конспиративной квартиры“.

Да,—такова была эта комическая война... Очень жаль, что разыгрывалась она на слишкомъ трагическомъ фонѣ и что бѣдному обывателю, по обязанностямъ совѣсти или службы не имѣвшему порой возможности стать внѣ дѣйствія этихъ „двухъ огней“,—приходилось порой такъ плохо... что вотъ, напримѣръ, земскій врачъ С—въ послѣ голоднаго года попалъ прямо въ лѣчебницу для душевнобольныхъ.

Лукояновъ принадлежитъ къ числу тѣхъ городовъ, многочисленныхъ у насъ на Руси, по первому взгляду на которые вы не отличите—городъ это

или просто большое село. Раскинувшись довольно широко по склону отлогаго холма, вокругъ единственной церкви, занимающей середину огромной площади,—онъ разбѣгается просторными, мало застроенными улицами и по окраинамъ переходитъ уже прямо въ деревню, заселенную крестьянами землепашцами. Центръ чисто-земледѣльческаго уѣзда, онъ не щеголяетъ, какъ Арзамасъ, постройками, и только развѣ традиціонное зданіе съ желѣзною крышей, каменной оградой и рѣшотчатыми воротами, глядящее изъ-за рѣки Теши предостерегающимъ взглядомъ, — сразу заставляетъ догадаться, что это „населенное мѣсто" должно считаться административнымъ центромъ. Вокругъ города по холмамъ стоятъ вѣтрянки, изрѣдка лѣниво помахивающія крыльями (отдыхъ этимъ крыльямъ въ нынѣшнюю зиму!), широкій трактъ съ аракчеевскими березами уходитъ вдаль, взбираясь красивою лентой съ возвышенія на возвышеніе, и лежатъ волнистыя поля, покрытыя снѣгомъ... Тиха и невзрачна столица дальняго, сѣраго земледѣльческаго уѣзда...

Вдобавокъ, и званіе столицы оспаривается у Лукоянова другимъ центромъ—Починками. Это большое село, расположенное южнѣе и не забывающее своего титула „заштатный городъ". Тамъ издавна пріютились и канцелярія предводителя, и воинское присутствіе, и земская управа, оттуда собственно исходитъ по меньшей мѣрѣ половина тѣхъ „политическихъ мѣръ", которыя доставили уѣзду всероссійскую

извѣстность. На этомъ основаніи, лукояновскій городской голова, Н. Д. Лукинъ, съ которымъ я познакомился вскорѣ по пріѣздѣ, горячо настаиваетъ на отстраненіи отъ Лукоянова этой чести, всецѣло уступая ее Починкамъ...

Въ Лукояновѣ въ это время было затишье, и городъ отдыхалъ отъ непривычнаго обилія впечатлѣній. Правда, недавнее еще устраненіе, въ видахъ продовольственной политики, исправника Рубинскаго, оказывавшаго губерніи хотя и косвенную, но упорную оппозицію,—произвело, конечно, „волненіе умовъ", которое еще не вполнѣ улеглось. Но изъ главныхъ руководителей уѣздной оппозиціи никого не было на-лицо, и потому назрѣвающія событія еще дремали, въ ожиданіи ближайшаго съѣзда (назначеннаго на 7 марта), и городъ, сочувствовавшій, впрочемъ, губерніи, пассивно ждалъ.

Г. Рубинскій—своего рода лукояновская достопримѣчательность. Это даже не человѣкъ,—а цѣлая программа! Старый полицейскій служака весьма распространеннаго типа, до мозга костей проникнутый извѣстной формулой „все благополучно", видавшій всякіе виды, судившійся и осужденный (кажется, даже не однажды), между прочимъ и за превышеніе власти, крутой и не дающій потачки мужику, на котораго, конечно, смотритъ, какъ на сплошного пьяницу и лѣнтяя,—онъ органически неспособенъ былъ выносить никогда еще невиданнаго въ уѣздѣ зрѣлища: „пьяницу и лѣнтяя" собираются кормить; говорятъ, у

него, исправника, въ уѣздѣ — голодъ и болѣзни. Какъ,—значитъ, исправникъ допустилъ, значитъ, у исправника неблагополучно? И у г. Рубинскаго, уже стараго и порядочно таки уставшаго на службѣ,— проснулось что-то и зачесались руки. Голодъ, болѣзни... Пусть только дадутъ исправнику волю,— онъ ему (пьяницѣ и лѣнтяю) покажетъ лѣченіе! Перепоротъ полъ-уѣзда („такъ бывало у насъ, въ старину")—и голодъ, какъ рукой, сниметъ! И онъ внесетъ не только подати, но еще и недоимки. Я думаю, это былъ у г. Рубинскаго совершенно безкорыстный, органическій, внутренній порывъ, протестъ уѣздно-полицейской традиціи противъ невиданнаго баловства, нѣжностей и безпорядка... И если бы, въ угоду г-ну Рубинскому, губернія отступила отъ своихъ взглядовъ, бросила бы „нѣжности" и признала свою ошибку, г-нъ Рубинскій навѣрное бы успокоился... Но губернія полагала, что исправникъ есть лишь власть исполнительная и что скорѣе онъ обязанъ подчиниться общему направленію... Оно, пожалуй, и правда, но всѣ 25 лѣтъ полицейской службы со всѣми осужденными и неосужденными превышеніями власти поднимались въ немъ глухимъ протестомъ...

Тогда въ уѣздѣ начались странныя вещи. Съ одной стороны—первоначальныя, очень мрачныя свѣдѣнія предводителя и земскихъ начальниковъ, подтверждаемыя многочисленными свидѣтелями, а также цифрами урожая, заставляютъ предполагать, что дѣло

очень плохо. Съ другой—всѣ „изслѣдователи“, проѣзжающіе черезъ уѣздъ на почтовыхъ и пользующіеся любезно сообщаемыми свѣдѣніями полиціи,—свидѣтельствуютъ единогласно, что вмѣсто голода замѣчаются разгулъ и развитіе роскоши. Проглянетъ гдѣ нибудь тифъ... И вдругъ—нѣтъ никакого тифа. Оффиціально, на бумагахъ, даже и въ первоначальныхъ рапортахъ той же полиціи—нужда. Въ натурѣ—благополучіе. Дѣло доходило въъ этой занимательной игрѣ до истинныхъ курьезовъ. Получается, напримѣръ, отъ пріѣхавшаго въ уѣздъ помощника врачебнаго инспектора, Рѣшетилло, телеграмма о томъ, что въ большомъ селѣ Саитовкѣ—страшный тифъ. Цифры—поражающія! Ѣдетъ въ уѣздъ, отправленный тотчасъ же губернаторомъ, врачебный инспекторъ г. Ершовъ (тоже „старый служака“), — и удивленная губернія получаетъ извѣстіе, что никакого тифа нѣтъ, общая цифра больныхъ ничтожна и вообще „санитарное состояніе уѣзда благополучно“. Подписалъ докторъ Ершовъ, подписалъ мѣстный земскій врачъ г. Эрбштейнъ, подписалъ, наконецъ... самъ докторъ Рѣшетилло! А затѣмъ—новыя извѣстія, и опять тифъ показывается въ другомъ мѣстѣ, чтобы опять исчезнуть по волшебному манію полиціи... Таково чудотворное дѣйствіе старой традиціонной формулы „все благополучно“.

Кто-же, однако, былъ правъ, и которая подпись злополучнаго доктора Рѣшетилло удостовѣряла истину? (надо замѣтить, что г. Рѣшетилло тоже въ всое время привозилъ въ губернію самыя свѣжія

полицейскія свѣдѣнія о полномъ благополучіи уѣзда). Впослѣдствіи ген. Барановъ публично въ засѣданіи коммиссіи извинялся передъ докторомъ Рѣшетилло въ томъ, что не повѣрилъ первой его телеграммѣ. Однако, еще убѣдительнѣе свидѣтельство противной стороны. Докторъ Эрбштейнъ (опять „старый служака“) совершенно, по моему, искренно и вполнѣ добросовѣстно (гораздо, во всякомъ случаѣ, добросовѣстнѣе г. Рубинскаго) пытался иллюстрировать свое мнѣніе о полномъ санитарномъ благополучіи уѣзда слѣдующими удивительными аргументами. „Вы думаете,—страстно и горячо говорилъ г-нъ Эрбштейнъ, обращаясь къ отсутствовавшимъ въ земскомъ собраніи противникамъ,—что вы открыли намъ что нибудь новое! Нѣтъ, у насъ это давно“. И онъ привелъ рядъ цифръ слѣдующаго содержанія. — Оказывается, что въ Лукояновскомъ уѣздѣ тифъ свилъ себѣ прочное гнѣздо еще съ 1885 г., а съ 1886 г. идетъ непрерывное возрастаніе эпидеміи:

	заболѣло	умерло	% смертности
въ 1886 году . . .	398 ч.	24 ч.	6,7
„ 87 „ . . .	462 „	28 „	6
„ 88 „ . . .	1083 „	55 „	5
„ 89 „ . . .	1115 „	69 „	5,3
„ 90 „ . . .	993 „	68 „	5
„ 91 „ . . .	3731 „	198 „	5
„ 92 „ (за 4 м-ца)	3988 „	200 „	5

Это цифры заболѣваній отъ одного тифа и притомъ цифры оффиціальныя!.. Признаюсь, когда я выслушалъ въ уѣздномъ собраніи эту удивительную

таблицу, то сначала не вѣрилъ своему слуху.—„Что доказываетъ г. Эрбштейнъ?"—спросилъ я у ближайшаго своего сосѣда изъ публики.—Онъ говоритъ, кажется, что все благополучно и что санитарные отряды присланы напрасно.

Я провѣрилъ свою записку съ журналомъ собранія—цифры вѣрны! Это мнѣ, признаюсь, сначала показалось превосходящимъ всякое пониманіе, но только сначала. Впослѣдствіи я имѣлъ случай познакомиться и съ самимъ докторомъ и убѣдился, что это человѣкъ искренно убѣжденный въ своей правотѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эпизодъ этотъ пояснилъ мнѣ многое, что ранѣе оставалось непонятнымъ въ этомъ сложномъ столпленіи самыхъ противорѣчивыхъ мнѣній о фактѣ голода или благополучія. „Не новость"—въ этомъ все разрѣшеніе загадки. Вы, свѣжій человѣкъ, натыкаетесь на деревню съ десятками тифозныхъ больныхъ, видите, какъ больная мать склоняется надъ колыбелью больного ребенка, чтобы покормить его, теряетъ сознаніе и лежитъ надъ нимъ, а помочь некому, потому что мужъ на полу бормочетъ въ безсвязномъ бреду. И вы приходите въ ужасъ. А „старый служака" привыкъ. Онъ уже пережилъ это, онъ ужасался двадцать лѣтъ назадъ, переболѣлъ, перекипѣлъ и успокоился. Да развѣ это новость? Онъ вамъ тотчасъ же разскажетъ такія картины, передъ которыми ваша—блѣдная виньетка. И ему странно, что вы горячитесь, и ему непріятно... Неужели... онъ виноватъ въ чемъ-то? Тифъ? Да вѣдь у насъ

это всегда! Лебеда? да у насъ это каждый годъ! И давно отупѣвшіе нервы „стараго служаки“ уже ничего не воспринимаютъ изъ этой области, и даже тотъ фактъ, что въ неурожайный годъ цифра заболѣваній за три мѣсяца превысила уже всю прошлогоднюю,—его не останавливаетъ и ничего не говоритъ его чувству! А когда онъ видитъ суету и хлопоты свѣжихъ людей („попробовали бы, дескать, погорячиться этакъ тридцать лѣтъ“), его это искренно сердитъ... Ну, и—происходятъ чудеса, вродѣ описанныхъ...

Однако, конечно, это было очень неудобно для губерніи, которой надо же было, наконецъ, на чемъ нибудь утвердиться... Губернія слышала раньше изъ уѣзда ужасные вопли о голодѣ, и губернская земская управа сама успокаивала напуганныхъ: не бойтесь, не 4½ милліона,—вамъ нужно только 600 тысячъ. Теперь уѣздъ вдругъ успокоился и успокоился такъ излишне, что не желаетъ уже и 600. Давайте ему триста, и притомъ безъ всякихъ резоновъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, требовать отъ высшихъ органовъ въ губерніи, чтобы они безпрекословно слѣдовали за всѣми перемѣнами въ мнѣніяхъ нервничающей кучки уѣздныхъ дѣятелей. А между тѣмъ—въ уѣздѣ все ведутъ колкую оппозицію... Губернія насторожилась и начала терять терпѣніе.

Въ это-то время и разыгрался эпизодъ, роковой для „стараго служаки“ исправника. Въ уѣздѣ побывалъ управляющій контрольной палаты г. Алфераки

и, вернувшись, передалъ губернатору, что тамъ все благополучно: веселятся, выпиваютъ, покупаютъ наряды, а ссуда...—тратится государствомъ совершенно напрасно... Откуда сіе? Изъ разговоровъ съ полиціей и земскими начальниками.

Это превысило мѣру губернскаго терпѣнія. Потребовали объясненій: когда именно лукояновскія власти вводили губернію въ заблужденіе,—тогда-ли, когда сами писали о бѣдствіи и требовали помощи, или теперь, когда находятъ ссуду напраснымъ разореніемъ государства. Разговоръ съ г. Алфераки поставленъ былъ оффиціально, игра была раскрыта. Низшіе полицейскіе отступили, а г. Рубинскій палъ...

Такъ была побѣждена, въ лицѣ лукояновскаго исправника, традиціонная формула „все благополучно“, старая, добрая формула, которою Русь жила столь многіе годы... Г. Рубинскій палъ за нее, за то самое, чѣмъ жилъ и чѣмъ выслуживался во всю свою длинную и многотрудную карьеру. Какъ хотите, это цѣлая драма. Но какая была-бы ужасная трагедія, если бы и нынѣ старой формулѣ дали полную волю!..

Есть въ городѣ и еще одна знаменитость, еще одна жертва тревожныхъ обстоятельствъ голоднаго года. Это Н. Д. Валовъ, отстраненный, по Высочайшему повелѣнію, отъ должности предсѣдателя уѣздной земской управы. Исторія эта въ свое время

облетѣла всѣ газеты, и, надо сказать правду,—пресса нѣсколько поторопилась со своими заключеніями: г. Валовъ пріобрѣлъ всероссійскую весьма позорную извѣстность. Между тѣмъ, Высочайшее повелѣніе, отстраняя г-на Валова, въ виду особо-важныхъ обстоятельствъ данной минуты, не рѣшало, однако, самаго вопроса о его виновности. Наоборотъ, губернскому земскому собранію было предложено разслѣдовать выставленныя противъ него обвиненія и, если вина окажется,—предать суду. Такимъ образомъ, Валову дана была возможность оправдаться, если-бы обвиненія, выставленныя ревизіонной коммиссіей лукояновскаго собранія, — не подтвердились...

Ночью, когда я въѣхалъ въ Лукояновъ, — мой спутникъ указалъ мнѣ крайній домъ, довольно скромнаго вида, въ которомъ сквозь занавѣску, несмотря на поздній часъ ночи, мерцалъ свѣтъ...

— Домъ Валова, — многозначительно сказалъ Брыкаловъ.—Эхъ! Старуха-мать убивается шибко.

Я съ любопытствомъ взглянулъ въ окно, свѣтившее одинокимъ огонькомъ на пустую и спящую улицу... Да, что чувствуютъ тамъ, за этой занавѣской, въ этомъ домѣ, надъ которымъ нависла тяжесть такого позора!..

— Послалъ ему Господь испытаніе,—вздохнувъ, промолвилъ мой случайный знакомый... Была, конечно, маленькая неосторожность: довѣрчивъ. Да вѣдь и то надо сказать: вѣдь онъ въ рукахъ былъ

у тѣхъ господъ, которые его послѣ и сверзили. Никого болѣе, кромѣ этихъ господъ, не слушался, со своей братьей (изъ купцовъ онъ) сталъ самъ себя высоко держать... Я, молъ, теперь съ господами въ одной статьѣ... Почему же, спрашивается, если онъ что не такъ дѣлалъ,—они его не наставили... Узналъ теперь, какая бываетъ гордость... Порусѣлъ, сильно порусѣлъ, когда довелось чашу горести испивать... Ну, можетъ, еще и оправдается, дастъ Богъ, тогда умнѣе будетъ...

Впослѣдствіи я имѣлъ случай убѣдиться, что устами моего простодушнаго спутника говорило само общественное мнѣніе. Несомнѣнно, что Валовъ—человѣкъ далеко не выдающихся умственныхъ способностей,—явился на мѣстѣ предсѣдателя волею торжествовавшей лукояновской дворянской партіи, которая одно время поставила себѣ, совершенно сознательно, программу, формулированную очень кратко: нужно, чтобы въ земской управѣ стояли три пустыхъ стула... И г. Валовъ съ гордостью принялъ отъ своихъ дворянскихъ покровителей роль... пустого стула... Но вотъ программа измѣнилась. Я не шучу и передаю только общеизвѣстные факты: „партія“ пошла дальше и пожелала видѣть на стулѣ... отрицательную земскую величину. Тогда противъ своего-же ставленника она выдвинула рядъ обвиненій. Губернаторъ поторопился еще разъ удовлетворить желаніе „партіи“, и, вотъ, на мѣстѣ Валова ока-

зался А. В. Приклонскій, который заявлялъ всѣмъ и каждому въ частныхъ разговорахъ и оффиціально,—что онъ пошелъ въ предсѣдатели... изъ ненависти къ земству... Конечно, этому трудно повѣрить, но это такъ. Здѣсь проявляется особенный „лукояновскій юморъ", который очень ярко высказался въ приводимомъ мною дальше письмѣ А. Л. Пушкина, или въ томъ, что тотъ-же г. Пушкинъ закрылъ нѣсколько десятковъ школъ, придравшись... къ недостаточному кубическому содержанію воздуха... „Кубическое содержаніе"! Это доставило торжествующей партіи много веселыхъ минутъ! И въ самомъ дѣлѣ — довольно остроумно. Наконецъ, г. Философовъ выражалъ свое отношеніе къ бѣдному земству еще яснѣе: онъ не платилъ систематически въ теченіе многихъ лѣтъ земскаго сбора (ни копѣйки), внося всѣ остальные сборы, и накопилъ земской недоимки 18 тысячъ! И опять не мало юмора заключалось въ зрѣлищѣ земскаго собранія съ пустой кассой, подъ предсѣдательствомъ того-же г-на Философова, бьющагося надъ мучительнымъ вопросомъ: откуда достать денегъ для уплаты голодающимъ учителямъ и другому мелкому люду..

Какъ могло быть доведено земство до такой крайней степени униженія и упадка, что во главѣ его стали сначала ничтожества вродѣ Валова, а затѣмъ люди, откровенно выражавшіе свое презрѣніе къ учрежденію? Объ этомъ можно бы сказать очень много и, можетъ быть, я еще вернусь къ

этому вопросу. А теперь долгъ безпристрастія заставляетъ сказать, что только не вполнѣ законная помощь торжествующей партіи со стороны губерніи—дала возможность подавить въ земствѣ всякое чувство законнаго права и достоинства. И, такимъ образомъ, уже не уѣздъ, а губернія создала на мѣстѣ почву, на которой выросло затѣмъ трагикомическое междуусобіе. Земство стало игрушкой въ рукахъ кучки презиравшихъ его людей лишь потому, что изъ него были устранены, въ угоду дворянской партіи и не вполнѣ законнымъ пріемомъ,—самые живые и наиболѣе дѣятельные элементы... Попранный законъ и тутъ отомстилъ за себя и губернская администрація пожинала въ тревожное время то, что сама посѣяла въ болѣе спокойные годы *)...

Въ дѣлѣ Валова — губернія еще разъ сыграла въ руку „партіи"...

Губернское собраніе отнеслось очень серьезно къ возложенному на него порученію, и одинъ изъ его среды, гл. Меморскій, отправился въ уѣздъ.

*) Въ октябрѣ 1889 года третья часть уѣзда оставлена была безъ представителей въ земскомъ собраніи. Предлогомъ послужило то обстоятельство, что выборы на съѣздахъ прошли безъ баллотировки шарами. Помимо того, что выборы шарами въ сельскихъ съѣздахъ вообще большая рѣдкость,—оставленные за флагомъ гласные тщетно указывали, что и въ другихъ участкахъ выборы происходили такъ-же, и просили о назначеніи новыхъ выборовъ. Эта совершенно законная просьба оставлена была въ угоду «партіи» безъ послѣдствій и... наиболѣе самостоятельная часть земства отпала. Остальная была деморализована.

Привезенные имъ обильные матеріалы по дѣлу, разсмотрѣнные судной коммиссіей и собраніемъ, не подтвердили первоначальныхъ обвиненій... Была несомнѣнная неумѣлость, неувѣренность и безталанность (впрочемъ, гдѣ ихъ не было, особенно въ началѣ новаго дѣла), но не оказалоось признаковъ корыстныхъ злоупотребленій... Губернское земство, состоявшее болѣе чѣмъ на половину изъ земскихъ начальниковъ и предводителей дворянства,—высказалось за Валова... Постановленіе это, на сей разъ не оспариваемое въ собраніи и бывшими обвинителями,—опротестовано губернаторомъ лишь съ формальной стороны, однако, несомнѣнно, что по существу рѣшеніе не могло быть инымъ... *). Самъ Валовъ, говорятъ, просилъ суда, чтобы окончательно очистить свое имя отъ тяжелаго обвиненія...

---

*) Въ настоящее время мы имѣемъ возможность сообщить и финалъ Валовскаго дѣла. Опротестованное формально, постановленіе губернскаго земскаго собранія передано губернскимъ присутствіемъ на разсмотрѣніе лукояновскаго уѣзднаго земскаго собранія. Такимъ образомъ, первоначальное обвиненіе вернулось къ своему первоисточнику. Собраніе, несмотря на то, что въ немъ участвовали первые обвинители, гг. Струговщиковъ, Пушкинъ, Приклонскій,—высказалось единогласно за оправданіе, т. е. сами обвинители признали свои-же обвиненія неправильными. Въ январѣ 1894 года Валову объявлено оффиціально, что Высочайшее повелѣніе отъ 4-го ноября 1894 года не будетъ имѣть послѣдствій для его дальнѣйшей государственной и общественной службы. (См. «Волгарь», № 19,—1894 г.).

Однако, я забѣжалъ впередъ. А пока, скромный городишко, никогда не мечтавшій о такой широкой извѣстности—пустыненъ и тихъ. Активная политика отхлынула, разсѣявшись по уѣзду, и гдѣ нибудь въ усадьбахъ, можетъ быть, надумываются новыя «мѣропріятія»; но въ городѣ «злобы дня» затихли и единственная новость—скромное торжество въ «городскомъ домѣ»—открытіе лукояновской столовой, на которое я получилъ отъ городского головы любезное приглашеніе... Это была еще первая столовая, которую мнѣ довелось видѣть, и признаюсь, зрѣлище показалось мнѣ довольно невзрачнымъ (въ то время я не представлялъ еще себѣ, какихъ столовыхъ я самъ наоткрываю въ уѣздѣ и какова будетъ ихъ обстановка!) Посѣтители—сгорбленныя старухи, старики, убогіе, дѣти—съ испитыми лицами и въ лохмотьяхъ. По этой жалкой толпѣ я составилъ себѣ наглядное понятіе о будущемъ контингентѣ моихъ нахлѣбниковъ... Такъ вотъ кого мы будемъ кормить въ столовыхъ!.. Какой нелѣпостію сразу же, съ перваго взгляда представились мнѣ всѣ толки о томъ, что столовыя отвлекаютъ отъ работы! Кого?.. Вотъ этихъ убогихъ и увѣчныхъ?

Однако, и это жалкое учрежденіе, открытое первоначально на 49 человѣкъ, потребовало не мало усилій со стороны городского головы и вызвало цѣлую переписку. Дѣло въ томъ, что противъ этой необычной формы помощи существовало даже и въ губерніи нѣкоторое предубѣжденіе. Если не оши-

баюсь, первоначально у насъ появились столовыя для учащихся, по иниціативѣ мѣстнаго общества грамотности. Это симпатичное начинаніе не встрѣтило никакихъ возраженій и, наоборотъ, вызвало полное сочувствіе. Впрочемъ, виноватъ: возраженіе было и шло опять-таки изъ Лукояновскаго уѣзда. На просьбу о содѣйствіи, обращенную къ земскому начальнику и члену продовольственной коммиссіи А. Л. Пушкину (племяннику великаго поэта!) и сопровождаемую высылкой денегъ (такъ были увѣрены въ успѣхѣ просьбы)—послѣдовалъ отвѣтъ, насквозь проникнутый тѣмъ своеобразнымъ юморомъ мѣстнаго лукояновскаго свойства, о которомъ я упоминалъ уже выше. Прочитанный, къ великому изумленію присутствовавшихъ, въ оффиціальномъ засѣданіи общества—отвѣтъ этотъ сдѣлался затѣмъ достояніемъ печати. Г. Пушкинъ въ шутливомъ тонѣ сообщалъ, что деньги высылаетъ обратно, такъ какъ въ кормленіи учениковъ не видитъ ни малѣйшей надобности... Къ тому же ихъ вообще слишкомъ много учатъ, и потому стараніями г-на Пушкина число учениковъ въ той школѣ, гдѣ онъ состоитъ попечителемъ, уже доведено съ шестидесяти до сорока *)!..

Затѣмъ появились столовыя отъ удѣловъ, и, наконецъ, извѣстное сообщеніе Особаго Комитета, ока-

---

*) Фактъ, оглашенный въ свое время «Волжскимъ Вѣстникомъ».

завшее громадную услугу дѣлу частной благотворительности,—значительно расчистило ей дорогу, въ томъ числѣ и въ формѣ столовыхъ. Губернія безповоротно отказалась послѣ этого отъ первоначальнаго предубѣжденія и, наоборотъ, стремилась всюду оказать нужное содѣйствіе. Уступая обстоятельствамъ и какъ будто еще не собравшись съ мыслями,—лукояновское попечительство согласилось въ принципѣ допустить столовую сначала въ Починкахъ, затѣмъ, послѣ изрядной переписки—и въ Лукояновѣ. Мысль о городской столовой, настоятельно необходимой еще съ осени, настойчиво проводилась городскимъ головой, который, — замѣтимъ кстати,—не имѣлъ высокой чести присутствовать въ попечительствѣ и былъ вынужденъ являться въ качествѣ простого сторонняго просителя. Такъ какъ словесныя просьбы дѣла не подвигали, то г. Лукинъ началъ писать. Въ уѣздное попечительство онъ обратился въ январѣ. Казалось бы, можно отпустить деньги для начала и затѣмъ потребовать смѣту и отчеты. Дѣло такое нехитрое и притомъ вѣдь рѣчь идетъ не о теоретическихъ выкладкахъ, а о голоданіи живыхъ людей. Но попечительство,—хотя и не канцелярія,—отнеслось къ дѣлу совершенно по канцелярски: оно затребовало предварительную смѣту и подробнѣйшія свѣдѣнія, а затѣмъ... разъѣзжается на двѣ недѣли!.. Нужно замѣтить, что засѣданія происходили два раза въ мѣсяцъ, а въ промежуткахъ центральный органъ лукояновской благотвори-

тельности отсутствовалъ совершенно. Смѣта г-на Лукина идетъ затѣмъ въ заштатный городъ Починки (такъ какъ попечительство собиралось поочередно то въ одной, то въ другой столицѣ). Оттуда—новый запросъ—и опять пауза на двѣ недѣли. А голодные ждутъ.

Наконецъ, 1 марта столовая Н. Д. Лукина все-таки открыта. Гораздо болѣе затрудненій встрѣтило предпріятіе того же рода г-на Филатова, и, познакомившись съ нимъ, я нашелъ его въ полнѣйшемъ недоумѣніи. Дѣло въ томъ, что понемногу лукояновское попечительство собралось съ мыслями и, въ противоположность съ губерніей, окончательно утвердилось въ мнѣніи, что столовыя весьма опасны и что задача благотворительнаго попечительства состоитъ въ посильныхъ препятствіяхъ этому дѣлу. Уже 19 февраля на просьбу г-на Струговщикова о разрѣшеніи новыхъ столовыхъ около Починокъ,— послѣдовало весьма характеристическое постановленіе: „Такъ какъ,—говорится въ журналѣ уѣзднаго попечительства, — принятіе этого предложенія вызоветъ необходимость въ открытіи повсемѣстно столовыхъ, а по невозможности открыть таковыя вездѣ, вызоветъ несправедливое распредѣленіе благотворительныхъ суммъ между нуждающимися (?!), вызывая неудовольствіе населенія и нареканія на лицъ, обязанныхъ наблюдать за правильностію веденія дѣла“— то „постановили“ предложеніе г-на Струговщикова отклонить. Затѣмъ рѣшено вблизи Лукоянова сто-

ловыхъ не открывать и вообще все это дѣло поставить подъ непосредственное вѣдѣніе земскихъ начальниковъ. Постановленіе это было весьма предупредительно направлено противъ попытки г-на Филатова, принявшаго предложеніе губернскаго комитета и представившаго смѣту на 6 столовыхъ. Деньги, присланныя на этотъ предметъ г-ну Филатову,—попечительство секвестровало.

Г-нъ Филатовъ написалъ объ этомъ І. П. Кутлубицкому, и это письмо, нѣсколько для него неожиданно, появилось въ печатныхъ журналахъ Нижегородскаго губ. благотворительнаго комитета. Такимъ образомъ, совершенно невольно, г. Филатовъ самымъ фактомъ принятія невиннѣйшаго предложенія и дальнѣйшимъ естественнымъ ходомъ вещей — поставленъ въ нѣкую оппозицію на мѣстѣ. Таковы бываютъ неожиданныя и часто неудобныя послѣдствія запутанной мѣстной политики!

Какъ бы то ни было, г. Филатовъ недоумѣваетъ и ждетъ слѣдующаго засѣданія—седьмого марта. До седьмого марта уѣздное попечительство обмерло: предводитель—въ имѣніи, земскіе начальники—въ участкахъ, земская управа—въ Починкахъ, да она, вдобавокъ, ничего не значитъ. Уѣздъ имѣетъ два центра, но продовольственное дѣло не имѣетъ ни одного центра, дѣйствующаго постоянно. Это самымъ горестнымъ образомъ испытываютъ на себѣ бѣдняги-возчики земскаго хлѣба. По арзамасской дорогѣ, изъ-за рѣки Теши въ городъ въѣзжаютъ

возы за возами... Это тѣ самые обозы, которые я обгонялъ недавно. Они вливаются въ улицы, стягиваются къ площади и... мужики въ недоумѣніи суются по городу, останавливаютъ прохожихъ, разспрашиваютъ... Никто ихъ не встрѣчаетъ, никто не привѣчаетъ, какъ будто они никому и не нужны...

Исторія этихъ обозовъ оказывается тоже довольно интересной. Уѣздная продовольственная коммиссія телеграфировала, что въ уѣздѣ нѣтъ возчиковъ и... мирно разъѣхалась до слѣдующаго засѣданія. Тогда „губернія", съ обычной быстротой, нашла возчиковъ и сразу двинула эту рѣку хлѣба. Рѣка хлынула, и вотъ она на площади... Но уѣздной коммиссіи нѣтъ, ея представителя въ городѣ нѣтъ, хлѣбъ принимать некому, деньги за извозъ платить тоже некому...

Дѣло, наконецъ, уладилось. Получена телеграмма и деньги для расплаты изъ губерніи на имя земскаго начальника г-на Костина. Онъ долженъ принять всѣ эти сотни тысячъ пудовъ и отпустить весь этотъ народъ, заполнившій своимъ безпомощнымъ недоумѣніемъ и улицы, и площадь города. Почему именно г. Костинъ (это одинъ изъ многихъ земскихъ начальниковъ, смѣнявшихъ послѣдовательно другъ друга въ злополучномъ 1-мъ участкѣ)? Да просто потому, что онъ въ городѣ, во-первыхъ, и что, какъ пріѣзжій, переведенный на время изъ Балахнинскаго уѣзда—не участвуетъ въ мѣстной обструкціонной политикѣ. Но судьба самого г. Костина поистинѣ

плачевна: нужно провѣрять списки, нужно выдавать ссуду голоднымъ, толпами осаждающимъ его квартиру, нужно самому разобраться въ этой огромной и сложной операціи, наконецъ, и судебно-административныя дѣла, связанныя „стллпами“,—глядятъ на него изъ угла и тревожатъ: можетъ быть, здѣсь есть что-нибудь спѣшное, безотлагательное, угрожающее. А тутъ г. Костинъ внезапно превращается въ пріемщика сотенъ тысячъ пудовъ хлѣба, который нужно взвѣшивать, выдавать квитанціи, разсчитываться!.. И вдобавокъ еще—забота о собственномъ, брошенномъ участкѣ въ Балахнинскомъ уѣздѣ... Положеніе, которому, я увѣренъ, не позавидовалъ бы даже и земскій начальникъ, видѣнный мною въ Арзамасѣ. И опять невольно вспомнилось мнѣ, что законъ предполагаетъ другіе хозяйственные органы въ уѣздѣ,—органы, не обремененные вовсе ни судебными, ни административными дѣлами...

Однако, читатель, надѣюсь, получилъ уже достаточное понятіе о злобахъ дня, густо насытившихъ атмосферу столицы уѣзда... Будетъ пока о городѣ—пора и въ деревню.

IV.

Новые землевладѣльцы.—Мерлиновка и мерлиновская трагедія.—
На Бѣлецкомъ хуторѣ.—Первые списки.

Подъ вечеръ, 2 марта, я выѣхалъ изъ Лукоянова на Федоровскій (или, иначе, Бѣлецкій) хуторъ землевладѣльцевъ гг. Ненюковыхъ, къ новому моему знакомому П. А. Горинову, охотно согласившемуся руководить моими первыми, неопытными еще шагами и оказавшему мнѣ впослѣдствіи большія услуги своимъ дѣйствительнымъ знаніемъ дѣла и доброжелательной готовностію къ помощи.

Въ 30-хъ годахъ водворилась въ уѣздѣ видная фамилія Лубяновскихъ. Вообще, Лукояновскій уѣздъ считалъ въ рядахъ своихъ помѣщиковъ не мало блестящихъ и очень извѣстныхъ фамилій: Разумовскіе, Рѣпнины, Кочубеи, Витгенштейны... Повидимому, однако, землями надъ Тешей и Рудней въ дальнихъ и глухихъ краяхъ не особенно дорожили. По крайней мѣрѣ, изъ этихъ фамилій до настоящаго времени сохранили здѣсь крупныя владѣнія одни Кочубеи, а, напр., князь Витгенштейнъ уступилъ въ 30-хъ годахъ уже настоящаго столѣтія пять селеній Ѳ. П. Лубяновскому за какія-то услуги по установленію права владѣнія князя въ польскихъ мѣстностяхъ. Новый владѣлецъ, по свидѣтельству знающихъ людей, былъ настоящій хозяинъ доре-

форменнаго, крѣпостного типа. „Вступивъ въ управленіе имѣніемъ,—пишетъ о немъ мѣстный авторъ, о. Г. Г—въ, онъ прежде всего обратилъ вниманіе на бытъ крестьянъ, на ихъ житье, стараясь, по возможности, поддержать его и исправить недостатки. Напримѣръ, не было у крестьянина лошади, онъ покупалъ ему, изба была ветха и плоха,—онъ обществомъ заставлялъ строить“ и т. д. За то „лѣнтяевъ и пьяницъ ни мало не жалѣлъ, отдавая безъ разбора цѣлыя семьи въ солдаты“. Однимъ словомъ, образъ Ѳ. П. Лубяновскаго рисуется и въ этомъ описаніи, и въ устныхъ разсказахъ о немъ—въ видѣ извѣстной типической фигуры „попечительнаго помѣщика“ и крѣпостного благодѣтеля своихъ крестьянъ, входившаго во всѣ ихъ нужды. Даже и религіозное чувство народа подлежало этой регламентаціи и особымъ „нарядамъ“. „Заботясь о матеріальномъ положеніи ихъ, быть можетъ, даже съ излишкомъ,—пишетъ тотъ-же авторъ,—помѣщикъ обращалъ вниманіе и на религіозный бытъ прихода. Напримѣръ, вотчинная контора иногда дѣлала наряды, чтобы крестьяне шли къ исповѣди и причастію или молебствовать по случаю бездождія. Впрочемъ, — прибавляетъ авторъ, — иначе и быть не могло“. Крестьянинъ, какъ не свободный, не могъ располагать своимъ временемъ даже и для молитвы: „издѣльная господская работа, хотя и отбывалась въ три дня недѣли,—но бывали случаи, что на нее наряжали не въ очередь, и крестьяне не могли от-

казаться. Потому-то время для говѣнія и указывала вотчинная контора".

Картина, здѣсь нарисованная, нынѣ соблазняетъ очень многихъ. И, конечно, если не смотрѣть на нравственную сторону дѣла, на душевное состояніе людей, которыхъ нарядчики выгоняютъ даже на молитву, какъ на барщину, то собственно—данный примѣръ самъ по себѣ рисуетъ картину сравнительнаго матеріальнаго благополучія и обезпеченности. „При Лубяновскомъ Ѳедорѣ Петровичѣ—крѣпостные не голодали". Однако, эта же картина очень легко поворачивается оборотной стороной. Благополучіе тысячъ зависѣло отъ одного человѣка; хорошій помѣщикъ поощрялъ трудолюбивыхъ и хозяйственныхъ, искоренялъ мотовъ и пьяницъ. Хорошо, но за то помѣщикъ мотъ или даже просто плохой хозяинъ—разорялъ сотни и тысячи трудолюбивыхъ крестьянъ, быстро превращая картину благополучія въ печальную руину „разоренія" и „оскудѣнія"... Панегиристы крѣпостныхъ идиллій забываютъ эту сторону дѣла.

Въ данномъ случаѣ, отъ причинъ намъ неизвѣстныхъ,—имѣніе тоже рушилось вскорѣ-же послѣ смерти Ѳ. П. Лубяновскаго. Наслѣдники въ имѣніяхъ не жили, хозяйство пришло въ полное разстройство, на мѣстѣ неустойчиваго благополучія и изобилія—появились прорѣхи, непорядки и разореніе. Наконецъ, лѣтъ 13 назадъ огромное нѣкогда и цѣльное имѣніе пошло съ молотка, какъ безнадежно заложенное въ Петербургскомъ банкѣ.

Покупать земли въ глухомъ и дальнемъ уѣздѣ охотниковъ было немного, мѣстное дворянство само перезаложилось и ждало той же участи—и потому имѣнія, разбитыя на отдѣльные участки, пошли „въ розницу". Покупщиками явилась цѣлая группа лицъ недворянскаго происхожденія, не побоявшаяся приняться за реставрацію упавшихъ и запущенныхъ экономій; дѣло требовало, несомнѣнно, бодрости и энергіи, но за то земли достались очень дешево.

Такимъ образомъ, въ разныхъ мѣстахъ уѣзда появились „хутора" новыхъ землевладѣльцевъ,—на мѣстѣ развалившихся усадебъ выросли новые дома, провалившіяся крыши задѣланы, появились каменные скотные дворы. При первомъ взглядѣ на такой хуторъ, вы видите, что это нѣчто новое, возникающее, еще не вполнѣ установившееся, но ростущее, не обомшѣлое, но уже кое-гдѣ пріобрѣтающее бытовой тонъ и слившееся съ окружающей мѣстностію, какъ ея органическая составная часть. А затѣмъ новая группа стала пріобрѣтать въ уѣздѣ силу и значеніе. Такъ, Влад. Адріановичъ Гориновъ, владѣлецъ именно такого хутора (Ушаковскаго) и бывшій управляющій хутора гг. Ненюковыхъ,—выбранъ былъ предсѣдателемъ уѣздной управы.

Я знаю, что въ умѣ читателя уже встаетъ яркая фигура Колупаева или Дерунова. На сей разъ, однако, напрасно, и говоря по совѣсти, я думаю, что, набросанная геніальной кистью,—эта фигура слишкомъ ужъ выдвинута на первый планъ въ литера-

турѣ и публицистикѣ и потому нѣсколько извращаетъ настоящую перспективу. Что касается до меня, то, говоря относительно, я не вижу особыхъ причинъ для предпочтенія стараго типа землевладѣльца типу новому. Если же брать, спеціально, тотъ уголокъ Россіи, который я стараюсь по возможности правдиво изобразить передъ читателемъ, то здѣсь еще менѣе причинъ для такого предпочтенія.

Я знаю, напримѣръ, что г-ну Пушкину даже славная семейная традиція не помѣшала написать извѣстное уже юмористическое письмо о томъ, что учениковъ не надо кормить и что ихъ „слишкомъ много учатъ", а также—употребить „кубическое содержаніе", какъ предлогъ для закрытія 20 школъ! Я знаю также, что школы и больницы до самаго послѣдняго времени подвергались систематическимъ нападкамъ со стороны именно противниковъ „гориновской партіи", и паденіе гориновской управы разсматривалось въ уѣздѣ, какъ начало истребленія „гориновщины", то есть училищъ, больницъ и врачебныхъ пунктовъ...

Наконецъ... Когда, подъ-вечеръ, тройка хуторскихъ лошадей вынесла насъ за-городъ, то въ нѣсколькихъ верстахъ у самаго тракта мы въѣхали въ убогую деревушку. На краю деревни чернымъ пятномъ на снѣгу выдѣлялось пожарище, торчала труба, печально глядѣли обгорѣлыя стѣны какого-то завода...

— Что это? — спросилъ я, пораженный печальнымъ видомъ этой руины.

Мой спутникъ, П. А. Гориновъ, братъ бывшаго предсѣдателя, улыбнулся какъ-то многозначительно.

— Мерлиновка! А это бывшій панютинскій заводъ...

Я съ любопытствомъ глядѣлъ на утопавшее въ сумеркахъ печальное зрѣлище. Какая тяжелая, грустная, какая, наконецъ, отвратительная драма витаетъ надъ этой развалиной...

Вся читающая Россія помнитъ недавнее еще крушеніе нижегородскаго дворянскаго банка, и теперь передо мной разстилалась арена одного изъ самыхъ драматическихъ и самыхъ непривлекательныхъ эпизодовъ этой банковской эпопеи. 12 ноября 1889 г. въ этомъ мѣстѣ, въ пустующемъ заводѣ, вспыхнулъ пожаръ. Имѣніе принадлежало дворянину Панютину, директору банка, одному изъ самыхъ видныхъ дѣятелей не только своего уѣзда, но и всей губерніи. Въ это время уже было извѣстно, что въ банкѣ неладно и, между прочимъ, много говорили о томъ, что Мерлиновка заложена незаконно, въ суммѣ, вдвое превышавшей ея покупную стоимость. Приближались выборы, о неладахъ въ банкѣ начинали толковать газеты, дѣло всплывало. Залогъ во чтобы то ни-стало нужно было очистить отъ этого незаконнаго излишка. Въ это время въ имѣніи появился нѣкто Балаковъ, арендаторъ. Два бездѣйствующіе завода (винный и крахмальный) со всѣми

строеніями были заложены торопливо, съ какой-то лихорадочной поспѣшностію, въ суммѣ, гораздо выше ихъ первоначальной цѣны, и, какъ только сдѣлка была заключена,—надъ крышей завода взвился въ темнотѣ огонь... Огонь не далъ себѣ труда выждать года, мѣсяца, недѣли... Никого это, впрочемъ, не удивило, а сила и значеніе Панютина были таковы, что никто не ожидалъ отъ этого никакихъ послѣдствій. Однако, черезъ нѣсколько дней, какъ-то внезапно въ уѣздѣ появился губернскій прокуроръ... Арендаторъ съ приказчикомъ были арестованы... Затѣмъ, губернія была взволнована извѣстіемъ объ арестѣ самого директора... Толковали, волновались, негодовали, грозили, хлопотали, но драма развертывалась быстро и до конца: въ банкѣ сразу открылись огромныя хищенія, грубыя, шитыя бѣлыми нитками, торопливыя... Жена Панютина отравилась тотчасъ послѣ его ареста. Самъ онъ умеръ въ тюрьмѣ отъ тифа, банкъ рухнулъ...

Затѣмъ (уже въ 1893 году) въ Арзамасѣ послѣдовалъ приговоръ присяжныхъ: поджогъ признанъ, признано также участіе въ немъ умершаго владѣльца... „Къ сожалѣнію,—писали по этому поводу въ газетахъ“ *),—какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ,—хроникеру этого періода въ жизни нашего края приходится отмѣчать факты, хотя и побочные, но подчасъ болѣе прискорбные, чѣмъ самое дѣло, подавшее

*) «Русскія Вѣдомости», № 31.

къ нимъ поводъ. Провинціальное болото всколыхнулось, и тотчасъ же изъ глубины его выглянулъ специфическій продуктъ провинціальной жизни— ложный доносъ. Теперь, когда все пришло къ своему логическому концу, когда событія завершились, стало извѣстно также, сколько гнусностей было написано и послано по этому поводу приверженцами очень сильной еще тогда партіи банковскихъ воротилъ, надѣявшихся на могущественное дѣйствіе тайныхъ извѣтовъ. Такъ, одинъ изъ лукояновскихъ-же землевладѣльцевъ (г. Столыпинъ), не ограничиваясь прокуратурой и слѣдственной властью, побужденія которыхъ заподозрѣвались вообще самымъ беззастѣнчивымъ образомъ,—подалъ ложный доносъ даже на свидѣтелей по дѣлу, доносъ, нынѣ выглянувшій на свѣтъ божій"... Но дѣло шло своимъ чередомъ, тайные доносы не могли закрыть явныхъ хищеній, представители судебной власти не отступили передъ подпольной борьбой и шли своей дорогой... Слѣдствіе обнаружило попутно грандіозныя злоупотребленія, и Панютинъ самъ сознался въ подлогахъ... На мѣстѣ губернской феерiи водворилась трагедія. Когда подлогъ сталъ признаннымъ фактомъ,— поджогъ сдѣлался по меньшей мѣрѣ вѣроятностію, и общественное мнѣніе отвернулось и отъ Панютина, и отъ его защитниковъ.

Такова печальная исторія мерлиновскаго пожарища, мимо котораго несла насъ наша тройка... Судьбѣ угодно было, чтобы и эта драма центромъ

своимъ принадлежала тому же злополучному Лукояновскому уѣзду...

Прелестное яркое утро 3 марта застаетъ меня на Бѣлецкомъ хуторѣ. Расположенный на „вершинкѣ“ *), подъ лѣсомъ, хуторъ весь занесенъ снѣгами. Въ окно мое видѣнъ снѣговой валъ, чуть-чуть торчатъ рядами верхушки плодовыхъ деревьевъ засыпаннаго мятелями сада, и вдаль тянется березовая аллея, запушенная инеемъ. По аллеѣ, осторожно ступая по снѣгу почти въ ровень съ крышей, осторожно пробирается лошадь, запряженная въ сани. Въ саняхъ сидитъ священникъ въ шубѣ и „чапанѣ“ поверхъ шубы. Лошадь взбирается на самый гребень вала, раздумываетъ одну минуту, потомъ, внезапно рѣшившись, пускается внизъ съ такимъ видомъ, какъ будто ей предстоитъ ринуться въ пропасть. Черезъ минуту—сельскій батюшка изъ села Пичингушъ отряхаетъ иней съ шапки и съ своей сѣдой бороды и радушно здоровается со мною. Онъ уже знаетъ, зачѣмъ именно я пріѣхалъ, и, справившись кое съ какими дѣлами по сосѣдству, заѣхалъ нарочно пораньше, чтобы не упустить меня. Батюшка явился, чтобы походатайствовать о своей голодающей паствѣ.

Меня это пріятно удивляетъ. Я раздумывалъ еще такъ недавно о печальномъ „отсутствіи людей“ въ

---

*) «Вершинками» называютъ въ уѣздѣ верхушки овраговъ или ручьевъ, поросшія лѣсомъ или кустарникомъ.

Лукояновскомъ уѣздѣ, и вотъ оказывается, что теперь люди сами ищутъ меня. На хуторѣ, принадлежащемъ г-жѣ Ненюковой и управляемомъ ея родственникомъ, П. А. Гориновымъ, меня встрѣтили очень радушно, и я сразу почувствовалъ себя точно дома. Моихъ „лукояновскихъ" сомнѣній и непріятнаго ощущенія одиночества—какъ не бывало. Здѣсь на дѣло смотрятъ просто, готовы оказать всякую услугу... А вотъ и сельскій батюшка съ опасностью, если не для жизни, то для саней, пробирается на хуторъ, черезъ валы и сугробы...

Въ тотъ же день, извѣстивъ письмомъ г-на земскаго начальника о намѣреніи своемъ открыть нѣсколько столовыхъ въ его участкѣ, я вмѣстѣ съ Петромъ Адріановичемъ и съ мѣстнымъ священникомъ составилъ списокъ въ большомъ селѣ Елфимовѣ. Оттуда уже вчера вечеромъ приходили крестьяне съ просьбой не миновать ихъ села. Составленіе списка прошло быстро, гораздо скорѣе и лучше, чѣмъ я ожидалъ. Такъ какъ у меня пока денегъ не много, то я ясно ставлю себѣ цѣль—вначалѣ дѣйствовать осторожно и подбирать самые крайніе слои нужды, которымъ прежде всего грозятъ послѣдствія голода. Для первыхъ двухъ селъ мы опредѣлили приблизительно цифры около 40 въ каждомъ. Объяснивъ „старикамъ" цѣль своего пріѣзда, мы приступили къ дѣлу. Писарь далъ намъ два списка: одинъ такъ называемый „посемейный", по которому священникъ читаетъ фамиліи домохозяевъ по порядку.

Въ другомъ—я розыскиваю цифры выдаваемой на семью ссуды. Этотъ послѣднiй списокъ носитъ характерное заглавiе: „Списокъ крестьянамъ села Елфимова, нужда коихъ дѣйствительно граничитъ съ голодомъ.“ Цифры ссуды людямъ, „нужда коихъ граничитъ съ голодомъ“,—невольно обращаетъ вниманiе. На 1650 человѣкъ (мужского и женскаго пола) въ селѣ Елфимовѣ до марта мѣсяца полная ссуда (30 фунтовъ) выдавалась лишь... шести человѣкамъ! Въ мартѣ и эти счастливцы исчезли. Теперь они плакали, спрашивая меня о причинѣ этого обстоятельства. Оказалось впослѣдствiи, что они переведены на даровую ссуду изъ комитета Наслѣдника Цесаревича, причемъ этотъ случай найденъ удобнымъ для сокращенiя имъ выдачи до 15 фунтовъ *)... Вообще, ознакомившись впервые съ елфимовскимъ спискомъ, я понялъ, на что разсчитывала «лукояновская оппозицiя», отказываясь отъ 600 тысячъ первоначальной смѣты, и впечатлѣнiе отъ ближайшаго ознакомленiя съ этимъ дѣломъ становилось все тяжелѣе...

Когда нашъ списокъ былъ оконченъ, я всталъ.

— Ну, спасибо, старики, что помогли,—сказалъ я.

— Благодаримъ и васъ, что потрудились, ваше благородiе!

*) Въ засѣданiи уѣзднаго попечительства, уполномоченный отъ особаго комитета К. Г. Рутницкiй счелъ нужнымъ заявить свой протестъ противъ такого сокращенiя...

Я увидѣлъ, что толпа сомкнулась вокругъ меня, какъ будто разочарованная и ожидая еще чего-то... Наконецъ, нѣсколько голосовъ заговорило сразу:

— А кто-же поможетъ намъ, мужикамъ-те, прочіимъ жителямъ, ваше благородіе?...

Я увидѣлъ, что здѣсь есть недоразумѣніе. Село ждало больше отъ моего пріѣзда, и впослѣдствіи священникъ передавалъ мнѣ отзывы нѣсколькихъ мужиковъ, что я пріѣхалъ съ пустяками. Къ сожалѣнію, это была правда: что значили мои 40 человѣкъ изъ 1650 голодающихъ, изъ которыхъ только шесть человѣкъ получали по 30 фунтовъ. Затѣмъ, непонятныя и ничѣмъ не мотивированныя сокращенія ссуды на мартъ и видимое стремленіе ограничить и эту скудную помощь, все это вызвало цѣлый потокъ ропота, стоновъ и жалобъ...

Не желая принимать на себя самозванную роль, я постарался разсѣять иллюзію елфимовскаго міра: я не благородіе, жалобъ принимать не могу, власти—измѣнить эти порядки—не имѣю. Все, что могу сдѣлать—это... посовѣтовать обратиться съ просьбой къ г-ну земскому начальнику и въ продовольственную коммиссію...

Мы вышли изъ сборной избы среди тяжелаго молчанія...

На слѣдующій день мы опять составляли списки въ селѣ Пичингушахъ—томъ самомъ, откуда ко мнѣ пріѣзжалъ священникъ. Здѣсь картина та же въ общемъ, только значительно болѣе бурная. Мордва

народъ вообще менѣе сдержанный, во-первыхъ, а во-вторыхъ, дѣло здѣсь усложняется несомнѣнными злоупотребленіями сельскихъ властей. Въ избѣ стоитъ гулъ жалобъ, которыхъ я никакъ не могу прекратить. На мои заявленія, что я не въ правѣ принимать ихъ жалобы, что я пріѣхалъ только по своему дѣлу для открытія столовой,—мордва находитъ очень остроумный отвѣтъ: мы не вамъ говоримъ, мы такъ, промежду себя... И жалобы, упреки, ѣдкія замѣчанія стоятъ въ воздухѣ во все время моей работы.

Здѣсь впервые пришлось мнѣ узнать, что самъ земскій начальникъ даже въ такихъ большихъ селахъ, каковы Пичингуши,—лично не былъ ни одного разу! Но кто-же тогда составлялъ эти списки, послужившіе основаніемъ для общей лукояновской смѣты и для самонадѣяннаго лукояновскаго спора съ статистикой губернской управы, руководившейся точными данными? Неужели вотъ этотъ самый плутоватый староста-мордвинъ и этотъ писарекъ, его сынъ, которые теперь жмутся, не зная, куда дѣвать глаза подъ градомъ упрековъ, которыми ихъ засыпали, ободренные моимъ присутствіемъ односельцы?.. Да, къ сожалѣнію—именно они... Итакъ, подъ этимъ «практическимъ знаніемъ своего участка»—скрывалась все она, старая знакомая, статистика волостныхъ и сельскихъ писарей, о которой было столько, по большей части юмористическихъ, разговоровъ!.. Открытіе довольно, признаться, печальное:—почти всѣ списки въ уѣздѣ составлены

старостами и старшинами и никѣмъ не провѣрены на мѣстахъ!

— Князькинъ, Максимъ,—читаю я по списку.

— Бѣдный,—иронически кричатъ со всѣхъ сторонъ.—Пособіе получаетъ на всѣхъ! Или вотъ еще Кирдяновъ, тоже бѣдный. У одного сынъ въ Елабугѣ первый приказчикъ, другой получаетъ 200 рублей, безъ чаю не садится... Кумъ старостѣ, вотъ главная причина.

Я останавливаюсь и смотрю на старосту. Хитрый мордвинъ потупился, мальчишка-писарь испуганъ. Очевидно, оба раздумываютъ—могу или не могу я принимать эти жалобы, власть я, или не власть...

— Что-о, скажешь, неправда!—кричатъ мужики,—неси сюда почтовую книгу, мы тебѣ покажемъ, кто у тебя получаетъ... А бѣдному не нужно... Бѣдный виномъ не поитъ, бѣдному не даете по нападкѣ...

Староста молчитъ...

Я опять стараюсь прекратить всѣ эти жалобы и опять внутренно долженъ признать всю ихъ справедливость... Къ чему-же эти ужасныя сокращенія, если они не достигаютъ даже главной своей цѣли, если при этомъ всетаки получаютъ богатые и состоятельные, а сокращенія ложатся на бѣдноту?.. По словамъ старосты, во всей Маресевской волости съ марта никто уже не получаетъ полной ссуды (т. е. по 30 фунтовъ). Почему?—неизвѣстно. Вотъ

старуха Еремаева, 74 лѣтъ, слѣпая. Отзывъ о ней: „кабы не пріютилъ ее Михайло Тимофеевъ, должна бы она страдать подъ небомъ". Не получаетъ. Почему?—опять неизвѣстно. Вотъ Нуйкинъ Андрей, отставной солдатъ. Сынъ ушелъ безъ вѣсти („такой лобанъ, негодяй"), старикъ еле ходитъ, остались на рукахъ сноха и дѣти... Получали въ февралѣ по 20 фунтовъ, на мартъ отказано... Вотъ Паськинъ Степанъ. Семья—10 человѣкъ. Въ декабрѣ и январѣ получалъ на 8 ѣдоковъ (4 пуда), въ февралѣ на 6, на мартъ назначено $1^1/_2$ пуда? Опять почему?—не можетъ объяснить, даже староста смотритъ на этотъ фактъ съ тупымъ недоумѣніемъ. Очевидно, списки, составляемые этими сельскими экономистами, подвергаются еще сокращеніямъ въ участковомъ или волостномъ центрѣ, уже прямо „со-слѣпу", какъ говорили мужики, на основаніи какихъ-то отвлеченныхъ соображеній... Все это производитъ невѣроятную кутерьму.

— У насъ тутъ такъ набуторено, самъ архіерей не разберетъ,—такъ обобщилъ одинъ изъ стариковъ общее впечатлѣніе этого сельскаго списка...

V.

Бунтовщики-василевцы.

Ясный день съ признаками весны. Мы направляемся въ „заштатный городъ Починки", отчасти для того, чтобы прицѣниться къ хлѣбу для столо-

выхъ, частью же меня влечетъ любопытство: по средамъ и четвергамъ въ Починкахъ—знаменитый въ уѣздѣ базаръ, смущавшій многихъ своей грандіозностью и обиліемъ продажнаго хлѣба—въ голодающемъ уѣздѣ.

Тройка хуторскихъ лошадей, запряженная гусемъ, выноситъ насъ изъ сугробовъ полевой дороги на просторъ „починковскаго“ тракта. Здѣсь мы прежде всего встрѣчаемъ большое село, Василевъ-Майданъ, населенный „кочубействомъ“. Съ этой интересной этнографической группой (давними переселенцами изъ Западнаго края), рѣзко отличающейся отъ коренного населенія, я еще надѣюсь познакомить читателя въ дальнѣйшихъ очеркахъ, а пока остановлюсь на нѣкоторыхъ чертахъ изъ исторіи Василева-Майдана, отмѣченныхъ тоже своего рода оригинальной типичностью.

Дѣло въ томъ, что въ этомъ огромномъ селѣ живутъ исконные „бунтовщики“, давно извѣстные въ уѣздѣ. Съ самаго освобожденія крестьянъ, василевцы не платятъ выкупныхъ платежей (внося, впрочемъ, государственныя и земскія повинности), а съ 1878 года, когда они переведены на обязательный выкупъ,—уплатили всего 9 р. 60 коп. этого сбора. Исторія эта, отчасти разсказанная нынѣ мѣстнымъ лѣтописцемъ на страницахъ „Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, прошла черезъ нѣсколько разнообразныхъ періодовъ и, къ сожалѣнію, до настоящаго времени мало подвинулась къ какому бы то ни

было рѣшенію. Василевцевъ убѣждали, василевцевъ приводили къ покорности, василевцевъ сѣкли... А василевцы знаютъ одно: бунтуютъ и только. И бунтъ, и укрощеніе бунта равно отмѣчены чертами несомнѣнной самобытности и даже, если хотите, почти безсознательнаго юмора. Однажды, лѣтъ, если не ошибаюсь, 18 назадъ *), за василевцевъ рѣшили приняться вплотную. Нужно было достигнуть двухъ цѣлей: во-первыхъ, заставить василевцевъ фактически принять надѣлъ, во-вторыхъ, изъ этого логически должна была истекать необходимость платить выкупныя. И вотъ, въ село „нагнали" особо организованную команду сотскихъ, цѣлый сермяжный баталіонъ, который и расквартировали на иждивеніе василевцевъ, подлежавшихъ усмиренію. Мѣры усмиренія состояли въ слѣдующемъ. Рано утромъ сотскіе запрягали лошадей въ сохи и выводили хозяина. Одинъ изъ „усмирителей" велъ подъ-уздцы лошадь, другіе два тащили за сохой ея владѣльца. Въ такомъ видѣ оригинальный отрядъ выѣзжалъ на надѣльную землю. Здѣсь усмиряемыхъ разводили по полосамъ, затѣмъ сошникъ вставлялся въ землю, передній сотскій бралъ опять лошадь подъ-уздцы, двое другихъ клали руки хозяина на разсоху. Видя, что такимъ образомъ дѣло клонится къ нѣкоему символу „обработки надѣла"—василевецъ производилъ, съ своей стороны, нѣкій символъ бунта: чтобы доказать, что онъ „на-

*) При губернаторѣ гр. Кутайсовѣ.

дѣлу не примаетъ“ и желаетъ бунтовать, невольный пахарь, вмѣсто того, чтобы идти за сохой, ложился на землю. Тогда надъ „бунтующимъ“ тотчасъ же открывалось засѣданіе волостного суда, который выѣзжалъ для этого на василевскія поля. Живо составлялся соотвѣтствующій приговоръ, который тутъ же, пользуясь удобнымъ положеніемъ бунтовщика, и приводили въ исполненіе: василевца драли, потомъ поднимали подъ-руки и опять ставили къ сохѣ, а онъ опять ложился. И такъ далѣе. При этомъ, и ложась, и поднимаясь, василевецъ имѣлъ сомнительное удовольствіе видѣть кругомъ, на нивахъ, своихъ односельцевъ-мірянъ, „бунтовавшихъ“ съ такимъ же благодушіемъ и усмиряемыхъ съ такимъ же успѣхомъ... Къ вечеру и усмиряемые-василевцы, и усмирители-сотскіе возвращались съ оригинальной работы домой и болѣе или менѣе мирно садились за общій ужинъ...

Сколько времени длились эти экзекуціи—сказать трудно, во всякомъ случаѣ „бунтъ“ продолжается до сихъ поръ. Откуда и какъ онъ начался? Быть можетъ, удастся въ архивахъ разыскать письменную исторію этого истинно-русскаго „возмущенія“. Теперь же приходится довольствоваться сѣдыми и, надо сказать, почти легендарными преданіями. Имѣніе нѣкогда принадлежало очень крупному землевладѣльцу Лубяновскому, — роду, нынѣ уже совершенно ликвидированному въ уѣздѣ. При выкупѣ произошли пререканія. Крестьяне, сначала не согла-

шавшіеся на предложенныя условія, вынуждены были впослѣдствіи мириться съ худшими. Какъ передаютъ они сами,—имъ отвели въ надѣлъ пеньки изъ-подъ вырубленной лѣсной площади, вмѣсто удобной земли. Правда-ли это, или нѣтъ,—не знаю. Во всякомъ случаѣ, вышла какая-то путаница и замѣшательство, которыя крестьяне понимаютъ именно въ этомъ смыслѣ. Далѣе, темное преданіе говоритъ о какихъ-то двухъ таинственныхъ личностяхъ, которыя, будто бы, явились въ село, оставили тутъ „золотую грамоту“ и уѣхали. Уѣхали и потонули „въ туманѣ минувшаго“. А василевцы грамоту прочли, поняли изъ нея, что помѣщику уступать не слѣдуетъ, и на томъ себя утвердили. И съ тѣхъ поръ „бунтуютъ“.

Были ли на самомъ дѣлѣ эти два таинственныхъ незнакомца, или ихъ вовсе не было? Признаюсь послѣ того, какъ мнѣ пришлось ознакомиться съ нѣкоторыми чертами лукояновской исторіи вообще,—я сильно сомнѣваюсь въ реальности этихъ фигуръ. Въ глухихъ мѣстахъ бродятъ слишкомъ часто разные призраки, своего рода олицетворенія таинственной путаницы, въ которой некому разобраться. Къ тому же, въ лукояновскихъ уѣздахъ, кажется, слишкомъ ужъ склонны къ изобрѣтенію такихъ удобныхъ незнакомцевъ...

Авторъ статьи въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, о которой я говорилъ выше, приводитъ еще одну своеобразную черту василевской исторіи. Въ нѣко-

торое время въ обществѣ явился расколъ: одна часть крестьянъ, которой надоѣло бунтовать, рѣшила покориться и выказала готовность платить. Тогда... это совершенно естественно — мѣстной полиціи представился случай обнаружить распорядительность. И недоимки стали поступать все успѣшнѣе, пока... не остановились вовсе. Оказалось, что къ поддавшимся василевцамъ была примѣнена круговая порука, и съ нихъ стали брать, что было можно, за остальныхъ. Увидало тогда меньшинство, что „бунтовать" во всякомъ случаѣ выгоднѣе, и опять перестало платить.

Каковы же, однако, сами эти „бунтовщики" въ остальныхъ отношеніяхъ? Мѣстный священникъ, благочинный Г. Н. Гуляевъ, пастырь непокорнаго стада (и притомъ,—позволю себѣ прибавить,—пастырь въ истинномъ и высокомъ значеніи этого слова), рекомендуетъ ихъ, какъ отличныхъ прихожанъ, смирныхъ и кроткихъ людей. Неправда-ли, это опять неожиданная черта во всей этой оригинальной исторіи?.. Какъ бы то ни было, по пословицѣ: „добрая слава лежитъ, худая бѣжитъ", василевцы пользуются своей бунтовской репутаціей не только въ уѣздѣ, но и въ губерніи. Годы этого „бунта" и этихъ усмиреній легли бременемъ на василевцевъ: хозяйство расшатано, валится кое-какъ, черезъ пень-колоду, и василевскіе нищіе ходятъ съ сумами далеко по окрестностямъ, даже въ обыкновенные годы...

Какъ же избавиться отъ этого хроническаго недоразумѣнія? У лукояновской продовольственной

коммиссіи явилась на этотъ счетъ своя „идея“: съ 1873 года василевцамъ рѣшено не выдавать паспортовъ на отхожіе заработки. Теперь они вновь обратились въ уѣздный съѣздъ земскихъ начальниковъ съ просьбой, въ виду неурожая, разрѣшить имъ отходъ на промысла, но 9 октября земскій начальникъ извѣстилъ волостное правленіе, что въ этой просьбѣ съѣздомъ отказано. Года за два василевцевъ вдобавокъ посѣтилъ страшный пожаръ (пламя „слизнуло“ почти все село цѣликомъ). За пожаромъ пришелъ и голодъ, и вотъ эта минута сочтена удобной для окончательнаго усмиренія. Предполагалось лишить бунтовщиковъ огня и воды, не выдавать ни паспортовъ, ни зерна ссуды... Боже мой, но вѣдь они уже доказали свою закоренѣлость и теперь могли добунтоваться прямо до голодной смерти!

Къ счастью для василевцевъ и къ чести губернскихъ властей, проектъ отвергнутъ, выдача паспортовъ разрѣшена губернаторомъ, и рука помощи не минула непокорнаго села. Нѣсколько лѣтъ назадъ, кто-то, кажется, именно кто-то изъ (бывшихъ) земцевъ, человѣкъ простой и умѣющій говорить съ мужикомъ по-человѣчьи, убѣдилъ василевцевъ, что ихъ положеніе не ухудшится, если они станутъ пахать надѣльную землю. И они стали пахать, но выкупныхъ всетаки не платятъ, тѣмъ болѣе, что не имѣютъ надежды уплатить всю накопившуюся годами недоимку... Такимъ образомъ, первая половина про-

граммы, надъ которой такъ долго трудилась нѣкогда почтенная команда сотскихъ, все-же исполнена. Теперь вдобавокъ василевецъ видѣлъ муку помощи, протянутую къ нему среди невзгоды. Если бы къ этой гуманной мѣрѣ прибавить попытку выясненія коренныхъ причинъ неурядицы и употребить болѣе дѣйствительныя средства въ томъ же гуманномъ и разумномъ духѣ, то, кто знаетъ, можетъ быть голодный годъ послужилъ бы къ рѣшенію запутаннаго вопроса, и „кроткій бунтъ“ смѣнился бы столь же кроткой покорностью закону.

Однако, сколько такихъ вопросовъ, хронически запутывавшихся, какъ застарѣлая болѣзнь, досталось намъ въ наслѣдіе отъ прошлаго!...

VI.

«Заштатный городъ.—«Столовая».—Опять «спокойствіе уѣзда».— Базаръ и парадоксы голоднаго года.

„Заштатный городъ“ Починки былъ настоящимъ городомъ при Екатеринѣ. Въ архивѣ одной изъ мѣстныхъ церквей недавно найденъ документъ, въ которомъ протоіерей Георгій Алексѣевъ описываетъ сильными чертами—„бывшій въ 1795 году майя 3 дня происходившій въ первомъ, во второмъ и въ третьемъ часахъ пополудни превеличайшій, престрашнѣйшій пожаръ въ городѣ Починкахъ, въ которомъ по згореніи собора, двухъ церквей, духовнаго правленія, со-

ляныхъ анбаровъ, полиціи, цейгауса и разнаго строенія до шести сотъ дворовъ, оказалось, что въ огненномъ пламени жизнь свою положили два священника, Александръ и Іоаннъ, и крестьянъ обоего пола 30 человѣкъ, да обжегшихся по причинѣ отвсюду разлившихся пламени съ вѣтромъ и вихремъ человѣкъ до 40... Въ которое время и я, грѣшный протопопъ, хотя опаленъ былъ огнемъ, однако, Богу, давшему мнѣ силу и способность, благодареніе: ибо, между самаго горящаго строенія пробѣжавъ въ рѣкѣ Руднѣ, жизнь свою спасъ" *).

Надо думать, что именно этотъ пожаръ рѣшилъ участь Починокъ и обратилъ ихъ въ село. Однако, Починки не забываютъ прошлаго и предпочитаютъ именоваться „заштатнымъ городомъ". Въ немъ помѣщается уѣздная земская управа, происходятъ собранія земства, и—одинъ разъ въ мѣсяцъ—засѣданія уѣздной продовольственной коммиссіи. Такимъ образомъ, Починки по праву могутъ считаться второй столицей Лукояновскаго уѣзда, и, говорятъ, отсюда собственно, исходитъ то, что впослѣдствіи стали называть „лукояновскимъ духомъ". Что это за „духъ" такой,—читателю уже болѣе или менѣе извѣстно. Однако, забѣгая нѣсколько впередъ,—я позволю себѣ привести, для характеристики „второй лукояновской столицы", нѣкоторыя черты, оглашенныя

---

*) Въ 1894 г. Починки опять постигнуты страшнымъ пожаромъ: сгорѣло до 200 домовъ.

уже въ 1893 году (въ газетѣ „Русская Жизнь“, № 33).

„Въ Починкахъ,—пишетъ корреспондентъ (живописующій лукояновскія будни, наступившія послѣ суеты и шума голоднаго года), много лѣтъ дѣйствовалъ нѣкто г. Ильинъ, письмоводитель предводителя, секретарь воинскаго присутствія и непремѣнный членъ всѣхъ учрежденій, куда только можетъ проникнуть человѣкъ, излюбленный мѣстными сильными персонами. Въ Починкахъ, да и во всемъ уѣздѣ г. Ильина звали почему-то „Синимъ человѣкомъ“,—названіе, отдаленно напоминающее Синюю бороду, вообще звучавшее чѣмъ-то таинственнымъ и зловѣщимъ. Не такъ давно земскій начальникъ 1 уч. г. Removed Removed Бобоѣдовъ (состоявшій въ „оппозиціи къ оппозиціи“, бѣжавшій изъ уѣзда и водворившійся вновь уже послѣ), — объѣзжая волостныя правленія и ревизуя книги — нашелъ въ нихъ записаннымъ расходъ на призывные бланки, которые должны разсылаться даромъ. Обративъ вниманіе на это обстоятельство, г. Бобоѣдовъ открылъ затѣмъ цѣлую систему незаконныхъ поборовъ, исходившихъ изъ канцеляріи предводителей и практиковавшихся много лѣтъ. Оказалось, что г. Ильинъ дѣйствительно взималъ въ свою пользу и за бланки, которые самъ получалъ безплатно для разсылки по волостямъ, и за многое другое. Подите вотъ: велика-ли птица письмоводитель предводителя дальняго уѣзда, а у насъ такой письмоводитель такого предводителя

идетъ за министра финансовъ, и налогъ,—только еще мелькнувшій среди другихъ проектовъ—за льготные билеты по воинской повинности,—онъ уже взимаетъ давно и съ большимъ успѣхомъ, въ размѣрѣ 5 коп. съ каждаго, вынувшаго дальній жребій. Не довольствуясь этимъ, Синій письмоводитель ежегодно разыгрываетъ по нѣскольку лоттерей, и тотъ-же г. Бобоѣдовъ нашелъ, „циркулярно", такъ сказать, разосланные въ самыя дальнія отъ Починокъ волости,—билеты на „муфты", „ротонды" и т. д.—„Да зачѣмъ тебѣ, братецъ, ротонда?—удивленно спрашивалъ г. Бобоѣдовъ у какого нибудь старосты.—„Бабу, что-ли, по городскому наряжать вздумалъ?"—Приказано брать и берешь,—смиренно отвѣчали вопрошаемые".

Въ октябрѣ 1894 года Ильина судили въ засѣданіи судебной палаты съ сословными представителями. На скамьѣ подсудимыхъ предсталъ совершенно неожиданно для публики—уже не письмоводитель, а „рясофорный инокъ Высокогорскаго Арзамасскаго монастыря! Фигура „инока" Ильина,—писали по этому поводу въ „Нижегородскомъ Листкѣ"—на судѣ была весьма интересна: изъ подъ черной драпировки клобука выглядывало круглое, бритое, довольно полное и совершенно синее лицо коллежскаго совѣтника и недавняго лукояновскаго дѣлопроизводителя". Г. Ильинъ отнюдь не отрицалъ фактовъ обвиненія. Онъ ссылался только на

давній обычай, на свои непредвидѣнные расходы и на то, что всѣ предводители знали объ этомъ*)...

Не правда-ли, отъ этой картины такъ и пахнетъ добрыми старыми временами, „до реформы", точно вся шумная и дѣятельная четверть вѣка пронеслась вдали отъ этого уголка, не задѣвъ его своими „вѣяніями". Въ цитированной выше корреспонденціи сообщается и еще интересная черта: оказывается, что самый домъ, въ которомъ помѣщалась канцелярія предводителя, откуда исходили всѣ предпріятія „сильной власти" Синяго человѣка, съ его муфтами, бланками и ротондами, принадлежитъ крестьянскому обществу, у котораго домъ былъ снятъ только въ аренду. Но... „вы видѣли,—пишетъ корреспондентъ,—какой силой пользовался въ уѣздѣ „Синій письмоводитель". Мудрено ли, что, заплативъ одинъ разъ,—онъ затѣмъ пересталъ платить вовсе, а всякому, кто заикался о правѣ крестьянскаго общества,—умѣлъ зажать ротъ. Такимъ образомъ, для злополучнаго дома прошла десятилѣтняя давность". —И... захватъ грозилъ превратиться въ формальное право... Если,—прибавлю къ этому отъ себя,—законныя права общества возстановлены,—то это одинъ изъ косвенныхъ результатовъ лукояновскаго междуусобія...

---

*) Интересно, что, по сообщенію мѣстныхъ газетъ, г. Ильинъ только въ 1896 году сдѣланъ «послушникомъ». Значитъ, иноческая ряса была тутъ только эфектной декораціей.

Однако вернемся къ прерванному повѣствованію...

Здѣсь (если не ошибаюсь, по инициативѣ г-жи Е. Н. Струговщиковой) открыта огромная столовая на 250 человѣкъ. У двери ея—цѣлая толпа: нищіе, нищенки, старики, старухи, дѣти. Это еще не попавшіе или не имѣющіе надежды попасть въ столовую. Вотъ захожій странникъ, сгорбленный подъ котомкой, съ посохомъ въ рукѣ, съ огромной бородой и острыми, внимательными глазами. Много исходилъ онъ свѣту, но, видимо, здѣсь наткнулся на новое, еще невиданное учрежденіе и изслѣдуетъ его своимъ наблюдательнымъ взглядомъ, оцѣнивая шансы поживиться и на свою странницкую долю. А вотъ и простодушныя лица дѣтей... Они плохо сознаютъ, что происходитъ кругомъ. Они только голодны и смотрятъ на хлѣбъ безхитростными, грустными, широко открытыми глазами.

Ни наружнаго вида, ни подробностей организаціи этой столовой я описывать не стану. Все это уже извѣстно читающей публикѣ изъ брошюры Л. Н. Толстого и многихъ другихъ описаній. Всѣ столовыя болѣе или менѣе повторяли въ главномъ свой первообразъ. Здѣсь же я напомню только, что самое возникновеніе этого „опаснаго“ учрежденія въ средоточіи лукояновской оппозиціи—слѣдуетъ считать результатомъ минутной слабости уѣзднаго попечительства. На дальнѣйшія просьбы о разрѣшеніи новыхъ столовыхъ, оно отвѣчало уже рѣшитель-

нымъ отказомъ,—„для избѣжанія нареканій на лицъ, завѣдующихъ продовольствіемъ въ уѣздѣ“.

Теперь нѣсколько словъ о знаменитомъ базарѣ.

Впрочемъ, и тутъ я не стану повторять всѣмъ извѣстныхъ описаній сельскаго базара; скажу только, что базаръ въ Починкахъ дѣйствительно огромный, а къ веснѣ, передъ началомъ распутицы, на немъ стали появляться сотни возовъ овса...

Вотъ въ этомъ все дѣло: овесъ есть всетаки хлѣбъ. Итакъ, въ голодающемъ уѣздѣ на базарѣ появляется хлѣбъ. Это зрѣлище поистинѣ соблазнительное, и вотъ почему „починковскій базаръ“ сталъ вдругъ фигурировать во всѣхъ донесеніяхъ изъ Лукояновскаго уѣзда и каждый разъ, какъ кто-либо „изъ губерніи“ пріѣзжалъ, чтобы „увидѣть голодъ“ въ уѣздѣ, гг. лукояновскіе дѣятели вели его на этотъ базаръ: смотрите! И пріѣзжіе изъ губерніи по большей части смущались: въ самомъ дѣлѣ—продаютъ, покупаютъ, толпы народа, сотни возовъ овса!

По этому поводу я опять позволю себѣ небольшое отступленіе.

Былъ ли, въ самомъ дѣлѣ, у насъ голодъ, господа, былъ ли у насъ, подлинно, страшный неурожай, была ли необходимость въ помощи населенію 20 губерній? Повидимому, совершенно праздный вопросъ! Однако, положа руку на сердце, знаемъ ли мы теперь правду о голодѣ? Можемъ ли мы,—читающая, мыслящая, разсуждающая и даже „командующая“ часть русскаго общества,—можемъ ли мы

сказать, что имѣемъ окончательное и безповоротное мнѣніе по этому вопросу, знаемъ это такъ, что уже не остается мѣста ни колебаніямъ, ни сомнѣніямъ, ни спорамъ? Было ли нашествіе двунадесяти языкъ въ 1812 году? Да, было, въ этомъ мы всѣ увѣрены совершенно. Но когда отодвинется нѣсколько трудный нашъ годъ, когда „голодъ" сойдетъ съ газетныхъ столбцовъ, когда закроются всѣ комитеты и прекратятся оффиціально разрѣшенные сборы,—скажемъ ли мы тогда съ такою же увѣренностью: недавно на Руси было великое бѣдствіе, которое должно намъ послужить урокомъ? Или же фактъ останется опять въ области спорныхъ вопросовъ. Одни станутъ говорить — „былъ голодъ", а другіе—„была только либеральная или какая нибудь другая интрига"?

Кто-то, кажется, г. Авсѣенко въ одномъ изъ своихъ романовъ сравнилъ нашу русскую жизнь съ гороховымъ киселемъ: какъ глубоко ни хлестни по этому киселю,—борозду мигомъ затянетъ и никакого слѣда не будетъ... Нѣтъ, слѣды, конечно, будутъ, слѣды не могутъ не остаться въ самой глубинѣ народной жизни, но наверху, въ сознаніи „господствующихъ" слоевъ общества, возможно и то, и другое...

Прежде всего, признали ли мы единодушно существованіе бѣдствія теперь, когда собираемъ пожертвованія, говоримъ, открываемъ столовыя и раздаемъ ссуды? Вотъ небольшой, но характерный

фактъ. Уже въ Лукояновѣ я получилъ письмо отъ лица, живущаго въ Нижегородской губ., въ уѣздѣ, постигнутомъ неурожаемъ. Письмо слѣдующаго содержанія: „Посылаю вамъ 45 р., полученныхъ со спектакля въ пользу голодающихъ. Живо представляю себѣ ваше удивленіе, а, можетъ быть, и иное чувство передъ нашимъ личнымъ неумѣніемъ оказать помощь непосредственно... Но вѣдь такъ трудно разобраться во всѣхъ этихъ фактахъ. Вотъ я, напримѣръ, видѣлъ печеный хлѣбъ изъ N—ской волости. Глядѣть жутко: какая-то тяжелая, клейкая масса изъ разной дряни. Но черезъ нѣсколько дней меня увѣряютъ, что это обманъ: нарочно испекли для начальства! Къ одному изъ земскихъ начальниковъ являются и говорятъ, что умираютъ съ голоду. Онъ ѣдетъ въ деревню, посѣщаетъ подрядъ дома и привозитъ отличный ржаной хлѣбъ и порядочный пшеничный. Я самъ отвѣдывалъ"... и т. д.

Я попрошу читателя пока замѣтить одну характеристическую черту: „посѣтилъ подрядъ дома и привезъ порядочный хлѣбъ"... Подрядъ изъ всѣхъ, или изъ половины домовъ, или изъ одного-двухъ,— объ этомъ даже не упоминается. Нашелъ хлѣбъ, можетъ быть, въ одномъ домѣ... И довольно!

Далѣе. Не такъ давно, въ Нижнемъ, меня встрѣтилъ на улицѣ знакомый помѣщикъ и обрадовалъ извѣстіемъ, что „голода рѣшительно нѣтъ".

— Помилуйте, самъ думалъ иначе, но теперь имѣлъ случай убѣдиться. И разубѣдилъ меня му-

жикъ, односелецъ. Считался бѣднякомъ, получалъ ссуду, и я самъ зналъ его, какъ бѣдняка. Что же вы думаете: недавно приходитъ ко мнѣ покупать лошадь. „Да откуда же у тебя деньги?“—А сколько надо?—„Тридцать пять рублей“...—Извольте!—Заворачиваетъ полу и, къ моему удивленію, вынимаетъ 35 руб. Вотъ-то и голодающій!

А шедшій со мной, чисто уже городской скептикъ, прибавилъ:

— Вотъ видите, а вѣдь это помѣщикъ и видѣлъ самъ.

Этотъ пріемъ мы уже нѣсколько знаемъ: это «массовые выводы изъ единичныхъ наблюденій“. Одинъ единственный фактъ, который человѣкъ видѣлъ самъ, сразу закрываетъ для него тысячи фактовъ, обставленныхъ какими угодно достовѣрностями, но о которыхъ онъ только „читалъ въ книгѣ“, или которые видѣли другіе. А вотъ и еще: мнѣ пришлось купить у мужика 275 пуд. хлѣба для столовыхъ, по 1 р. 70 к. Цѣна ужасная, и уже ея одной достаточно, кажется, чтобы представить себѣ положеніе массы людей, вынужденныхъ покупать хлѣбъ по такой цѣнѣ. Но это сообщеніе общаго характера и потому рѣдко привлекаетъ вниманіе. А вотъ то обстоятельство, что хлѣбъ купленъ у мужика, тотчасъ же кидается въ глаза.

— У мужика—275 пудовъ! Ну, какіе же они голодающіе!

Я былъ изумленъ неожиданностью заключенія,

но теперь уже не удивляюсь. Вотъ другой примѣръ въ томъ же родѣ: ѣдемъ деревней. День морозный, на току раздаются гулкіе удары цѣповъ. Молотятъ рожь, разбирая для этого старыя одонья.

— Кто молотитъ?

— Мужикъ.

— Чей хлѣбъ?

— Свой.

И вотъ опять поводъ для изумленія: какіе-же они голодающіе?

Если вскрыть этотъ весьма ходячій и весьма простой силлогизмъ, то онъ представится въ слѣдующемъ несложномъ видѣ: „Кто продалъ хлѣбъ для столовой?"—Мужикъ.—„Кто будетъ обѣдать въ столовой?"—Мужикъ.

Итакъ, мужикъ продавалъ свой хлѣбъ и мужикъ идетъ въ даровую столовую. Мужикъ молотитъ старыя одонья и мужикъ проситъ ссуду. Обманщики!

Однако, стоитъ только немного договорить, и станетъ ясно, въ чемъ дѣло:

— Тотъ самый мужикъ, который продалъ хлѣбъ, пойдетъ въ столовую? Вотъ въ томъ-то и дѣло, что не тотъ самый, что хлѣбъ продалъ Ѳедотъ, а въ столовую пойдетъ Иванъ, а если и Ѳедотъ, такъ не тотъ, а другой... Въ томъ-то и дѣло, что „мужика", единаго и нераздѣльнаго, просто мужика—совсѣмъ нѣтъ; есть Ѳедоты, Иваны, бѣд-

няки, богачи, нищіе и кулаки, добродѣтельные и порочные, заботливые и пьяницы, живущіе на полномъ надѣлѣ и дарственники, съ надѣлами въ одинъ лапоть, хозяева и работники... Въ томъ-то и дѣло, что намъ народъ кажется весь на одно лицо, и по первому мужику мы судимъ о всѣхъ мужикахъ. Когда мы съ нимъ кокетничали, когда у насъ были въ модѣ славянофильство и народность, тогда стоило первому трактирному половому, первому прасолу изрѣчь какую нибудь болѣе или менѣе характерную сентенцію,—и мы уже кричали: вотъ что думаетъ, вотъ какъ судитъ русскій народъ... ну, хоть о либерализмѣ. И этого было достаточно, чтобы умилиться передъ „народною мудростью" и чтобы посрамить либерализмъ на основаніи столь высокаго авторитета. Теперь время другое и, увидя у перваго кабака перваго пьяницу, мы уже готовы кричать: „вотъ онъ, русскій народъ! Пьяница и оболтусъ! Русскій народъ спился, русскій народъ не голодаетъ, а пропиваетъ ссуды"...

— Ахъ, вы изъ уѣзда? — Ну, что, скажите: видѣли голодъ?

Вдумайтесь въ тонъ и смыслъ этого вопроса, и вы опять увидите подъ нимъ представленіе о чемъ-то единомъ, простомъ, цѣльномъ и несложномъ, какъ статуя.—Видѣли монументъ Пушкина на Тверскомъ бульварѣ?—Да, видѣлъ. Дѣйствительно стоитъ на Тверскомъ бульварѣ и откуда ни зайди,—отовсюду ясно, что это именно монументъ, единый и цѣль-

ный, отлитый изъ металла. — А голодъ? Нѣтъ, помилуйте, гдѣ онъ?

Такъ разговариваемъ мы въ губернскомъ городѣ, въ краѣ, постигнутомъ неурожаемъ, съ пріѣзжими изъ уѣздовъ. И сколько людей—столько отвѣтовъ, и все слагаемыя, которыя мы,—по крайней мѣрѣ, значительная, если не большая часть нашего общества,—не умѣемъ суммировать. „Иванъ Ивановичъ видѣлъ настоящій голодъ въ такой-то волости: сидитъ въ печальной позѣ и проливаетъ горькія слезы.—Помилуйте, да Семенъ Семеновичъ самъ былъ въ этой волости: никакой тамъ голодъ не сидитъ и слезъ не проливаетъ, а наоборотъ—„народное пьянство“ распѣваетъ разгульныя пѣсни. Онъ самъ видѣлъ, какъ мужикъ Семенъ Гордѣевъ валялся пьянъ на улицѣ“.—А стоитъ губернскому жителю явиться въ столицу—и тамъ накидываются на него, какъ на настоящаго эксперта изъ голодающей губерніи.—Скажите, наконецъ, правду: есть голодъ?..—Я у себя, въ губернскомъ городѣ, не видалъ...—Не видали, странно...

А статистика?.. Казалось бы, она-то и должна, и можетъ разрѣшить всѣ эти недоумѣнія. Но—много-ли у насъ осталось статистики къ тому времени, когда она такъ очевидно нужна. И притомъ, какіе мы передъ нею невѣжды. И не потому невѣжды, что мало знаемъ статистику родного края,—куда ужъ, этого трудно и требовать!—а потому, что не знаемъ собственнаго незнанія, что, увидя сами одинъ фактъ, не хотимъ уже видѣть сотни

и тысячи фактовъ, что не вѣримъ знанію и предпочитаемъ своимъ умомъ дѣлать массовые выводы изъ единичныхъ наблюденій...

Теперь возвратимся къ починковскому базару. Огромная площадь, толпа народа. Рядъ деревянный, рядъ „краснаго товара", рядъ желѣзный, конный, наконецъ—возы овса. Представьте себѣ теперь, что на такую площадь попадетъ „изслѣдователь" съ такими же представленіями о голодѣ, съ такимъ же представленіемъ о мужикѣ, какъ о единомъ и всегда себѣ равномъ субъектѣ, всегда „на одно лицо" и съ одинаковыми свойствами. И вотъ, вмѣсто пустыни, по которой бродятъ одни только истомленные скелеты, такой наблюдатель видитъ базаръ, а на базарѣ возы, а въ возахъ овесъ. Боже мой, какъ не обрадоваться этому открытію! И онъ ѣдетъ въ губернію съ отраднымъ извѣстіемъ: „самъ видѣлъ", А „практики", „знающіе близко народную жизнь", пожимаютъ плечами: „Мы говорили! Охота вѣрить статистикѣ или газетчикамъ!.." И при этомъ непремѣнно забудутъ, что сами тоже еще недавно били тревогу...

Я увѣренъ, что эти исторіи, и именно такъ, происходили по всей неурожайной полосѣ и что онѣ посѣяли много сомнѣній. У насъ, по крайней мѣрѣ, починковскій базаръ расплодилъ ихъ безчисленное множество.

Вотъ почему стоитъ немного остановиться на томъ явленіи.

Гг. „знающіе близко народную жизнь“ сдѣлали открытіе: въ уѣздѣ есть овесъ! Однако,—если-бы они предварительно ознакомились въ самой лишь необходимой мѣрѣ съ тѣмъ, что для нихъ знать было обязательно, то они увидѣли бы, что другимъ это давно было извѣстно. На стр. XVIII изданнаго губернской земской управой труда „Урожай 1891 года“ они нашли бы даже точную цифру: на однѣхъ крестьянскихъ земляхъ чистый сборъ овса по уѣзду показанъ въ 70½ тысячъ четвертей или 423 тысячи пудовъ. Прибавьте къ этому овесъ изъ экономій, запасы крупныхъ и мелкихъ торговцевъ, разложите все это на возы—и вы получите такой обозъ, котораго хватитъ не на одну починковскую базарную площадь... Такимъ образомъ, со своимъ шумнымъ открытіемъ „практическое знаніе народной жизни“ стучалось въ давно открытую дверь и открывало давно открытую Америку.

Однако, въ работахъ статистиковъ есть и другія цифры.—Въ оффиціальномъ „Сборникѣ центральнаго статистич. комитета“ (Урожай 1891 года) вы увидите въ таблицѣ, показывающей сборъ ржи (табл. III), краснорѣчивую цифру 00 противъ Лукояновскаго уѣзда. Сборникъ губ. управы даетъ цифру нѣсколько высшую, но во всякомъ случаѣ—совершенно ничтожную...

Итакъ, статистика ясно говоритъ господамъ, „знающимъ практически народную жизнь“: у васъ есть овесъ и нѣтъ ржи, поэтому населеніе ста-

нетъ продавать овесъ и спрашивать рожь. И дѣйствительно овесъ выѣзжаетъ на базары и становится рядами телѣгъ, а мѣсто ржи занимаютъ мѣшки съ лебедой... Но господа практики чему-то удивляются и почему-то торжествуютъ...

Теперь статистика продолжаетъ: но вашего овса не хватитъ на покупку необходимаго количества ржи. Разсчетъ оченъ простой: у васъ 168 тысячъ человѣкъ въ уѣздѣ. Считая весьма умѣренно по пуду ржи на человѣка, вамъ нужно 168 тысячъ пуд. въ мѣсяцъ, а до 1-го марта (когда происходитъ этотъ разговоръ),—нужно было бы 1.200,000 пудовъ. Вы выдали до этого времени всего 69 тысячъ. Итакъ, свыше милліона пудовъ ржи населеніе должно вымѣнять на свой овесъ. Для этого (считая 2 пуда овса за пудъ ржи)—необходимо болѣе 2 милліоновъ пудовъ овса. А у васъ его только 423 тысячи! Это-то мы и называемъ нуждой.

Результатъ очевиденъ. Къ веснѣ, когда тайные и явные, скрытые и открытые запасы хлѣба уже исчезли,—овесъ съ лихорадочной поспѣшностью вывозится на базары. Статистика видитъ въ этомъ исполненіе своихъ предсказаній и рекомендуетъ увеличеніе ссудъ, чтобы помочь бѣдному овсу, изнемогающему отъ обилія предложенія и теряющему цѣну, въ то время, какъ гордая рожь становится все недоступнѣе и дороже... А господа практики въ базарномъ изобиліи овса усматриваютъ признакъ довольства и... сокращаютъ ссуды!..

Дальнѣйшее еще болѣе понятно. Овесъ напрягаетъ послѣднія усилія и сѣмена въ свою очередь наводняютъ рынокъ. Статистика скорбитъ, „практика“ еще болѣе торжествуетъ, въ деревняхъ ѣдятъ лебеду и... мрутъ „натуральною“, только отчего-то ужасно возрастающею смертностью... А овесъ все плыветъ на базары, и когда подходитъ время посѣва, то оказывается, что теперь необходимо уже выдавать въ ссуду овесъ на обсѣмененіе полей, выкупая его по дорогой цѣнѣ у скупщиковъ, которые подобрали его очень дешево въ періодъ базарнаго изобилія!

Вотъ каковы эти „голодные парадоксы“ и вотъ какъ трудно приступать къ нимъ съ однимъ глазомѣромъ, съ одною рѣшительностью, съ презрѣніемъ къ истинному знанію, основанному на наблюденіи и обобщеніи, съ однимъ невѣжествомъ, состоящимъ въ незнаніи собственнаго незнанія...

И вотъ почему мы колеблемся и сомнѣваемся, былъ ли у насъ голодъ: каждое отдѣльное наблюденіе (самъ видѣлъ) обобщается и опрокидываетъ наши первоначальныя представленія, а статистика частью заблаговременно уже искоренена, частью же находится не въ авантажѣ... У насъ, въ губерніи, она не искоренена и сдѣлала свое дѣло тамъ, гдѣ ее захотѣли слушать. И, однако, достаточно было немотивированнаго мнѣнія лукояновскихъ „знатоковъ народной жизни“, чтобы точная и несомнѣнная смѣта уступила въ уѣздѣ мѣсто фантазіямъ, основаннымъ,

какъ мы уже видѣли, на ученыхъ трудахъ волостныхъ писарей и „живыхъ наблюденіяхъ“ кабаковъ и базаровъ...

Отчего это такъ вышло, объ этомъ мы поговоримъ еще въ главѣ объ организаціи продовольственнаго дѣла.

Часа въ четыре мы выѣхали изъ Починокъ. Базаръ порѣдѣлъ. Ѣдемъ тихо: на дорогѣ много „обгону“, пристяжка то и дѣло вязнетъ въ глубокомъ снѣгу... Пьяныхъ, какъ и на базарѣ, не видно; не слышно пѣсни; возвращаются на-легкѣ,—видно, что продавцовъ на базарѣ больше, чѣмъ покупателей.

Вотъ на дорогѣ остановка: распряженныя сани съ незначительной кладью, на саняхъ сидитъ мужикъ, на снѣгу лежитъ лошадь, положивъ, какъ собака, голову на переднія ноги—и по временамъ тяжело, глубоко вздыхаетъ... Возы осторожно объѣзжаютъ застигнутаго бѣдой мужика, наши лошади пугливо жмутся, и, объѣхавъ, подхватываютъ сразу, убѣгая въ паникѣ отъ молчаливой драмы, понятной даже и лошадиному сердцу.

Я оборачиваюсь назадъ. Неуклюжая починковская колокольня еще видна надъ снѣгами, по дорогамъ тянутся, черными точками, возы разъѣзжающагося базара... Въ лицо дуетъ холодѣющій вѣтеръ...

Къ ночи еще будетъ морозъ. Двѣ-три ночи теплыхъ,—и дороги станутъ непроѣзжими, и уже трудно будетъ доставлять хлѣбъ туда, куда, по ошибкѣ ли, или по принципу, вольно или невольно, не успѣютъ доставить его раньше.

Вотъ опять красивая перспектива непокорнаго Василева-Майдана, съ церковью на высокомъ холмѣ... Вечерняя заря угасаетъ за синѣющими снѣгами. Вѣтряныя мельницы стоятъ, рисуясь на золотѣ заката, не шелохнувъ крылами, точно, въ самомъ дѣлѣ, мертвые великаны. Ямщикъ развлекаетъ меня разсказомъ о томъ, какъ нынѣ дешево можно жениться, да кстати, не подозрѣвая этого, разрѣшаетъ еще одинъ парадоксъ голоднаго года. Говорятъ, въ уѣздѣ много свадебъ. Это опять фактически невѣрно: свадебъ безотносительно меньше, но все же женятся. И что всего страннѣе: женятся бѣдняки. Ямщикъ безхитростно разрѣшаетъ загадку: дѣвки дешевы. Въ тѣхъ мѣстахъ за нихъ берутъ „кладку“ рублей по 50, по 100. Теперь можно взять дѣвку изъ хорошей семьи за безцѣнокъ, только съ хлѣба долой. Подумывалъ-было сына женить,—теперь не женишь, потомъ опять вздорожаютъ.

— Такъ что же?

— Неохота ее-то по міру пускать... Первый-то годъ лелѣемъ мы всетаки ихъ, а тутъ въ домѣ, кромѣ лебеды, ничего! Нехорошо!

Такъ вотъ комментарій къ этому „обилію свадебъ“, которое тоже приводилось, въ качествѣ аргу-

мента, въ пользу „благосостоянія уѣзда“ и которое вдобавокъ, по точной справкѣ, оказывается такой-же уткой, какъ и усиленіе пьянства, какъ и хорошая торговля!

VII.

Наканунѣ сраженія.—Губернскій благотворительный комитетъ и уѣздное «попечительство».

6 марта, т. е. уже на слѣдующій день послѣ описаннаго въ прошлой главѣ базара,—я тащился по рыхлой дорогѣ въ Лукояновъ, съ чувствомъ той неопредѣленности, и какъ будто тоски, которая обыкновенно сопровождаетъ первые шаги въ незнакомомъ мѣстѣ и по незнакомому дѣлу. На слѣдующій день, въ „конспиративной квартирѣ“ предстояло засѣданіе, о которомъ въ уѣздѣ носились глухіе толки. Возвращаясь вчера съ базара, я встрѣтилъ двѣ тройки, увязавшія въ снѣгу. Ямщики были украшены бляхами, обозы торопливо сворачивали съ наѣзженной колеи, и мужики обѣими руками сволакивали съ головъ свои шапки. Мнѣ объяснили, что это мѣстное начальство всякихъ ранговъ выѣзжало на границу уѣзда,—встрѣчать губернатора. Тревога оказалась фальшивой: губернаторъ остановился „на Ваду“, недалеко отъ лукояновской границы, въ Арзамасскомъ уѣздѣ. Дороги быстро портились и потому на сей разъ все дѣло ограничилось этой ди-

версіей со стороны губерніи. За то говорили, что со стороны уѣзда готовится какой-то новый и уже генеральный сюрпрюзъ по адресу губерніи, имѣющій разразиться въ ближайшемъ засѣданіи. Это, конечно, подстрекало въ значительной степени мое любопытство, но мое званіе „писателя и корреспондента“ внушало моимъ новымъ знакомымъ сильныя сомнѣнія („неужто допустятъ?“). Фантасмагорія, которую я уже описывалъ („на границѣ уѣзда“)—все еще продолжалась, и это придавало моей поѣздкѣ въ Лукояновъ, на склонѣ зимняго дня, 6 марта, нѣкоторый интересъ своего рода „политической“ пикантности, которая во мнѣ лично, признаюсь, возбуждала въ гораздо большей степени ощущеніе весьма понятнаго любопытства, нежели удовольствія. Такія своеобразныя упражненія уѣздныхъ политиковъ—гораздо пріятнѣе наблюдать со стороны, не становясь въ то же время лично мишенью для этой политики...

Какъ бы то ни было, въ сѣрый денекъ, около 3 часовъ, почтовая пара втащила меня на обнажившійся уже изъ-подъ снѣга пригорокъ, на которомъ стоятъ знакомые читателю „номера“, и тоже знакомый читателю молодой человѣкъ съ цвѣтущею физіономіей встрѣтилъ меня съ какимъ-то таинственнымъ видомъ.

— А вашъ номерокъ угловой-съ... занятъ.

— Кѣмъ?

— Члены по продовольственной части-съ... Изъ Москвы, изъ Петербурга и изъ Арзамасу...

Какъ ни было мнѣ досадно, что мой номерокъ оказался занятъ, но я очень обрадовался, узнавъ, кто эти члены: это былъ А. И. Гучковъ съ братомъ и на-время пріѣхавшій изъ сосѣдняго уѣзда земскій начальникъ г. Ш.

А. И. Гучковъ—сынъ московскаго фабриканта, „почетный судья города Москвы", кандидатъ Московскаго университета и вольнослушатель университета Берлинскаго—очутился въ дальнемъ уѣздѣ нижегородскаго края, благодаря случайностямъ голоднаго года. Узнавъ, что въ Россіи голодъ, онъ пріѣхалъ изъ-за границы и обратился къ генералу Баранову съ просьбой дать ему какую нибудь работу на мѣстѣ, въ деревнѣ. Долгое время, однако, ген. Барановъ удерживалъ его въ Нижнемъ, затѣмъ онъ, вмѣстѣ съ статистикомъ Д.И.Звѣревымъ, принималъ участіе въ объѣздѣ по ревизіи продовольственнаго дѣла въ группѣ І. П. Кутлубицкаго, которая впервые и обратила вниманіе на нѣкоторыя своеобразныя стороны продовольственной дѣятельности лукояновской коммиссіи *). Впослѣдствіи, когда обстоятельства развертывались въ своей логической послѣдовательности,—г. Гучковъ очутился въ положеніи довольно оригинальномъ: почетный мировой судья города Москвы и вольнослушатель Берлин-

*) Любопытно, что въ своеобразномъ стилѣ лукояновской полемики, фамилія г-на Звѣрева стала нарицательной: вмѣсто «гг. статистики», лукояновскій продовольственный комитетъ писалъ въ оффиціальныхъ бумагахъ: «гг. Звѣревы».

скаго университета очутился завѣдующимъ продовольствіемъ, которое было отобрано у одного изъ земскихъ начальниковъ Лукояновскаго уѣзда,—обстоятельство на сей разъ, кажется, весьма благодѣтельное для даннаго участка, но котораго навѣрное не взялся бы объяснить самый тонкій знатокъ земскаго положенія и продовольственныхъ уставовъ...

Кромѣ г-на Гучкова, съ нимъ вмѣстѣ пріѣхалъ его братъ, уѣхавшій, впрочемъ, дня черезъ два, и К. Г. Рутницкій, уполномоченный отъ Особаго Комитета. Такимъ образомъ, мое одиночество кончалось, я былъ уже не единственнымъ заѣзжимъ представителемъ „столоваго принципа“ въ воюющемъ уѣздѣ,—и въ тотъ же вечеръ мы смѣялись вмѣстѣ надъ своимъ положеніемъ наканунѣ объявленія войны: если лукояновская держава тотчасъ же по объявленіи независимости пожелаетъ, подобно державѣ турецкой, заключить насъ, бѣдныхъ посланниковъ благотворительнаго комитета, въ какой-нибудь семи- или четырехъ-башенный замокъ,—по крайней мѣрѣ, мы будемъ въ пріятной компаніи...

Бываютъ у насъ такіе странные вопросы. Всѣмъ намъ кажется до времени, что они давно рѣшены окончательно и безповоротно и въ этомъ видѣ, какъ бы окончательно и навсегда рѣшенныхъ — ни въ комъ уже не возбуждаютъ они ни сомнѣній, ни интереса. Итакъ, десятки лѣтъ они дремлютъ въ глубинѣ нашей и вообще-то не вполнѣ опредѣлившейся жизни, пока сила обстоятельствъ не вызоветъ ихъ

изъ области теоретическихъ отвлеченій на арену практической дѣйствительности. А тогда они внезапно пробуждаются, но, къ удивленію, не въ качествѣ давно рѣшенныхъ и безспорныхъ,—а, наоборотъ, во всей первоначальной свѣжести и неприкосновенности... То, что казалось непререкаемымъ, встаетъ вновь въ видѣ проблемы и вопроса, около котораго вновь закипаютъ давно замолкшіе споры, разногласія, раздоры, и это въ то самое время, когда уже необходимо дѣйствовать, а не спорить и препираться...

Такимъ, между прочимъ, явился и вопросъ о правѣ частнаго благотворенія въ голодающихъ мѣстностяхъ, и мѣстныя начальства рѣшали его самымъ различнымъ образомъ, по губерніямъ и даже по уѣздамъ... Въ одной губерніи или уѣздѣ—всѣ имущіе и желающіе люди призывались къ работѣ, и частная инициатива встрѣчала одобреніе и поддержку; въ другомъ—она только терпѣлась, въ третьемъ—не допускалась вовсе; наконецъ, нѣкоторые уголки нашего обширнаго отечества, какъ это извѣстно изъ газетъ, прославились тѣмъ, что частнымъ благотворителямъ, явившимся туда для непосредственной помощи населенію, было предложено оставить предѣлы уѣзда или даже губерніи...

Нужно сказать, что вначалѣ—этого своеобразнаго отношенія къ частной благотворительности не чужда была и губернская администрація. Такъ, напр., изъ журнала Губернской продовольственной

коммиссіи отъ 17 ноября 1891 г. мы узнаемъ, что... „существуетъ въ уѣздахъ и городахъ губерніи наклонность у отдѣльныхъ лицъ и негласныхъ кружковъ собирать пожертвованія и раздавать ихъ голодающимъ самостоятельно... Вслѣдствіе этого генералъ Барановъ предполагаетъ (если, впрочемъ, намѣреніе это будетъ одобрено коммиссіей)—сдѣлать распоряженіе, чтобы никто безъ спеціальнаго разрѣшенія не имѣлъ права собирать пожертвованія въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая и раздавать эти суммы, помимо съ этой цѣлью организованныхъ учрежденій. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признаетъ необходимымъ воспретить лицамъ, желающимъ получить помощь,—обращаться непосредственно въ какія-бы то ни было учрежденія... помимо своего ближайшаго и непосредственнаго начальства“ (курсивы наши) *). Затѣмъ—первое предложеніе объ открытіи столовой на частныя средства было встрѣчено очень сухо. Генералъ Барановъ находилъ необходимымъ установить наблюденіе, чтобы кормленіе въ столовой было не хуже, но и не лучше выдаваемаго остальнымъ нуждающимся казеннаго пособія. Коммиссія съ обоими предложеніями согласилась, и такимъ образомъ у насъ явилось новое законодательное учрежденіе, прибавившее къ суще-

*) См. Журналъ Нижегор. Губ. Продовольств. коммиссіи отъ 17 ноября 1891 г., стр. 3.

ствующимъ два новыя законоположенія; отнынѣ въ предѣлахъ нижегородскаго края состоятельные люди лишались права кормить досыта посѣтителей своихъ столовыхъ, а сами голодающіе—не могли обращаться со своей нуждой ни къ кому, кромѣ „своего непосредственнаго начальства“ (?). Все дѣло благотворенія вгонялось, такимъ образомъ, въ узкія, чисто бюрократическія рамки.

Въ декабрѣ 1891 года появилось извѣстное сообщеніе Особаго Комитета, оказавшее, какъ я уже говорилъ выше, огромную услугу дѣлу частной благотворительности на мѣстахъ. Въ немъ выставлялось начало, что „дѣятельность лицъ, посвятившихъ себя, по чувству христіанской любви къ ближнимъ, дѣлу помощи нуждающимся, отнюдь не должна быть стѣсняема“. Положенія этого сообщенія, разбитыя на отдѣльные параграфы и приведенныя въ форму устава (впослѣдствіи утвержденнаго Особымъ Комитетомъ), легли въ основу Губернскаго благотворительнаго комитета, объединившаго въ себѣ дѣятельность оффиціальныхъ благотворительныхъ учрежденій и развязывавшаго въ то же время руки частной иниціативѣ.

И дѣйствительно, въ губернскомъ центрѣ послѣ этого безповоротно исчезаютъ признаки указаннаго выше недоразумѣнія, и частная иниціатива принимается съ доброжелательствомъ и радушіемъ. Однако,—характерная черта провинціальной жизни: всякое „воспрещеніе“ и „ограниченіе“ осущест-

вляется у насъ быстро, полно и рѣшительно, точно по телеграфу. Наоборотъ, всякое „разрѣшеніе" и „дозволеніе" ползетъ на долгихъ и даже послѣ того, какъ оно уже проникаетъ въ самые дальніе административные закоулки, на него все еще недовѣрчиво косятся и не спѣшатъ съ его осуществленіемъ...

Такъ именно было, въ данномъ случаѣ, въ Лукояновскомъ уѣздѣ. Проектъ инструкціи, о которомъ идетъ рѣчь, напечатанъ въ протоколахъ губернской коммиссіи 20 декабря, а 3 января онъ уже былъ одобренъ Особымъ Комитетомъ. Между тѣмъ, взгляды лукояновскаго уѣзднаго попечительства продолжали опредѣляться въ прежнемъ, совершенно противоположномъ направленіи. „Дѣятельность частныхъ лицъ" устранялась рѣшительно и безповоротно, и для этого уѣздное „попечительство" прежде всего строго замкнулось: составъ его опредѣлился наличнымъ числомъ земскихъ начальниковъ, предводителемъ дворянства и... изъ уѣздной земской управы въ него былъ допущенъ одинъ лишь „свой человѣкъ", предсѣдатель, г. Приклонскій. Въ извѣстномъ уже случаѣ съ г. Филатовымъ „духъ" и стремленія этого учрежденія сказались во всей полнотѣ. Постановленіемъ отъ 19 февраля г. Филатовъ ставился въ извѣстность, что столовыя могутъ быть открываемы только гг. земскими начальниками. Такимъ образомъ, изъявивъ согласіе на предложеніе губернскаго комитета, выславшаго ему и деньги, г. Филатовъ узналъ отъ уѣзднаго попе-

чительства, что онъ долженъ вновь просить разрѣшенія у земскаго начальника, „съ изъясненіемъ, по каждой столовой причины открытія“ (какъ будто голодъ недостаточная причина!) Г. земскій начальникъ, въ свою очередь, обратится съ представленіемъ въ „уѣздное попечительство“, которое, впрочемъ, уже заранѣе (19 февраля) опредѣлило, чтобы именно въ тѣхъ мѣстахъ (вблизи Лукоянова), гдѣ г. Филатовъ согласился работать,—столовыхъ отнюдь не открывать, такъ какъ въ городѣ уже есть столовая (на 49 человѣкъ), что, повидимому, должно было служить нѣкоторымъ платоническимъ утѣшеніемъ жителямъ окрестныхъ деревень. Наконецъ, попечительство предоставило еще себѣ особое право—„утверждать“ или „не утверждать помощниковъ г-на Филатова,—точно завѣдываніе столовыми важная государственная должность!..

Таково было „содѣйствіе“, которое уѣздное попечительство оказывало по отношенію къ лицамъ, занимавшимъ въ уѣздѣ видное положеніе (не мѣшаетъ замѣтить, что г. Филатовъ—уѣздный членъ суда при лукояновскомъ съѣздѣ тѣхъ же земскихъ начальниковъ). Читатель, вѣроятно, согласится, что я не имѣлъ никакихъ основаній разсчитывать на большее вниманіе къ моей скромной особѣ, и вотъ почему я предпочелъ сразу же встать подъ защиту того параграфа утвержденной Особымъ Комитетомъ инструкціи, который гласилъ о „дѣятельности частныхъ лицъ“, не подлежавшей стѣсненію...

Остановившись на этомъ рѣшеніи и намѣтивъ первыя два селенія, въ которыхъ предстояло открытіе столовыхъ,—я написалъ о своихъ намѣреніяхъ г-ну земскому начальнику II участка. Затѣмъ я хотѣлъ воспользоваться засѣданіемъ уѣзднаго попечительства, когда гг. земскіе начальники будутъ въ сборѣ, чтобы сразу въ собраніи ознакомить ихъ съ дальнѣйшимъ планомъ моихъ дѣйствій, — разумѣется, только „для свѣдѣнія", но безъ всякихъ, съ моей стороны, притязаній на какое бы то ни было „содѣйствіе" моимъ партикулярнымъ предпріятіямъ...

VIII.

Губернская и уѣздная продовольственная коммиссіи.—Законъ и практика.—Земство и администрація въ продовольственномъ дѣлѣ.

Однако, прежде, чѣмъ вести читателя далѣе среди запутанныхъ неожиданностей уѣздной политики „голоднаго года", считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ организаціи собственно продовольственнаго дѣла въ нашемъ краѣ и о значеніи терминовъ: „губернская и уѣздная продовольственныя коммиссіи"... о томъ, какъ онѣ возникли, изъ кого состояли, что изъ этого выходило, и какъ могло случиться, что въ одной части Лукояновскаго, напримѣръ, уѣзда обязанности по продовольствію населенія легли, наконецъ, на „по-

четнаго мирового судью города Москвы» и вольнослушателя Берлинскаго университета...

Прежде всего, маленькая историческая справка.

Въ старину, во времена крѣпостного права, у насъ дѣйствовалъ уставъ о народномъ продовольствіи, устанавливавшій, между прочимъ, существованіе особыхъ коммиссій продовольствія, которыя отразили на себѣ явные слѣды крѣпостной структуры тогдашней русской жизни. Состояли онѣ, конечно, подъ предсѣдательствомъ губернатора. Помѣстное дворянство, за которымъ стояла темная и безличная крѣпостная масса, имѣло своего представителя въ лицѣ губернскаго предводителя, и, по особому приглашенію, предводителей уѣздныхъ. Интересы крестьянъ государственныхъ представлялись управляющимъ палатой государственныхъ имуществъ (удѣльные въ продовольственномъ дѣлѣ стояли особо). Кромѣ того, въ коммиссіи присутствовалъ губернскій прокуроръ, а дворянство могло выбирать отъ себя еще непремѣнныхъ членовъ „съ жалованьемъ по штату“.

Великая реформа, уничтожившая рабство, съ одной стороны, сглаживала перегородки между сословіями, съ другой—совершенно уничтожала ихъ въ средѣ самихъ крестьянъ. Понятно, что съ этимъ вмѣстѣ исчезала всякая надобность въ дореформенныхъ смѣшанныхъ коммиссіяхъ. И, дѣйствительно, новый законъ упразднилъ ихъ во всѣхъ земскихъ губерніяхъ, а завѣдываніе дѣломъ по обез

печенію народнаго продовольствія и оказаніе пособій нуждающемуся населенію отнесено къ предметамъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій. Главный мѣстный надзоръ за соблюденіемъ предписанныхъ закономъ правилъ для обезпеченія народнаго продовольствія возложенъ на главныхъ начальниковъ губерній и областей. Наконецъ, общее попеченіе о народномъ продовольствіи принадлежитъ къ предметамъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ *).

Такимъ образомъ, если бы законы имѣли должную силу въ мѣстной жизни, то программа борьбы съ послѣдствіями неурожая была бы ими дана впередъ, въ очень опредѣленныхъ и твердыхъ очертаніяхъ, и всякому органу мѣстнаго управленія оставалось бы только сразу и безъ колебаній стать на свое мѣсто и взяться за свое дѣло. Хозяйственная сторона дѣла, вмѣстѣ съ законною отвѣтственностью за его веденіе, ложилась несомнѣнно на земство. Но, быть можетъ, это не по силамъ наличному составу земскихъ органовъ? Законъ это предвидѣлъ, и потому земства имѣютъ возможность расширять наличныя силы своихъ управъ нужнымъ количествомъ новыхъ членовъ. Оставалось это исполнить,

*) См. уставъ о народномъ продовольствіи, изд. 1889 года, ст. 2, 3 и 4, и положеніе о земскихъ учрежд. 12 іюня 1890 г., ст. 2. III. Цитирую изъ записки Н. Ѳ. Анненскаго, внесенной въ нижегородскую губ. продовольственную коммиссію 27 мая 1892 г.

раздѣлить уѣзды на земскіе участки и приступить прямо къ дѣлу. На мѣстную же администрацію возложена обязанность наблюденія и контроля: охрана интересовъ казны, выдающей ссуду на извѣстныхъ условіяхъ, съ одной стороны, и защита населенія отъ возможныхъ посягательствъ и злоупотребленій, съ другой — таково содержаніе того „мѣстнаго надзора“, о которомъ такъ ясно говорится въ законѣ.

Къ сожалѣнію, какъ это мнѣ приходилось уже указывать—послѣ побитыхъ засухою нивъ и ихъ обездоленнаго владѣльца-мужика, наиболѣе пострадавшимъ отъ неурожая является, именно, ни въ чемъ неповинный законъ. Одна изъ прискорбнѣйшихъ фикцій, гуляющихъ въ наше переходное время по обширнымъ пажитямъ провинціальной жизни, состоитъ въ странномъ представленіи, будто „сила власти“ выражается не въ строгомъ, точномъ и неукоснительномъ осуществленіи высшихъ предписаній закона, а въ томъ, чтобы всюду въ мѣстной жизни администрація пѣла первую партію. Даже и тогда, когда это не требуется вовсе ни по нотамъ, ни по самому ходу исполняемой въ данное время пьесы...

Я не могу забыть небольшого и проскользнувшаго почти незамѣченнымъ, но на мой взглядъ очень характернаго эпизода, свидѣтелемъ котораго мнѣ пришлось быть въ губернской продовольственной коммиссіи *). Васильскій уѣздный предводитель

*) Засѣд. 24 ноябрь 1892 г.

дворянства предложилъ коммиссіи поддержать его ходатайство о томъ, чтобы извѣстная и очень немалая сумма была отпущена министерствомъ, помимо земства, въ непосредственное распоряженіе состоявшей подъ его предсѣдательствомъ уѣздной продовольственной коммиссіи, для осуществленія нѣкоего сепаратнаго продовольственнаго плана. На скромное замѣчаніе предсѣдателя губернской земской управы, что такой порядокъ совершенно не соотвѣтствовалъ бы требованіямъ закона, ораторъ, безпечно играя своимъ пенснэ, отвѣтилъ:

— Мнѣ тоже нѣсколько извѣстны статьи, на которыя ссылается многоуважаемый Александръ Васильевичъ. Но, господа, неужели мы собрались сюда для того, чтобы заниматься теоретическими соображеніями?

Это превосходное изреченіе, отводящее закону скромное мѣстечко среди теоретическихъ соображеній, которыя обязаны безпрекословно сторониться передъ великолѣпіемъ личнаго творчества любого уѣзднаго „практика“,—я тогда же занесъ въ свою записную книжку, какъ сжатую, ясную и во всѣхъ отношеніяхъ неподражаемую характеристику въ двухъ словахъ цѣлаго теченія.

Законъ—это просто теоретическое соображеніе!

Хуже того: законъ—это бюрократическая мертвечина, это лишь канцелярская перепись, это №№ „входящихъ и исходящихъ“! Какое прискорбное

недоразумѣніе и какъ ярко сказалось оно, напримѣръ, въ пресловутомъ лукояновскомъ инцидентѣ. Пренебреженіе къ закону, какъ мы видѣли, простерлось здѣсь до возникновенія какой-то особенной уѣздной диктатуры, неизвѣстно на какомъ основаніи возникшей и невѣдомо къ чему устремлявшей свои поползновенія. И мы имѣли случай наблюдать при этомъ, какъ живое дѣло глохло здѣсь подъ канцелярскими „запросами“ и „отписками“ самаго мертвящаго свойства, какъ даже самая благотворительность замкнулась въ своего рода полицейскій участокъ. И это доказываетъ ясно, что законность и канцелярщина—два понятія совершенно различныя. Законъ, проводящій строгое раздѣленіе труда и указующій каждому его мѣсто,—не помѣха живому дѣлу, отсутствіе законности не освобождаетъ отъ формализма и мертвечины...

Прошу у читателя прощенія за это отступленіе, состоящее, притомъ, изъ сплошныхъ трюизмовъ. Но что же дѣлать, если и эти вопросы, давно порѣшонные и занесенные въ „уставы“, дремавшіе на полкахъ и ни въ комъ не возбуждавшіе сомнѣній,—внезапно, въ самое горячее время, воскресли не въ видѣ трюизмовъ, а въ формѣ новыхъ проблемъ! И, вмѣсто того, чтобы сразу думать, какъ нужно дѣлать настоятельное дѣло, мы принялись рѣшать старый и давно порѣшонный вопросъ: кто его долженъ дѣлать?

Характерная черта исторіи „голоднаго года“ въ нашемъ краѣ состоитъ въ томъ, что первые громкіе возгласы о грозящемъ голодѣ раздались изъ консервативнаго лагеря. Земская управа собирала еще точныя свѣдѣнія, подготовляла матеріалы, въ уѣздахъ созывались экстренныя собранія, чтобы обсудить мѣры борьбы съ надвигающимся бѣдствіемъ и степень предстоящей нужды,— какъ уже изъ Васильскаго уѣзда, пріюта нашего воинствующаго консерватизма, были посланы губернатору ген. Баранову категорическія заявленія, что голодъ уже тутъ, на мѣстѣ, и именно тотъ голодъ, „когда матери пожираютъ младенцевъ“. Не знаю, въ какой мѣрѣ участвовало въ этомъ „авторское самолюбіе“, но только избранныя мѣста изъ этихъ „васильскихъ писемъ“ сдѣлались достояніемъ молвы, передавались изъ устъ въ уста и при этомъ прибавлялось: „ну и достается же земству!“ И, дѣйствительно, бѣдное земство, стоящее нынѣ въ томъ мѣстѣ, куда, именно, валятся всѣ шишки, очутилось въ данномъ случаѣ въ положеніи бѣднаго Макара. Перевернешься—бьютъ, и не довернешься—бьютъ. Извѣстно, что пессимизмъ и „крики о голодѣ“ составляютъ исконную вину „либераловъ“ литературы и земства, и въ томъ же Васильскомъ уѣздѣ относились къ нимъ столь высокомѣрно, что на всѣ предупрежденія еще полгода назадъ отвѣчали очень опредѣленно: не дадимъ ни зерна, никто не умретъ. Все это давно уже было признано только „теоріей“ и, за назойливое повтореніе этой

унылой теоріи, во многихъ мѣстахъ была стерта съ лица земли земская статистика. Практика же увѣряла въ радостной истинѣ, что „онъ еще достанетъ". Понятно, поэтому, что земству весьма и весьма надлежало собраться съ духомъ прежде, чѣмъ вновь затягивать унылую пѣсню. Но пока оно собиралось съ духомъ, вооружалось данными и цифрами,—васильскіе „консервативы", которымъ не требовалось ни цифръ, ни данныхъ и которые, поэтому, могли выступить въ походъ налегкѣ,—уже заскакали много впередъ, и имъ доставляла не малое удовольствіе блестящая идея: повернуть обычную, по ихъ мнѣнію, земскую артиллерію противъ самого земства: земство прозѣвало голодъ! Они его открывали.

Это отразилось на первыхъ мѣрахъ борьбы съ голодомъ и наложило на нихъ специфическій отпечатокъ. Когда, вслѣдствіе васильскаго набата, ген. Барановымъ были закуплены первыя партіи хлѣба (впослѣдствіи введенныя въ общую цифру земскаго долга), то распоряженіе этимъ хлѣбомъ губернаторъ фактически передалъ въ руки П. П. Зубова, васильскаго предводителя дворянства, и остальнымъ, даже отдаленнымъ уѣздамъ было предложено обращаться къ нему за указаніями и инструкціями по продовольственной части. Тогда появился первый прецедентъ своеобразной уѣздной продовольственной диктатуры, распространявшейся далеко за васильскіе предѣлы. И по газетнымъ извѣстіямъ, и по разсказамъ мѣстныхъ жителей, „личная система"

васильскаго предводителя никакими особенными достоинствами не блистала и подтвердила еще разъ, что la critique est aisée, но что никакими личными, наскоро сымпровизированными системами нельзя замѣнить закономѣрной коллективной работы общественныхъ учрежденій. Между прочимъ, здѣсь же впервые выступило то печальное явленіе, съ которымъ пришлось впослѣдствіи бороться: гг. предводители наскоро выдавали, а „міръ“ еще быстрѣе, съ точностью уравнительной машины, дѣлилъ „способіе по душамъ“... „Шло на распылъ“, доставалось по 5 фунтовъ на мірскую душу, богатымъ и бѣднымъ одинаково...

Тѣмъ не менѣе, если результаты этой „системы“ въ уѣздахъ не сказались чѣмъ нибудь замѣтнымъ, за то въ командующихъ уѣздныхъ и губернскихъ слояхъ породили немалое смущеніе. Нѣсколько сконфуженное и значительно дискредитированное земство стояло совершенно въ сторонѣ во всемъ этомъ предварительномъ продовольственномъ эпизодѣ, играя, такъ сказать, роль свидѣтеля въ дѣлѣ, гдѣ отвѣтственность всетаки возлагалась на него и на его плательщиковъ. Въ обществѣ, точно пчелы, жужжали всевозможные толки и слухи о близкомъ и полномъ отстраненіи земства отъ всего продовольственнаго дѣла. Если читатель припомнитъ, что это совпало съ переходнымъ періодомъ, на закатѣ стараго земства, то станетъ понятнымъ и настроеніе, среди котораго открылось, въ началѣ іюля 1891 го-

да, экстренное засѣданіе губернскаго земскаго собранія.

Уже наканунѣ появились совершенно опредѣленные слухи о какомъ-то (не существовавшемъ въ дѣйствительности) „циркулярѣ“, которымъ доживавшее послѣдніе дни старое земство будто бы рѣшительно устранялось отъ дѣла. Гласные, собиравшіеся въ колонную залу дворянскаго дома, обсуждали, въ смущенныхъ кучкахъ, вѣроятность этого „циркуляра“, и удивительно ли, что, при описанныхъ обстоятельствахъ, унизительные для земства толки встрѣчали болѣе или менѣе довѣрчивыхъ слушателей...

Съ давнихъ поръ, быть можетъ, даже съ самаго открытія земскихъ учрежденій, собраніе гласныхъ не вслушивалось съ такимъ глубокимъ, съ такимъ захватывающимъ вниманіемъ въ каждое слово губернаторской рѣчи при открытіи сессіи. Минута была изъ тѣхъ, въ которыхъ чувствуется драма, и воспоминаніе о первыхъ годахъ земства возникало невольно въ умѣ. Мнѣ навсегда врѣзалась въ память эта кучка черныхъ сюртуковъ, столпившихся вокругъ эффектной фигуры ген. Баранова, въ военномъ мундирѣ. Много ли здѣсь было людей, сохранившихъ въ чистотѣ земскія традиціи? Старыхъ земцевъ было не мало, но очень мало старыхъ традицій и прежней вѣры... Не однѣ уста, произносившія много лѣтъ пылкія рѣчи въ той же залѣ,—теперь раскрываются лишь для того, чтобы уничтожать плоды прежней работы и въ земскомъ собраніи подрывать

земскія начала... Но все же, я увѣренъ, даже и въ этихъ сердцахъ не могли не отозваться тупою болью самые толки объ отнятіи у учрежденія его законныхъ функцій наканунѣ общенародной бѣды...

И странно: въ рѣчи губернатора всѣ услышали подтвержденіе тревожныхъ слуховъ. Какъ это случилось, сказать трудно, но только и гласные, и публика на хорахъ, и представители мѣстной прессы— всѣ слышали, что губернаторъ сообщилъ объ образованіи, подъ его предсѣдательствомъ, особой коммиссіи „для помощи нуждающимся и для исходатайствованія у правительства необходимыхъ для этого средствъ", т. е. именно для того, что должно дѣлать земство... Такъ это было напечатано и въ газетѣ *).

До такой степени доходило это, какъ говорятъ французы,—mal entendu général,—видно изъ одной рѣчи, которую я цитирую здѣсь по газетному отчету. Когда былъ прочитанъ въ собраніи докладъ губ. управы, предлагавшей выработать мѣры борьбы съ послѣдствіями неурожая, то одинъ изъ членовъ той же управы, гласный Михайловъ, сказалъ, что послѣ рѣчи г. губернатора „для земскаго собранія какія бы то ни было мѣропріятія являются излишними, или, по крайней мѣрѣ, съ ними надо обождать до выясненія рѣшеній упомянутаго комитета. Г. Михай-

*) Нужно замѣтить, что тексты губернаторскихъ рѣчей всегда цензуруются съ особымъ вниманіемъ.

ловъ находилъ образованіе земской коммиссіи не нужнымъ, такъ какъ земство, очевидно, устраняется отъ принадлежащей ему роли“ *).

Эта рѣчь—члена управы и убѣжденнаго земца характеризуетъ настроеніе той минуты. Однако, изъ недоумѣлаго смятенія, водворившагося въ собраніи,—понемногу стали выдѣляться голоса, напоминавшіе, что на земствѣ лежатъ извѣстныя обязанности, возложенныя на него закономъ. А такъ какъ законы не отмѣняются рѣчами, то значитъ и земское собраніе не въ правѣ сложить съ себя существеннѣйшія изъ своихъ обязанностей на основаніи только губернаторской рѣчи. Мнѣніе это значительно прояснило положеніе, и хотя и тутъ голосъ Васильскаго уѣзда, въ лицѣ А. А. Демидова, пытался ограничить роль земства однимъ только „выясненіемъ степени нужды“, но стало всетаки очевидно, что собраніе принимаетъ свою задачу въ ея полномъ объемѣ.

Впослѣдствіи дѣло объяснилось въ томъ смыслѣ, что министерскій циркуляръ предлагаетъ для совмѣстнаго съ земствомъ труда по продовольствію образовать при губернаторѣ особое продовольственное совѣщаніе, которое, однако, не должно было, по смыслу циркуляра, умалять финансовую и хозяйственную компетенцію земства. Въ этомъ тѣсномъ смыслѣ былъ черезъ два дня исправленъ и напеча-

*) «Нижегор. Биржевой Листокъ», 4 іюля 1891 г. № 151.

танный ранѣе текстъ губернаторской рѣчи. Шутники говорили по этому поводу, что компетенція земства повисла на одной запятой и легко можетъ сорваться. Какъ бы то ни было, земство, съ своей стороны, рѣшило образовать коммиссію, въ помощь своей управѣ, въ которую постановлено пригласить и г-на губернатора... Итакъ, возникали параллельно двѣ коммиссіи. Въ виду этого комитетъ при губернаторѣ тотчасъ же закрылся и образовалась губернская земская продовольственная коммиссія (дѣйствовавшая съ іюля по октябрь мѣсяцы и имѣвшая за это время 7 засѣданій).

Затѣмъ въ ноябрѣ г. губернаторъ счелъ необходимымъ возобновить закрытое ранѣе „совѣщаніе", и съ ноября оно возникаетъ вновь подъ нѣсколько измѣненнымъ названіемъ. За то, въ декабрѣ, новое земское собраніе закрываетъ земскую коммиссію, и такимъ образомъ на аренѣ продовольственныхъ операцій остаются: съ одной стороны—губернская земская управа, съ ея законными правами, связанными съ законною отвѣтственностью, съ другой—новая коммиссія смѣшаннаго характера, съ неопредѣленнымъ и измѣнчивымъ составомъ, въ которомъ собственно земскій элементъ утопалъ совершенно.

Это и была Нижегородская губернская продовольственная коммиссія, получившая въ свое время громкую и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ довольно почетную извѣстность... Впрочемъ, во всѣхъ бумагахъ, приходившихъ изъ министерства,

она именовалась гораздо скромнѣе: „продовольственнымъ совѣщаніемъ при нижегородскомъ губернаторѣ“.

Уже эти оттѣнки въ названіяхъ указываютъ на нѣкоторую двойственность въ характерѣ учрежденія—двойственность, которая вызывала неопредѣленность и спутанность отношеній. Я не имѣю надежды исчерпать здѣсь любопытные матеріалы, которыми мы обязаны „просвѣщенной гласности“, допущенной во всѣ работы продовольственной коммиссіи. Тому, кто возьмется со временемъ за эту интересную работу, придется отмѣтить не мало хорошихъ страницъ, однако, несомнѣнно, что подъ этими цвѣтами и блескомъ скрывалась старая и давно упраздненная жизнью дореформенная сущность. Коренная ошибка легла въ основу учрежденія, и потому всѣ его дѣйствія отмѣчены печатью двойственности и колебаній между противоположными началами... Съ одной стороны—это было только совѣщаніе, безъ рѣшающаго исполнительнаго характера, съ другой—оно стремилось возродить компетенцію дореформенныхъ коммиссій продовольствія. Являясь какъ бы продолженіемъ земской коммиссіи и вмѣщая въ себѣ земскую управу, оно не разъ заявляло притязаніе на всю компетенцію земскихъ учрежденій. Въ то же время, само земство, закрывъ свою коммиссію, подчеркнуло этимъ актомъ, что оно оставляетъ всѣ права и всю отвѣтственность цѣликомъ на управѣ, которая въ коммиссіи всегда должна была

являться ничтожнымъ меньшинствомъ. Положеніе выходило въ краткихъ чертахъ такое: отвѣтственность ложилась на управу, состоявшую изъ 4-хъ человѣкъ. Распоряжаться моглибы нѣсколько десятковъ людей, случайныхъ и никакой отвѣтственностью не обремененныхъ. Очевидно, рѣшенія этого измѣнчиваго и зависимаго большинства обращались въ какую-то фикцію и совершенно отпадали, а въ полѣ дѣйствія оставались двѣ реальности: земская управа и глава мѣстной администраціи.

Обыкновенно принято думать, что эти столкновенія между земцами и администраціей имѣютъ чисто-опереточный характеръ, опредѣляемый тщеславіемъ, и не заслуживаютъ ничего, кромѣ ироніи... Въ данномъ случаѣ это было далеко не такъ: на очереди стояли вопросы огромной и самой осязательной, самой „практической" важности, и по одному изъ такихъ, именно, вопросовъ произошло разногласіе: земская управа рѣшила перенести центръ тяжести хлѣбныхъ закупокъ на дальніе рынки и для этого командировала своихъ агентовъ, преимущественно статистиковъ-агрономовъ, на югъ и на Кавказъ, а также завязала связи на мѣстахъ съ общественными и земскими учрежденіями. Управа справедливо опасалась обрушить всю тяжесть огромнаго спроса на мѣстные рынки, боясь страшнаго поднятія цѣнъ въ губерніи, а также отчасти опаса-

саясь очутиться во власти мѣстныхъ крупныхъ торговцевъ. При выполненіи своего плана управа разсчитывала на земскую взаимность, на строгій выборъ и извѣстный нравственный цензъ своихъ агентовъ и на содѣйствіе общественныхъ учрежденій на мѣстахъ закупокъ. Генералъ Барановъ являлся, наоборотъ, сторонникомъ веденія всего дѣла черезъ крупныя мѣстныя торговыя фирмы, а за генераломъ Барановымъ пассивно шло и большинство коммиссіи. Планъ управы считался теоретичнымъ, непрактическимъ и слишкомъ идеальнымъ. Предсказывались неумѣлость и ошибки со стороны „земскихъ агрономовъ“ (кличка до извѣстной степени ироническая), не искушенныхъ въ изворотахъ хлѣбной торговли. Но на мѣсто управской теоріи тотчасъ же выдвигалась тоже своя теорія, пожалуй, (да и навѣрное), гораздо болѣе утопическая и прямо опасная. Предполагалось какъ будто, что крупные хлѣбные торговцы—люди сплошь отмѣннаго самоотверженія и патріотизма. „Доблестные истинно русскіе люди“, сгорающіе однимъ только желаніемъ—доставить нуждающемуся населенію хлѣбъ какъ можно лучше и дешевле и отнюдь не помышляющіе объ увеличеніи своихъ барышей до возможныхъ предѣловъ. Полагаемъ, что эта утопія гораздо утопичнѣе земской. Такія вещи очень хороши въ застольныхъ рѣчахъ, но на нихъ никакъ нельзя строить обширныхъ торговыхъ предпріятій. Я не думаю отрицать, что между крупными торговцами,

о которыхъ идетъ рѣчь, есть почтенныя имена извѣстныхъ мѣстныхъ „жертвователей“ и филантроповъ. Но, во-первыхъ, далеко не всѣ и даже не очень много, а, во-вторыхъ, филантропія и торговое дѣло—двѣ вещи, которыя смѣшивать и неудобно, и опасно. Пожертвованія въ одной области возможны, именно, на барыши въ другой. Торговля держится барышомъ, а барышъ—спросомъ и предложеніемъ. „Умѣлости“ хлѣбныхъ торговцевъ отрицать невозможно. Но чтобы это профессіональное умѣнье обратилось исключительно на пользу покупщика-земства, когда послѣднее окажется въ полной зависимости отъ своихъ коммиссіонеровъ на ограниченномъ рынкѣ, съ огромнымъ спросомъ и небольшимъ предложеніемъ,—въ этомъ, конечно, позволительно было сомнѣваться. Крупныя земскія закупки тотчасъ-же подняли-бы, несомнѣнно, мѣстныя цѣны. А тогда, разумѣется, и цѣна привознаго хлѣба сообразовалась-бы съ мѣстной. Страшно подумать, до чего могло-бы дойти и въ какомъ положеніи очутилась-бы та часть населенія, которая не могла разсчитывать на ссуду.

На этой почвѣ въ средѣ губернской продовольственной коммиссіи возникла борьба, принимавшая одно время довольно острый характеръ. Земская управа твердо стояла на своемъ. Противники ея тоже добивались своей цѣли. Дѣло доходило до того, что земскія закупки объявлялись публично „сплошною фальсификаціей“, неизвѣстно кѣмъ произведен-

ной *),—обвиненіе, проникшее въ печать и присоединившееся тотчасъ же къ громкому хору, вопіявшему и глаголавшему противъ земства. Чрезвычайно интересно отмѣтить, кстати, что въ этомъ хорѣ очень замѣтны были на страницахъ газетъ извѣстнаго лагеря именно голоса хлѣбныхъ торговцевъ. Эти „доблестные русскіе люди“ явились судьями земской нравственности въ торговомъ дѣлѣ, и мнѣ кажется, что бѣдное подсудимое земство могло бы въ данномъ случаѣ воспользоваться несомнѣннымъ правомъ „отвода“. Какъ бы то ни было, однако, но старое земство можно поздравить: оно съ честью вышло изъ труднаго испытанія. Въ настоящее время у насъ общіе результаты операціи уже извѣстны. За исключеніемъ небольшого числа случаевъ, неизбѣжныхъ въ сложномъ и спѣшномъ дѣлѣ, въ особенности при условіяхъ тогдашняго хлѣбнаго рынка,—земскія закупки, выполненныя на основаніи „идеальныхъ теорій“,—оказались совершенно удовлетворительными и притомъ, въ общемъ, онѣ обошлись земству дешевле той части, которая произведена крупными торговцами-коммиссіонерами... Если же прибавить къ этому, что онѣ увеличили общее количество хлѣба въ губерніи и такимъ образомъ остановили дальнѣйшее повышеніе цѣнъ на мѣстныхъ рынкахъ, то становится несомнѣннымъ, что въ этомъ во-

*) См. Журналъ Нижегор. губ. продов. коммиссіи отъ 15 янв. 1892 г. Слова ген. Баранова: «но что-же мы видимъ? Однѣ поддѣлки, кѣмъ сдѣланныя—все равно!!»

просѣ „оппозиція“ губернской земской управы оказала всему краю огромную услугу.

Но это ясно теперь. А въ то время было далеко не такъ ясно, и управѣ, подавленной въ коммиссіи безформеннымъ и безотвѣтственнымъ большинствомъ, закиданной довольно-таки пристрастными заключеніями экспертной коммиссіи, порой въ обличительномъ усердіи доходившей до истинныхъ курьезовъ *)—пришлось апеллировать къ своимъ законнымъ правамъ, связаннымъ съ законной отвѣтственностью. Твердость, съ какой, наконецъ, была сдѣлана эта апелляція, разрѣшила и на этотъ разъ запутанное положеніе. Съ этихъ поръ коммиссія вводится въ свои настоящіе предѣлы, и дѣло идетъ нормальнымъ порядкомъ. Самая критика закупокъ со стороны „экспертовъ“ становится спокойнѣе и въ общемъ приноситъ свою долю пользы, какъ всякая критика: нѣсколько второстепенныхъ промаховъ земской управы исправлено, а за то общій характеръ ея дѣятельности, послѣ строгаго испытанія, выступаетъ съ полною ясностью: старое земство, въ лицѣ предсѣдателя А. В. Баженова, получило въ новой губернаторской рѣчи, открывавшей (въ 1893 г.)

*) Замѣтимъ кстати, что главнымъ дѣятелемъ въ этой коммиссіи явился докторъ Д. Ф. Рѣшетилло, который, какъ мы видѣли выше, нашелъ возможность украсить своею подписью два прямо противоположныя заключенія о санитарномъ состояніи села Саитовки.

первое засѣданіе уже реформированнаго земскаго собранія,—полное и блестящее удовлетвореніе *).

Этимъ короткимъ очеркомъ взаимныхъ отношеній губернскаго земства и администраціи въ продовольственномъ дѣлѣ я до нѣкоторой степени уплачиваю долгъ печати по отношенію къ органу нашего земства, надъ которымъ одно время тяготѣли тяжелыя и совершенно незаслуженныя обвиненія. Это не мѣшаетъ, однако, признать, что внѣ этого и нѣкоторыхъ еще „недоразумѣній“ продовольственная коммиссія, какъ совѣщаніе, оказала дѣлу значительныя услуги, и уже одна гласность продовольственнаго дѣла въ нижегородскомъ краѣ является чертой, заслуживающей подражанія.

Такимъ образомъ, въ губерніи законный хозяйственный органъ, въ концѣ концовъ, сохранилъ свою компетенцію, и губернская продовольственная коммиссія хотя и представила въ значительной мѣрѣ „пережитокъ“ дореформеннаго періода, но все же

*) См. «Волгарь», 1893, № 16. Указавъ на «длинный рядъ заслугъ» А. В. Баженова (въ томъ числѣ организацію статистич. бюро, «матеріалы котораго и безпримѣрная дѣятельность статистиковъ оказали неисчислимую пользу дѣлу борьбы съ невзгодой»), ген. Барановъ закончилъ пожеланіемъ, «чтобы будущіе выборы поставили у земскихъ дѣлъ такихъ же дѣятелей»... Этимъ, очевидно, ген. Барановъ бралъ назадъ свои страстныя и слишкомъ торопливыя обвиненія по адресу земства.

это былъ пережитокъ блестящій и такъ сказать „просвѣщенный“,—настолько блестящій и просвѣщенный, что нѣкоторые, не особенно проницательные люди разныхъ лагерей, приписывали ему не однажды характеръ либерализма. Одни говорили это въ похвалу, другіе -въ осужденіе, но намъ кажется, что и тѣ, и другіе были не правы въ самой квалификаціи ..

Не то было въ уѣздахъ, и здѣсь, по большей части, не было мѣста подобнымъ заблужденіямъ...

Быть можетъ, самой замѣтною чертой нашего времени слѣдуетъ признать пренебреженіе къ знанію и наукѣ, ко всякой теоріи и правильному обобщенію, ко всему, что только выдвигается изъ уровня такъ называемой „практики“, въ ея сыромъ и самомъ непосредственномъ видѣ. Просмотрите газеты извѣстнаго крайняго, нынѣ торжествующаго почему-то направленія, и вы будете удивлены обиліемъ практическихъ псевдонимовъ. Практическій человѣкъ и практическій хозяинъ, истинно-практическій человѣкъ и истинно-практическій хозяинъ, наконецъ, истинно-практическій и вдобавокъ еще русскій человѣкъ и таковой же хозяинъ!.. Таковъ этотъ своебразный лексиконъ, перемѣщающій центръ тяжести всей аргументаціи въ заключительную подпись. Сторонитесь передъ практическимъ человѣкомъ, потому что онъ свободенъ отъ европейскихъ теорій и пренебрегъ всѣ законы!—вотъ главный лозунгъ этого отряда, заполняющаго

прессу и выступающаго на завоеванiе современности. Большаго ругательства, какъ человѣкъ „теорiи или науки“, для нихъ не существуетъ, но при этомъ каждый изъ нихъ непремѣнно несетъ свою собственную теорiю, только эта теорiя „практичная“. Правда также, что эта практичная теорiя тотчасъ же и на тѣхъ же столбцахъ сталкивается неизбѣжно съ другою теорiей, уже истинно-практичной, и обѣ онѣ подвергаются натиску со стороны третьей,—истинно-практичной и русской, вооруженной всѣми эпитетами, которые должны ей доставить побѣду и одолѣнiе... Хаосъ получается, конечно, необычайный, но столичный читатель улыбается и проходитъ мимо. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это кажется такъ невинно: если эти забавные практики опровергаютъ другъ друга, то очевидно, что общее имъ всѣмъ притязанiе на немедленную ломку всего существующаго во имя ихъ собственныхъ теорiй—никоимъ образомъ не можетъ подлежать удовлетворенiю.

Но это вамъ только такъ кажется, читатель! А мы-то, провинцiалы, имѣемъ всѣхъ этихъ практичныхъ и истинно-практичныхъ господъ въ натурѣ, и то, что вамъ представляется забавной игрой въ доморощенныя теорiи,—мы воспринимаемъ in anima vili. „Въ моемъ уѣздѣ я дѣлаю то-то и такъ-то“,— вотъ въ какомъ видѣ является намъ эта истинно-практичная мудрость. Сведенныя даже на газетномъ столбцѣ, эти мудрости уже поѣдаются взаимно. Ну, а въ моемъ уѣздѣ, моя мудрость царитъ на всей

своей волѣ, и ничто не можетъ противостоять ея творческой силѣ, пока уѣздъ этотъ—мой и пока для меня законъ имѣетъ лишь силу просто какого-то чужого теоретическаго соображенія... Разумѣется, трудно требовать, чтобъ *я* отдалъ чужимъ теоретическимъ соображеніямъ (хотя-бы даже ясно выраженнымъ въ законѣ) предпочтительное вниманіе передъ своими.

Прекрасную иллюстрацію къ сказанному представляетъ, напримѣръ, тотъ же Васильскій уѣздъ, первый носитель продовольственной диктатуры. У Васильскаго уѣзда тоже есть свои „практики", а у этихъ практиковъ оказалась своя собственная, очень законченная и цѣльная „теорія" или даже вѣрнѣе—система. Васильскій предводитель дворянства, П. П. Зубовъ, какъ мы уже видѣли, распредѣлилъ первыя партіи отпущеннаго правительствомъ хлѣба. На нѣсколько дней онъ сталъ даже „знаменитостью голоднаго года". Это случилось послѣ того, какъ, по указанію изъ Нижняго, усадьбу г. Зубова посѣтилъ корреспондентъ „Новаго Времени", С. Ѳ. Шараповъ. Г. Шараповъ пробылъ у г. Зубова двое сутокъ, и затѣмъ, съ присущей ему экспансивностью, оповѣстилъ на всю Россію, что въ помѣщичьей усадьбѣ Васильскаго уѣзда онъ открылъ истинно-государственный умъ, „живое звено, связующее надъ Сурой Русь земскую съ Русью государственной". „Пустыхъ разговоровъ,—писалъ авторъ,—у насъ не было, ибо я, какъ пчела, тянулъ изъ него

одинъ медъ", т. е. это г. Шараповъ тянулъ изъ г. Зубова чистѣйшій медъ государственной мудрости, и его затрудняло одно: „какъ въ границахъ краткаго письма представить хоть блѣдные отрывки этого яркаго, дѣльнаго русскаго міровоззрѣнія" *). Опасеніе не напрасное, такъ какъ, дѣйствительно, на протяженіи всего не особенно даже короткаго письма, кромѣ затасканной идеи о замѣнѣ денежнаго продовольственнаго капитала „натуральными запасами"—ничего больше читатели не нашли. Тѣмъ не менѣе „дѣльное, яркое, истинно русское міровоззрѣніе" г. Зубова сказалось въ засѣданіяхъ продовольственной коммиссіи и съ достаточной полнотой напечатано въ ея протоколахъ.

Что-же несла съ собой эта знаменитая система?

Прежде всего, по части обсѣмененія полей она провозглашала замѣну остальныхъ хлѣбовъ—просомъ! Отчего мы обѣднѣли? На этотъ вопросъ еще не такъ давно древніе практически-мудрые старцы отвѣчали: оттого, что перестали считать деньги на ассигнаціи. Оно и понятно: денегъ тогда на счету было больше, а теперь стало менѣе. А въ чемъ же богатство, какъ не въ обиліи денегъ? Отчего у насъ неурожаи?—спрашиваетъ авторъ васильскаго проекта и отвѣчаетъ: оттого, что мы сѣемъ хлѣба, не дающіе большихъ урожаевъ. Просо же родится

*) «Нов. Вр.», 27 сент. 1891 г.

самъ 20, — „мы были бы давно богаты, если бы сѣяли одно просо!“

Этого мало. Мы видѣли уже, какъ нехитрая деревенская мудрость объясняла причину недавняго бѣдствія. Телеграфная проволока, винище, генеральное межеваніе... Но самое распространенное и самое „строгое“ объясненіе касается роскоши, будто бы нынѣ необычайно распространившейся, въ русскомъ народѣ.

— Твой дѣдъ ходилъ въ лаптяхъ?—спрашивалъ при мнѣ одинъ строгій человѣкъ у переминавшагося съ ноги на ногу мужика.

— Такъ точно.

— И хлѣбъ у него родился?..

— Это вѣрно. Прежде урожаи-то были не нонѣшнимъ чета...

— А на тебѣ сапоги?..

— Плохіе, ваше благородіе! Одна только слава, что сапоги...

— А, всетаки, сапоги есть, а хлѣба нѣтъ... Понимай теперь самъ!

— Какъ не понять!

Деревня, въ своемъ смущеніи, сама не прочь порой согласиться съ этимъ объясненіемъ. Дѣйствительно, прежде ходили въ лаптяхъ, и земля родила обильнѣе. Теперь — сапоги, ситцы — и неурожаи...

— Такъ неужто, братецъ ты мой, ежели теперича снять мнѣ сапогъ, земля станетъ родить боль-

ше? — недоумѣвалъ послѣ этого разговора нашъ простодушный собесѣдникъ.

Ему, конечно, можно простить, тѣмъ болѣе, что его недоумѣніе самоотверженно и безкорыстно: дѣло шло объ его собственной роскоши (и сапожишки-то, дѣйствительно, были совсѣмъ плохіе!).—Гораздо менѣе простительно, когда люди, сами щеголяющіе въ ботинкахъ, и говорятъ, и пишутъ, и дѣйствуютъ въ этомъ разувательномъ и обнажающемъ направленіи.

Такъ и васильская продовольственная коммиссія во главѣ съ П. П. Зубовымъ почувствовала себя оскорбленной зрѣлищемъ народной роскоши.

— У нихъ,—говорилъ васильскій предводитель дворянства, авторъ проекта,—есть сапоги со сборами, гармоніи, самовары...

Изъ этого слѣдовалъ выводъ:

— Пусть продаетъ сапоги, самовары, сарафаны и гармоніи, и только послѣ этой операціи васильская продовольственная коммиссія признаетъ его заслуживающимъ помощи *). Но и затѣмъ, такъ какъ онъ пьяница и лѣнтяй, то необходимо зорко смотрѣть, чтобы онъ не уклонялся отъ работы: хлѣбъ выдавать не иначе, какъ подъ особыя кви-

*) См. Журналъ Нижегор. губ. продов. коммссіи 24 ноября 1891 г., стр. 5 и 6. «Въ заключеніе г. Зубовъ сообщаетъ, что весь его проектъ основанъ на практическихъ хозяйственныхъ соображеніяхъ».

танціи землевладѣльцевъ-нанимателей. Всякое заявленіе о томъ, что онъ отказался отъ приглашенія на работу (объ условіяхъ этого приглашенія не говорилось,—предполагалось, что условія будутъ самыя великодушныя), должно лишить просителя всякой надежды на помощь.

Въ губернской коммиссіи эта своеобразная теорія потерпѣла жестокое пораженіе. О просѣ даже не спорили, и весь этотъ „просяной проектъ“ сдѣлался добычей газетныхъ фельетоновъ. Но затѣмъ: сколько можно выручить за сапоги и гармоніи,—не послужитъ ли это на пользу однимъ кулакамъ, которые, при любезномъ содѣйствіи уѣздной коммиссіи, скупятъ у мужика „лишнее имущество“ за безцѣнокъ? Наконецъ, что же это за теорія, стремящаяся во что бы то ни стало раздѣть и разуть?.. Не должна ли, наоборотъ, истинно-практическая и, притомъ, самая русская мудрость стремиться къ тому, чтобы русскій народъ не только сохранилъ свою обувь, но еще получилъ бы современемъ возможность одѣваться не хуже любого нѣмца? На всѣ эти вопросы представители Васильскаго уѣзда не дали сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта, и теорія осталась... для „своего“ только уѣзда. И, Боже мой, сколько, должно быть, проса насѣяно на васильскихъ нивахъ! А проповѣдь раздѣванія нашла свою благодарную почву на берегахъ Теши и Рудни, и въ Лукояновскомъ уѣздѣ облеклась въ зловѣщій терминъ: тамъ это

называлось впослѣдствіи: „вымаривать“ у мужика лишнее имущество (не исключая, конечно, и „лишней“ скотины)!..

Какъ же, однако, могло случиться, что система, потерпѣвшая фіаско въ губернской продовольственной коммиссіи, т. е. въ центрѣ, всетаки возымѣла силу и дѣйствіе на мѣстахъ? Это обстоятельство объясняется опять нѣкоторыми особенностями нашей продовольственной организаціи въ „голодномъ году“. Дѣло въ томъ, что уже вскорѣ послѣ возникновенія губернской коммиссіи подъ шумъ борьбы, которую мы описывали выше, въ уѣздахъ (кромѣ Нижегородскаго и Макарьевскаго) продовольственное дѣло совершенно ускользнуло изъ рукъ земства. Было бы чрезвычайно интересно прослѣдить причины этого явленія, но пока можно лишь констатировать фактъ: въ то время какъ губернское земство сохранило за собой существеннѣйшія продовольственныя функціи, уѣздныя управы почти всюду потонули въ составѣ уѣздныхъ коммиссій, сложившихся изъ подавляющаго большинства земскихъ начальниковъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства. Впослѣдствіи (уже въ 1894 году) ревизіонная коммиссія губернскаго земства констатировала, что въ отношеніи организаціи продовольственнаго дѣла на мѣстахъ,—губернія представляла картину чрезвычайно пеструю. Прежде всего,—„губернская продов. коммиссія отмѣняла нерѣдко постановленія уѣздныхъ земскихъ собраній, опредѣлявшихъ коли-

чество ссуды". Коммиссія присвоила себѣ даже право „разсматривать ходатайства земскихъ управъ о созывѣ экстренныхъ собраній и жалобы на дѣйствія губернской управы". Кромѣ Нижегородскаго и Макарьевскаго уѣздовъ,—гдѣ уѣздныя управы несли общее распоряженіе всѣмъ дѣломъ, — въ другихъ земскіе органы не участвовали вовсе въ распредѣленіи ссуды между сельскими обществами и отдѣльными домохозяевами. Остальные уѣзды распредѣлены между этими крайними предѣлами. Васильская уѣздная управа сосредоточила у себя бумажное дѣлопроизводство по продовольственному дѣлу, но за то отложилась отъ губернскаго земства и свои распоряженія согласовала только „съ указаніями г. губернатора, губернской и уѣздной продовольственныхъ коммисій". Лукояновская управа не участвовала въ дѣлѣ ни въ какой мѣрѣ, а лукояновская продовольственная коммиссія отложилась и отъ земства, и отъ губернской администраціи... Вообще же, въ большинствѣ случаевъ, земскія управы являлись лишь передаточными инстанціями. Онѣ получали отъ губернскаго земства хлѣбъ и деньги и тотчасъ же передавали ихъ въ продовольственную коммиссію, которая въ видѣ авансовъ раздавала ихъ гг. земскимъ начальникахъ. Все продовольственное дѣло на мѣстахъ, составленіе списковъ, опредѣленіе нужды и раздача, т. е. вся, самая, быть можетъ, существенная часть продовольственныхъ операцій лежала почти всецѣло на земскихъ начальникахъ.

Положеніе создалось довольно неожиданное, съ точки зрѣнія закона, и странное по существу. Земскія управы, отвѣтственныя и обязанныя по закону, были отстранены фактически. Тѣ, кто велъ дѣло, не были обязаны отвѣтственностью. Они могли во всякое данное время отказаться и „бросить" (что и случилось въ Лукояновскомъ уѣздѣ), наконецъ, что самое главное, какъ добровольцы, они не считали себя связанными никакою общею системою.

Шашки оказались смѣшанными радикально, и особенное затрудненіе наступило тогда, когда пришлось впослѣдствіи давать отчетъ въ израсходованіи правительственной ссуды. Отчетъ, разумѣется, требовался отъ земства. Губернская управа справилась со своей общей частью операціи легко, быстро и точно. Но когда дѣло дошло до отчета по уѣздамъ, т. е. до самой существенной части операціи, до ея существа,—то встрѣтились почти непреодолимыя затрудненія. Отчетъ опять требовался отъ земскихъ управъ, но многія управы въ дѣлѣ совсѣмъ не участвовали, а гг. земскіе начальники часто не считали себя обязанными никакой отчетностію, ссылаясь на то, что въ кругъ обязанностей, начертанныхъ въ уложеніи о ихъ службѣ,—составленіе отчетовъ для земства не значится. Дѣло тянулось такимъ образомъ около трехъ лѣтъ, и Записка ревизіонной коммиссіи XXX очередному губ. собранію изобилуетъ въ этомъ отношеніи необыкновенно характерными фактами. Такъ, по одному участку,

вмѣсто всякихъ документовъ, представлены черновыя книги, съ помарками карандашомъ и чернилами (и это—на десятки тысячъ!), а одинъ изъ гг. земскихъ начальниковъ, на требованіе оправдательныхъ росписокъ, отвѣтилъ обиженнымъ тономъ, что самое требованіе такого рода считаетъ для себя оскорбленіемъ *). Земское собраніе, въ концѣ концовъ, рѣшило признать этотъ странный отчетъ „законченнымъ". Признать его „утвержденнымъ" не рѣшились.

Одно время вопросъ о лучшей организаціи продовольственнаго дѣла, поставленный министерствомъ, горячо обсуждался въ провинціи не только въ оффиціальныхъ учрежденіяхъ, но и въ частныхъ кружкахъ. Въ томъ числѣ, конечно, и кардинальный вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ въ этомъ дѣлѣ администраціи и земства. Мнѣ пришлось присутствовать при одномъ изъ такихъ разговоровъ въ Лукояновскомъ уѣздѣ. На всѣхъ рѣшеніяхъ, высказываемыхъ собесѣдниками, лежала та печать нерѣшительности и колебаній, которая такъ характерна для нашего переходнаго времени, теряющаго твердыя и недавно еще общепризнанныя точки опоры. Все заподозрѣно и совершенно не на чемъ остановиться. Земство?.. Ну, мы теперь, знаемъ, что въ земствѣ не все свя-

*) См. Докладъ ревизіонной коммиссіи XXX очер. губ. земск. собранію.

тые, не одни только безкорыстные дѣятели, сгорающіе желаніемъ общаго блага". Такіе же люди! Администрація? Но, во-первыхъ, вѣдь это чисто-хозяйственныя функціи, а во-вторыхъ, вѣдь и въ полиціи, и въ присутствіяхъ, и въ губернскихъ канцеляріяхъ, и въ средѣ земскихъ начальниковъ—тоже люди, а не сплошь кандидаты въ святцы... Гдѣ же, выходъ?..

— Нѣтъ, не говорите мнѣ, всетаки, о земствѣ,— сказалъ молодой человѣкъ, пріѣзжій корреспондентъ большой столичной газеты. — Я недавно еще изъ N-ской губерніи, гдѣ, какъ извѣстно, существуетъ складъ земскаго хлѣба. Повѣрите ли: администраціей составлено было при мнѣ 75 протоколовъ о дурномъ качествѣ приходящихъ по желѣзной дорогѣ партій...

— Я знаю эту исторію, — вмѣшался другой.— Въ нынѣшнемъ году хлѣбъ вообще очень сорный, и протоколы эти означаютъ только, что хлѣбъ необходимо очистить, о чемъ предупреждали и земскіе агенты... Однако, если даже допустить наличность злоупотребленій...—не думаете ли вы, что ваши 75 протоколовъ говорятъ, именно, въ пользу оставленія этого дѣла въ рукахъ земства?

— Парадоксъ?

— Ни мало. Кто же, въ самомъ дѣлѣ, составилъ бы 75 протоколовъ, если бы хлѣбъ былъ закупленъ... той же администраціей?

Возраженій не послѣдовало. Въ самомъ дѣлѣ: мы

слышимъ теперь такъ много обличеній по адресу земства, что порой кажется, будто всѣ грѣхи русской жизни нашли себѣ мѣсто въ земскихъ управахъ. Ну, а всѣ добродѣтели и вся святость неужто пріютились въ канцеляріяхъ и присутственныхъ мѣстахъ? Этого никто не утверждаетъ; наоборотъ, наиболѣе сильныя обвиненія по адресу „бюрократіи" мы слышимъ изъ того же лагеря, который громитъ земство.

Итакъ, особаго сословія святыхъ ни въ нашемъ отечествѣ, да и нигдѣ на свѣтѣ, безъ сомнѣнія, не существуетъ, и если мы станемъ, всетаки, его розыскивать, то, кромѣ безпорядочныхъ прыжковъ отъ земскихъ закупокъ къ севастопольскимъ картоннымъ подошвамъ и дворянскому обмундированію ополченцевъ, не придемъ ни къ чему.

Мнѣ кажется, поэтому, что вмѣсто сравнительныхъ Изысканій о людской добродѣтели въ тѣхъ или другихъ сословіяхъ и учрежденіяхъ,—изысканій, не поддающихся количественному учету (ибо число газетныхъ обличеній часто указываетъ лишь на того кого въ данное время дозволяется обличать преимущественно передъ другими),—самый вопросъ нужно бы поставить иначе.

Нуженъ или не нуженъ въ продовольственномъ дѣлѣ мѣстный надзоръ, мелочной, повсемѣстный и широкій, отъ котораго не ускользнули бы подробности дѣла не только на бумагѣ, но и въ послѣднемъ селѣ или деревнѣ?

А такъ какъ онъ безспорно нуженъ, то кто его долженъ вести?

Несомнѣнно, что для этого необходимо два элемента: одинъ—подлежащій контролю, другой—контролирующій и въ дѣлѣ не заинтересованный прямо. Это ясно. Смѣшайте эти два элемента въ одно, и смѣшанное учрежденіе явится заинтересованнымъ, станетъ контролировать само себя, а тогда уже необходимо будетъ прибѣгнуть къ фиктивному предположенію о святости.

Наблюдая впослѣдствіи прихотливыя, неожиданныя формы, въ какія отливалась у насъ по временамъ продовольственная организація, я часто думалъ о томъ, какую пользу этому дѣлу могли бы принести тѣ же земскіе начальники, если бы они оставались въ роли, отводимой имъ закономъ. Это не лишало бы ихъ возможности помогать и своимъ совѣщательнымъ голосомъ, и „знаніемъ мѣстной жизни“ (гдѣ такое знаніе, дѣйствительно, было), но вмѣстѣ съ тѣмъ между получающимъ ссуду крестьяниномъ и выдающимъ ее земскимъ агентомъ стояло бы еще третье незаинтересованное лицо, ничего не получающее и ничего не выдающее. Тутъ даже легкій антагонизмъ, несомнѣнно проявляющійся по временамъ между двумя учрежденіями, пошелъ бы въ дѣло, и всякія неправильныя и корыстныя дѣйствія того или другого земца находили бы скорѣе даже придирчивую, а въ среднемъ, всетаки, очень полезную критику.

Теперь представьте себѣ того же земскаго начальника въ навязанной ему хозяйственно-исполнительной роли и допустите, что онъ грѣшникъ и стяжатель (возможно вѣдь и это!). Сколько у этого грѣшника средствъ подавить всякую жалобу въ самомъ зародышѣ, не говоря уже о томъ, что все сельское начальство находится отъ него въ полной зависимости. Любой старшина или староста не побоится сдѣлать заявленіе о злоупотребленіяхъ земскаго агента, члена управы, порой изъ тѣхъ же крестьянъ. А если грѣшникомъ окажется начальникъ, тогда, по мѣткому предсказанію Петра Великаго, „первѣе станетъ тщиться всю коллегію въ свой фарватеръ сводить... А видя то, подчиненные въ какой роспускъ впадутъ"...

Бывало, къ сожалѣнію, бывало въ „голодный годъ" и это*).

---

*) По Лукояновскому уѣзду г. Обтяжновъ оффиціально сообщалъ, напр. (отъ 8 мая 1892 г., за № 63), что въ участкѣ г-на Желѣзнова низшія власти берутъ съ крестьянъ, коимъ выдаются ссуды,—«незаконные поборы за хлопоты по ссудамъ», въ томъ числѣ даже «за размѣнъ денегъ (!), съ 11 обществъ явно незаконно вычтено 72 р. 45½ коп.». А такъ какъ «жалобы по этому поводу всегда имѣютъ послѣдствіемъ арестъ г. Земскимъ Начальникомъ самихъ жалобщиковъ, то по ихъ мнѣнію, смѣлость должностныхъ лицъ въ дѣлѣ притязаній не имѣетъ границъ».

IX.

Засѣданіе уѣздной коммиссіи.—Еще о спокойствіи уѣзда.

„Предсѣдатель, лукояновскій уѣздный предводитель дворянства М. А. Философовъ, гг. земскіе начальники: А. Л. Пушкинъ, А. А. Струговщиковъ, А. Г. Желѣзновъ, С. Н. Бестужевъ, С. Н. Ахматовъ, Н. Ѳ. Костинъ. Предсѣдатель уѣздной земской управы А. В. Приклонскій. Члены управы Валовъ и Красовъ“...

Такъ опредѣлялся составъ уѣздной коммиссіи. „Члены управы Валовъ и Красовъ“ — помѣщались неизмѣнно въ самомъ концѣ „списка присутствовавшихъ“ и, притомъ, безъ имени, безъ отчества и, какъ говорили,—безъ стульевъ. Эта краснорѣчивая лаконичность очень ярко опредѣляла ту роль, которую уѣздное лукояновское земство играло въ уѣздной лукояновской продовольственной коммиссіи... „Члены управы Валовъ и Красовъ“, надо думать, сознавали эту роль не менѣе ясно, чѣмъ остальные лукояновскіе обыватели, остроумію которыхъ это обстоятельство давало немалую пищу. Что-же касается до предсѣдателя А. В. Приклонскаго, то онъ именовался, какъ и остальные члены, съ имярекомъ... Но это отнюдь не должно быть отнесено на земскій счетъ, такъ какъ уже сказано выше, что предсѣдатель лукояновскаго земства, принимая эту

должность, желалъ этимъ лишь полнѣе выразить свое презрѣніе къ самому учрежденію.

Въ протоколѣ засѣданія 7 марта однообразіе этого списка нарушается. Члены управы Валовъ и Красовъ еще задолго передъ этимъ прекратили свои посѣщенія... За то среди обычныхъ фамилій любопытный изслѣдователь найдетъ въ протоколѣ имена пріѣзжихъ: К. Гр. Рутницкаго, подполковника, командированнаго Особымъ Комитетомъ, исправника В. А. Апрянина, замѣстителя г. Рубинскаго, и, наконецъ, членовъ губернскаго благотворительнаго комитета А. И. Гучкова—и вашего покорнаго слуги...

Когда мы явились въ „конспиративную квартиру",—засѣданіе уже было открыто. К. Гр. Рутницкій, объѣхавшій уѣзды съ цѣлію ознакомиться на мѣстѣ съ распредѣленіемъ хлѣба, отпущеннаго изъ Особаго Комитета, — выражалъ свое несогласіе съ системой, принятой въ участкѣ г-на Пушкина, гдѣ земская ссуда въ 20 фунтовъ оказалась для сиротъ и келейницъ замѣненной 15-фунтовыми пайками отъ Комитета. Такимъ образомъ, эта замѣна въ значительной степени сокращала и безъ того скудное питаніе самой жалкой и неимущей части населенія,—что, конечно, отнюдь не входило въ разсчеты Комитета...

Затѣмъ, выступили вопросы о спокойствіи уѣзда. Прежде всего, мы узнали, что еще недавно одинъ изъ лукояновскихъ земскихъ начальниковъ г. Бобоѣдовъ—„скрылся" изъ лукояновскихъ предѣ-

ловъ, оставивъ свой участокъ. Къ сожалѣнію, это была совершенная правда. Г. Removed Бобоѣдовъ держался системы кормленія; онъ полагалъ, что 5, 7, даже 15 фунтовъ въ мѣсяцъ далеко недостаточно при полномъ неурожаѣ; кромѣ того, онъ находилъ, что необходимо стремиться удержать по возможности населеніе отъ продажи скота. Все это повело къ тому, что первый участокъ (г. Бобоѣдова) издержалъ въ нѣсколько разъ больше хлѣба, чѣмъ остальные, нарушая, такимъ образомъ, общую гармонію. А этого допускать было невозможно. Оставить г-на Бобоѣдова съ его системой въ предѣлахъ участка,—но тогда въ мужикѣ появится ропотъ на „неравномѣрность“. Коммиссія, во имя спокойствія уѣзда, предпочитала однообразіе даже и въ ропотѣ: пусть лучше всѣ жалуются на то, что всѣ одинаково голодны... Правда, и тогда „спокойствію уѣзда“ угрожала близость сергачской „границы“, въ особенности участка г-на Ермолова, гдѣ за какимъ-нибудь ручейкомъ или мостикомъ населеніе получало вдвое и втрое больше, и „спокойствіе“ обезпечивалось кормленіемъ. Правда также, что отъ этой границы такъ и рѣяли въ лукояновскіе предѣлы „превратные толки“, и лукояновскія деревни обсуждали на разные лады это горестное для нихъ различіе... Но всетаки это было „за границей“ и нельзя было допускать эту „политику“ въ нѣдра самаго уѣзда. Поэтому, противъ г. Бобоѣдова началась бумажная война. Усматривая, напримѣръ, что г. Бобоѣдовъ

выдаетъ ссуду сельскимъ властямъ, старостамъ, а также многимъ мельникамъ,—коммиссія дѣлаетъ ему запросъ по этому предмету. Г. Бобоѣдовъ отвѣчаетъ, что сельскія власти, съ жалованіемъ порой въ 10—15 р. въ годъ, — не получаютъ, за прекращеніемъ мірскихъ платежей, и этихъ денегъ, а мельницамъ нечего молоть въ голодный годъ. Коммиссія послѣ двухнедѣльной паузы требуетъ особаго по этому предмету представленія. Г. Бобоѣдовъ составляетъ общій списокъ и представляетъ его съ указанной общей мотивировкой и съ изложеніемъ имущественнаго и семейнаго положенія всѣхъ этихъ должностныхъ несчастливцевъ и злополучныхъ „заводчиковъ". Коммиссія возвращаетъ общій списокъ (послѣ двухъ недѣль), требуя, чтобы г. Бобоѣдовъ разбилъ эту одну бумагу на сотню отдѣльныхъ представленій, особо для каждаго (опять съ паузами на двѣ недѣли). Разумѣется, для такой переписки нужна была бы цѣлая канцелярія. Г. Бобоѣдовъ увидѣлъ себя вынужденнымъ отказать сразу цѣлому контингенту лицъ, прежде получавшихъ ссуду. Это, понятно, вызвало ропотъ противъ распоряженія, которое населеніе приписывало инициативѣ самого земскаго начальника... Его стали осаждать толпы голоднаго и роптавшаго народа. Что оставалось сдѣлать г. Бобоѣдову? Разумѣется, указать на высшую инстанцію.—„Я исполняю предписаніе продовольственной коммиссіи. Просите теперь у нея". И толпы, осаждавшія г. Бобоѣдова, понесли свои слезы и свой

ропотъ въ коммиссію. Тогда... коммиссіи угодно было поднять вопросъ о „спокойствіи“... Оказалось, что г. Бобоѣдовъ „возбуждаетъ народъ противъ лицъ, завѣдующихъ“ и т. д.,—что мы уже видѣли въ вопросѣ о столовыхъ, и чему лукояновская „продовольственная коммиссія явно стремилась придать нѣкоторый зловредный „политическій“ оттѣнокъ.

Прибавьте къ этому тысячи мелочныхъ, назойливыхъ, какъ комары, и, какъ комары, непобѣдимыхъ непріятностей, которыми одинъ человѣкъ, не попадающій въ тонъ, преслѣдуется ежедневно и ежечасно плотно спѣвшейся партіей уѣздныхъ политикановъ, и вы поймете, почему въ одинъ прекрасный день губернія была удивлена телеграммой о томъ, что земскій начальникъ 1 участка скрылся и находится невѣдомо гдѣ... Оказалось, однако, что бѣглецъ явился въ губернію и привезъ цѣлый ворохъ бумажныхъ стрѣлъ, которыя вынудили его къ побѣгу. Губернская власть, озадаченная вначалѣ, не могла не сочувствовать положенію единственнаго приверженца собственной системы въ уѣздѣ, и г. Бобоѣдовъ получилъ новое назначеніе—предсѣдателемъ продовольственной коммиссіи въ Сергачскомъ уѣздѣ. Тамъ—кормили, и политика г. Бобоѣдова была тамъ ко двору...

Далѣе то же спокойствіе уѣзда играло роль въ слѣдующемъ небольшомъ, но очень характерномъ эпизодѣ. Семеро крестьянъ Учуевскаго майдана, лишенныхъ ссуды мѣстными властями,—почтительно

представляли на усмотрѣніе губернской коммиссіи свое печальное положеніе и просили высшую инстанцію объ отмѣнѣ распоряженія земскаго начальника (г. Желѣзнова) и о выдачѣ ссуды. Прошеніе было представлено отъ имени и по довѣрію семерыхъ просителей нѣкоторымъ Егоромъ Кандинымъ, а за всѣхъ по безграмотству росписался NN... Губернская коммиссія посмотрѣла на этотъ случай просто и отослала злополучное прошеніе на усмотрѣніе уѣздной коммиссіи, которой оставалось только провѣрить правильность просьбы по существу и затѣмъ поставить ту или другую резолюцію. Къ сожалѣнію, вмѣсто вопроса о хлѣбѣ насущномъ, въ этомъ случаѣ вновь выступилъ вопросъ „политическій“ — о пресловутомъ спокойствіи. Просьба была отожествлена съ жалобой, жалоба (хотя бы и въ законной формѣ)—съ преступленіемъ. Поэтому учуевская слезница была переведена г. земскому начальнику для дознанія, и мы съ великимъ, признаюсь, удивленіемъ, услышали въ описываемомъ засѣданіи результаты этого своеобразнаго изслѣдованія. Результаты эти предстали въ видѣ „акта“, начинавшагося словами: „мы нижеподписавшіеся“, и кончающагося замѣчательной фразой: „а болѣе въ свое оправданіе сказать не имѣемъ!“ *).

Въ чемъ же это обвинялись, въ чемъ признавались и оправдывались просители изъ Учуевскаго

*) См. протоколы Губ. продов. коммиссіи, засѣд. 27 марта.

майдана?.. Въ „дознаніи“ говорилось, что нижеподписавшіеся, хотя и дѣйствительно крайне нуждаются въ ссудѣ, которой не получаютъ, хотя и дѣйствительно желаютъ ее получать, хотя и дѣйствительно говорили о томъ между собою, —но въ жалобѣ въ губернскую коммиссію неповинны, и ту жалобу Егоръ Кандинъ подалъ отъ ихъ имени самовольно... И болѣе сказать въ свое оправданіе не имѣютъ...

— А Егоръ Кандинъ? — спросилъ кто-то, замѣтивъ, что подписи самого Кандина на актѣ не было.

— Упорствуетъ... — мрачно, кратко и какъ-то вскользь сказалъ г-нъ Желѣзновъ, и въ этомъ словѣ мнѣ представилась цѣлая недосказанная драма. Бѣдный Егоръ Кандинъ! — подумалъ я, невольно вздыхая.

— А ужъ хотѣлось мнѣ достать этого писаку. который стряпалъ имъ просьбу,—прибавилъ г-нъ Желѣзновъ чрезвычайно выразительно.

— Ну, и что же? — спросили у него другіе съ видимымъ интересомъ, и нѣсколько головъ живо повернулись.

— Пензенскій, каналья! Убрался въ свою губернію...

Я, опять невольно, вздохнулъ на этотъ разъ съ облегченіемъ. На нѣкоторыхъ лицахъ выразилось разочарованіе.

— А что же рѣшено по существу, — хотѣлось

мнѣ спросить,—что же сдѣлано по предмету ссуды?.. Нужна она или не нужна?.. Каково дѣйствительное положеніе этихъ преступниковъ, бунтующихъ законными прошеніями и приносящихъ въ этомъ свои оправданія?..

Но я не спросилъ ничего и поступилъ, какъ оказалось, очень благоразумно... *).

Затѣмъ былъ „позванъ“ врачъ г. Маріенгофъ, который ознакомилъ насъ съ санитарнымъ состояніемъ уѣзда. Для врача Маріенгофа не было мѣста за столомъ, не было и стула, поэтому врачъ Маріенгофъ стоялъ у порога въ почтительной позѣ и въ самомъ неудобномъ положеніи, потому что съ огромнѣйшей вѣдомостью въ рукахъ... Тѣмъ не менѣе и не смотря на эти маленькія личныя неудобства, санитарное состояніе уѣзда изображено было въ его докладѣ самыми оптимистическими чертами. Тифа не было „почти вовсе“. Остальныя болѣзни держали себя очень смиренно. Вообще, по какому-то странному вліянію несомнѣннаго неурожая,—„санитарное состояніе уѣзда въ этомъ году улучшилось противъ прежнихъ лѣтъ“.

Предсѣдатель одобрительно кивнулъ г. Маріенгофу головой, и г. Маріенгофъ ушелъ со своей шур-

*) Въ дополненіе, а отчасти въ объясненіе, описаннаго здѣсь эпизода слѣдуетъ припомнить примѣчаніе въ концѣ главы VIII. Въ томъ же оффиціальномъ документѣ упоминается о незаконныхъ арестахъ нѣкоего Якушкина за жалобу на злоупотребленія сельскихъ властей.

шащей вѣдомостію. Мы уже видѣли, какими цифрами товарищъ и единомышленникъ г. Маріенгофа, г. Эрбштейнъ, иллюстрировалъ „санитарное улучшеніе"—и потому не станемъ останавливаться на этомъ эпизодѣ, тѣмъ болѣе, что непосредственно за этимъ послѣдовали эпизоды гораздо болѣе драматичные.

Началъ говорить г. Философовъ.

Смыслъ его рѣчи, очень возбужденной (и чрезвычайно несдержанной—надо прибавить),—состоялъ въ томъ, что уѣзду не грозятъ ни голодъ, ни болѣзни. Но „спокойствіе уѣзда"—въ положительной опасности и именно вслѣдствіе распоряженій изъ губерніи. По мнѣнію г. Филисофова, надо быть... (опускаю одинъ очень сильный эпитетъ), чтобы дѣйствовать такимъ образомъ. Удаленіе „цѣлой корпораціи полицейскихъ чиновниковъ"—произвело волненіе умовъ. На базарахъ открыто толкуютъ, что вслѣдъ за этимъ послѣдуютъ и другія перемѣны въ составѣ уѣздныхъ чиновниковъ и даже... что самъ г. Философовъ вынужденъ будетъ удалиться...

Легкій ропотъ въ собраніи отмѣчаетъ эту ужасную перспективу... Г. Желѣзновъ, сидящій по правую руку,—что-то тихо возражаетъ.

— Но вѣдь вы мнѣ все это говорили, а?—съ недоумѣніемъ и досадой обрываетъ его предсѣдатель и затѣмъ продолжаетъ, что, вмѣсто удаленной „корпораціи" — присланы люди, „во что бы то ни стало розыскивающіе голодъ и болѣзни"...

Сидѣвшій около меня новый исправникъ, отставной кавалеристъ, повидимому, не служившій ранѣе въ полиціи и первый еще разъ попавшій въ самое пекло уѣздной политики новѣйшаго времени, какъ-то возбужденно задвигался на стулѣ. Мы, посланцы губернскаго комитета и до извѣстной степени гости уѣздной коммиссіи, еще ничѣмъ не нарушившіе нейтралитета,—оглядываемся другъ на друга не безъ нѣкотораго горькаго недоумѣнія... Но тактичный предсѣдатель уже прослѣдовалъ дальше...

Удаленіе „корпораціи" (выраженіе показалось мнѣ замѣчательно удачнымъ!)—и притомъ въ такое тревожное время—расшатало въ уѣздѣ власть въ такой степени, что „за послѣдствія ручаться невозможно". Въ виду этого, г. Философовъ слагаетъ съ себя, вмѣстѣ съ званіемъ предсѣдателя коммиссіи, всякую отвѣтственность за имѣющія произойти въ близкомъ будущемъ мрачныя событія. Онъ отказывается отъ предсѣдательства, но не отъ прежней своей должности. Онъ еще будетъ „бороться" въ надеждѣ возстановить пошатнувшееся спокойствіе уѣзда.

Не знаю, удивится ли читатель, если я скажу, что совершенно ясное и неприкрытое заключеніе этой рѣчи состояло въ слѣдующемъ силлогизмѣ: удаленіе исправника въ тревожное время угрожаетъ спокойствію уѣзда, ослабляя авторитетъ власти. Авторитетъ этотъ можетъ быть возстановленъ лишь посредствомъ... удаленія губернатора, на что еще остается

нѣкоторая надежда. А тогда: вернуть „корпорацію" въ одномъ не кормящемъ уѣздѣ и объявить войну всѣмъ уѣздамъ кормящимъ... Вотъ что, повидимому, рисовалось въ туманѣ будущаго какъ недосказанныя desiderata своеобразной лукояновской программы... То обстоятельство, что перемѣны въ губернской администраціи „въ такое тревожное время", быть можетъ, еще болѣе неудобны, чѣмъ удаленіе уѣздной корпораціи,—повидимому, ни въ какой мѣрѣ не входило въ эти уѣздно-политическія соображенія...

Да, это была настоящая уѣздная драма. Казалось, мрачное будущее со всѣми ужасами уѣздной анархіи стоитъ уже у порога конспиративной квартиры и кидаетъ въ эту комнату свою тѣнь... И все это, въ послѣднемъ выводѣ,—явилось бы результатомъ трехсотъ тысячъ пудовъ хлѣба, который, какъ порохъ, грозилъ взрывомъ страстей, а столовыя—представлялись чѣмъ-то вродѣ политическихъ клубовъ. Нужно ли, однако, успокаивать встревоженное воображеніе читателей напоминаніемъ, что всѣ эти ужасы уже назади, уѣздъ остался спокоенъ, не смотря на то что самыя мрачныя предсказанія базарной молвы исполнились съ буквальною точностію. За „корпораціей" уѣздной полиціи послѣдовали другія отставки,—и спокойствіе нигдѣ не нарушено. Г. Философовъ тоже, и притомъ окончательно, удалился въ лоно частной жизни,—у ѣ з д ъ не шелохнулся. Мало этого: ссуда была увеличена, полъ-уѣзда покрылась сѣтью столовыхъ,—и нигдѣ не обнаружилось

никакихъ переворотовъ. „Спокойствіе уѣзда“ рѣшительно обмануло ожиданія уѣздной политики..

А было ли бы все такъ же спокойно, если бы лукояновская система продолжалась до конца,—теперь это такъ и останется уже вопросомъ?

Г. Философовъ торжественно всталъ, и его мѣсто занялъ г. Пушкинъ. Но вскорѣ собраніе деморализовалось, объявленъ былъ перерывъ, и мы вышли въ другую комнату.

— Смотрите,—толкнулъ меня локтемъ одинъ изъ моихъ „сотоварищей по несчастію“, указывая головой на дальнюю комнату.

Тамъ, среди табачнаго дыма, пронизаннаго смутнымъ мерцаніемъ стеариновыхъ свѣчей,—я увидѣлъ три или четыре фигуры, съ самымъ таинственнымъ видомъ склонившіяся головами другъ къ другу и, повидимому, обсуждавшія что-то съ нарочито таинственнымъ видомъ.

— Вотъ оно гдѣ,—настоящее-то засѣданіе начинается,—сказалъ мой собесѣдникъ, лучше меня знакомый съ обычными пріемами оффиціальныхъ засѣданій „конспиративной“ квартиры.

И онъ не ошибся. Все, что мы видѣли до сихъ поръ, было только впередъ разсчитаннымъ эффектомъ уѣзднаго протеста. „Настоящее“ готовилось въ этомъ таинственномъ совѣщаніи, и черезъ нѣсколько дней мы узнали, что противъ насъ, противъ всѣхъ вообще представителей губернской политики, еще даже ничѣмъ себя не заявившихъ,—была пущена самая яз-

вительная „меморія". Тутъ-то составлено знаменитое постановленіе противъ печати, „пользующейся оффиціальными данными", тутъ же задумано и сообщеніе о „неблагонамѣренныхъ и даже поднадзорныхъ лицахъ", подъ видомъ столовыхъ, простирающихъ адскія посягательства на „спокойствіе уѣзда"... Всѣ эти признаки,—появившись въ необычайной для нихъ атмосферѣ гласности, въ губернскомъ комитетѣ, имѣли, надо сказать правду,—очень жалкій видъ. Я долженъ, однако, прибавить, что къ этому столь категорическому заявленію о неблагонамѣренныхъ, сѣющихъ смуту,—сдѣлана небольшая приписка, которою исключался полковникъ Рутницкій, защищенный своимъ мундиромъ... Эта приписка усугубляла за то значеніе и роль всѣхъ остальныхъ пріѣзжихъ, уже безъ всякаго исключенія...

А пріѣзжихъ было такъ много... Удивительно, что и послѣ этого уѣздъ остался всетаки спокоенъ.

Мы ушли, а конспиративная квартира все еще до глубокой ночи свѣтила огнями изъ запотѣвшихъ оконъ на темную улицу и пустую площадь заинтересованнаго города. Вѣсть объ отказѣ г. Философова обсуждалась въ уѣздныхъ сферахъ, интересующихся политикой, а остальная жизнь шла своимъ обычнымъ нерадостнымъ чередомъ, не зная, а только смутно воспринимая результаты этой уѣздной политики...

И было такъ странно порой, послѣ описанныхъ

бурь, натыкаться на эти непосредственныя проявленія отдаленныхъ вліяній...

Вскорѣ послѣ описаннаго засѣданія, и даже, помнится, на слѣдующій день,—я возвращался съ А. И. Гучковымъ отъ одного изъ новыхъ знакомыхъ. Спускался вечеръ, сырой и мглистый. Обширная площадь была пуста, на ней виднѣлись только сугробы рыхлаго уже и мокраго весенняго снѣга, а среди сугробовъ двѣ неясно видныя женскія фигуры вели негромкую бесѣду. Когда мы проходили мимо,—голосъ одной изъ говорившихъ поразилъ меня какой-то особенной нотой (словъ я не слышалъ). Женщина говорила что-то нараспѣвъ и длиннымъ рукавомъ суконнаго кафтана утирала слезы. Увидѣвъ насъ, женщины быстро попрощались, и одна, плакавшая, пошла торопливою походкой впереди насъ по мосткамъ...

— О чемъ ты плакала?—сказалъ я, догоняя ее. Она ускорила шаги. Мнѣ было совѣстно добиваться отвѣта, но что-то въ ея голосѣ поразило меня такой щемящей нотой, что я чувствовалъ потребность вмѣшаться, узнать, въ чемъ дѣло, быть можетъ, помочь. Вѣдь я для этого пріѣхалъ.

При повторенномъ вопросѣ женщина, съ видимой неохотой, замедлила шагъ. Она продолжала плакать.

— Дѣвочка изъ дому согнала,—сказала она, видимо дѣлая усиліе и опять утирая рукавомъ слезы...—Ступай, говоритъ, мама, добейся хлѣбца... До-

бейся, говоритъ... А я откуль добьюсь... Вотъ у Чиркуновыхъ подали кусочекъ, только и добилась. Мужикъ ходилъ, ходилъ, ничего не принесъ.

— Неужто ничего не подали въ городѣ?

— Да, вишь, ссуду мы получаемъ...

Понемногу я понялъ. Семья состоитъ изъ троихъ. Старикъ—плохой и убогій, не старая, но тоже довольно „плохая" жена и маленькая дѣвочка, которая на этотъ разъ „согнала ее съ квартиры". Эта нищая семья осчастливлена ссудой въ 28 фунтовъ. Этого хватаетъ на недѣлю или на двѣ, въ остальное время приходится всетаки побираться.

— Мы то бы ужъ какъ бы нибудь...—говоритъ женщина...—Говоритъ она какъ-то странно, какъ будто не может уже удержаться, но вмѣстѣ прибавляетъ шагу и идетъ такъ быстро, что намъ трудно поспѣвать за нею...

— По два дня и то не ѣвши... Да, вишь, дѣвочка-то гонитъ. „Добейся, а ты, мама, добейся"...

Она идетъ все также быстро и плачетъ.

— Этто чего надумала. „Зарой, говоритъ, меня, мама, въ земельку". Господи!—Что ты, я говорю, милая моя, нѣшто живыхъ-те въ земельку зарываютъ?.. „А ты меня зарой, говоритъ..." И то... Кабы такая вѣра: легла бы и съ дѣвочкой въ землю-те, право, легла бы...

Я невольно вспомнилъ свою „дѣвочку по четвертому году", и безотчетный ужасъ сжалъ мое сердце. Мы оба, съ какой-то невольной торопли-

востью, отдаемъ ей всю нашу мелочь; набирается много, во всякомъ случаѣ неожиданно много для нея. Но она все также плачетъ, слезы текутъ у нея неудержимо и все сильнѣе, и я боюсь, что это перейдетъ въ какой-то необычайный взрывъ заразительной жалости и смертной тоски. Я понимаю теперь, почему она такъ говорила, такъ плакала, такъ торопилась уйти отъ насъ, такъ неохотно отвѣчала на вопросы. Она уходила отъ этого своего разсказа о ребенкѣ, который проситъ, чтобы его зарыли въ земельку... И, право, не знаю, рѣшился-ли бы я завѣдомо вызвать ее на этотъ разсказъ...

Эта была профессіональная нищенка, и я знаю, сколько самыхъ неопровержимыхъ соображеній можетъ вызвать разсказанный мною эпизодъ. Я знаю, что этой семьѣ помочь трудно и что такихъ семей тысячи. Знаю также, что этой дѣвочкѣ лучше бы вовсе не являться на свѣтъ отъ „плохихъ“ родителей-нищихъ. Но всетаки читель можетъ быть согласится, что этого разсказа Сироткина не изобрѣла „для господъ“, и значитъ... дѣвочка по четвертому году сама надумала эту страшную мысль...

И сколько такихъ мыслей роилось въ дѣтскихъ головахъ, принимая только другія формы, но скрывая ту же смертную тоску, которая свила свои гнѣзда въ дѣтскихъ сердцахъ...

Вотъ что, между прочимъ, называется голодомъ въ нашемъ XIX столѣтіи...

X.

Открытіе первыхъ столовыхъ.—Система въ 1-мъ участкѣ, и почему я не открылъ столовой въ Василевомъ-Майданѣ.

11 марта, въ 12 часовъ, мы открыли нашу первую столовую въ Елфимовомъ-Майданѣ. При выборѣ хозяевъ, какъ оказалось, очень удачномъ, старики руководились, между прочимъ, тѣмъ соображеніемъ, что у старухи—вдовы писаря—живетъ ея сынъ „студентъ". Ироническая кличка дана молодому крестьянину, въ которомъ односельцы замѣтили особыя стремленія. Натура талантливая, неудовлетворенная, чего-то ищущая и глохнущая въ деревенской обстановкѣ. Переходя отъ ремесла къ ремеслу, онъ изучилъ ихъ немало, но ни на одномъ не остановился окончательно и живетъ въ беззаботной бѣдности, диллетантомъ-печникомъ. Онъ любитъ читать, въ разговорѣ употребляетъ непонятныя слова и, имѣя смутныя стремленія къ интеллектуальности, тяготѣетъ, понятно, къ церкви, какъ, вообще, пробуждающаяся сельская интеллигенція. Односельцы, какъ видно, смотрятъ на него слегка насмѣшливо; и, однако, лишь только встрѣтилось новое дѣло,—небывалый еще въ селѣ примѣръ безплатнаго кормленія,—мысли ихъ тотчасъ же обратились къ „студенту". Чего лучше: и списокъ прочтетъ, и продуктъ запишетъ, и хлѣбъ развѣситъ, и порядокъ заведетъ.

Дѣйствительно, „студентъ“ приготовилъ все, какъ слѣдуетъ. Въ избѣ, очень тѣсной, но чистой, мы увидѣли на стѣнѣ два листа бумаги. На одномъ были выписаны четкимъ почеркомъ распредѣленіе и количество отпускаемыхъ продуктовъ, на другомъ—имена и фамиліи обѣдающихъ.

Отслужили молебенъ, „студентъ“ сдѣлалъ перекличку. То, что я увидѣлъ, теперь уже меня не удивило: убогіе, увѣчные, старики и дѣти толпились у столовъ (двѣ кадки съ положенными на нихъ досками, между прочимъ), и было сразу замѣтно, что 40 человѣкъ—это слишкомъ мало для села. Только что начали обѣдать, какъ я услышалъ, что за столомъ оказался кто-то лишній...

— Не по закону ѣстъ кто-то,—заявилъ „студентъ“.—Хлѣба не хватило...

— Ѳеська не по закону ѣстъ.

— Ѳесь, не по закону ты ѣшь, слышь,—заговорили уже кругомъ, толкая подъ локоть дѣвочку лѣтъ 13—14, которая, однако, не обращала на эти протесты ни малѣйшаго вниманія. Я подошелъ со стороны и взглянулъ ей въ лицо. Лицо у нея было совершенно серьезно, даже, пожалуй, равнодушно. Казалось, для нея не существовало кругомъ ничего, кромѣ хлѣба, который она держала въ рукѣ, и чашки, стоявшей на столѣ. Она торопливо откусывала хлѣбъ и тотчасъ же протягивала ложку къ чашкѣ, не признавая, очевидно, никакого закона, кромѣ права голода, и не обра-

щая вниманія на говоръ, какъ будто замѣчанія относились не къ ней.

На лицахъ сельской публики, пришедшей взглянуть на первый безплатный обѣдъ, я прочелъ искреннее сожалѣніе и соболѣзнованіе къ „беззаконицѣ“.

— Нѣмая, что-ли?—спросилъ я.

— Какое нѣмая! Сирота это, дня два, чай, хлѣба не видала.

— Какъ-же ее пропустили, когда составляли списокъ?

— Да вѣдь бродитъ она кое-гдѣ. На виду не было, ну, и забыли про нее. А ужъ какъ бы не записать! А то, вишь, не по закону, а поди-ка ее теперь изъ-за стола вытащи...

— Ни за что не вытащишь. Вишь, какъ припала!..

Разумѣется, мнѣ тоже пришлось признать за ней самое важное изъ правъ—право голода, и мы тутъ же вписали со „студентомъ“ ея имя въ списокъ... хотя это, повидимому, произвело на нее такъ же мало впечатлѣнія, какъ и прежнія замѣчанія о совершаемомъ ею „беззаконіи“.

Вотъ сидитъ за столомъ мальчишка лѣтъ шести. Онъ сѣлъ первымъ и всталъ послѣднимъ. Все время онъ ѣлъ съ какой-то мрачной сосредоточенностью, между тѣмъ, какъ мать смотрѣла на него со слезами на глазахъ. Я боялся, что мальчику повредитъ эта неумѣренность, но меня увѣрили, что дѣтямъ это не вредно. „Отъ пищи имъ вреды не

бываетъ. Надуется, гляди, какъ клопъ, а черезъ часъ опять запроситъ. Вали, Мишка, ничего!"

Красивый мальчишка, совсѣмъ у насъ не записанный, стоитъ, потупясь, и, точно волченокъ, глядитъ на столъ, заваленный хлѣбомъ. Сначала я думалъ, судя по чистой рубашонкѣ и по опрятному виду красиваго ребенка, что онъ пришелъ сюда изъ любопытства, но, видя, что онъ стоитъ долго, весь красный, застѣнчивый и готовый заплакать, я отрѣзалъ ему горбушку. Онъ взялъ ее торопливо, сунулъ за пазуху и тотчасъ же пошелъ изъ избы.

— Погоди, куда-жъ ты торопишься?

— Илюшка еще у меня... плачетъ, чай,—отвѣтилъ мальчуганъ серьезно.

И онъ ушелъ, чтобы подѣлиться съ Илюшкой долго жданнымъ кускомъ чистаго хлѣба.

Не разъ впослѣдствіи, при видѣ подобныхъ же картинъ, глядя на этихъ „незванныхъ" къ убогому пиршеству нашихъ столовыхъ, — мнѣ хотѣлось изорвать всѣ эти съ такимъ трудомъ составленные списки и сказать просто: приходите всѣ, кому надо. Можетъ быть, это была ошибка, но при тѣхъ условіяхъ я не считалъ себя вправѣ отдаться этому побужденію и старался пристроить свои крохи на самое дно народной нужды.

И не разъ у меня сжималось сердце при видѣ этихъ печальныхъ глазъ, устремленныхъ на счастливцевъ, занявшихъ свои мѣста... Вотъ баба привела и держитъ передъ собою парнишку. По всему

видно, что пристроить его нельзя. Двое мужиковъ изъ семьи на работѣ, на остальныхъ получаетъ, правда по 20 фунтовъ, но это здѣсь норма.

— Полъ-села, прямо сказать, этакихъ-то,—говоритъ, отворачиваясь, одинъ изъ стариковъ.

Мать не хочетъ знать этихъ соображеній. Она знаетъ только, что дѣти голодны, что каждый вечеръ въ избѣ стоитъ плачъ. Но вотъ тотчасъ же за ней подходитъ старуха. Ей 63 года, живетъ у зятя, на нее пособіе не идетъ, а зять человѣкъ и бѣдный, и непутный. Жить 63 года въ неустанномъ трудѣ и дожить до голода въ собственной семьѣ—такова судьба не одной этой старухи. Ее, по единогласному отзыву присутствующихъ, я вношу въ списокъ на мѣсто одного изъ четырехъ членовъ семьи, осчастливленной внезапной выдачей ссуды (тоже по 20-ти фунтовъ).

Вотъ еще мать привела двухъ дѣтей. Одинъ записанъ, другой пришелъ вмѣстѣ съ братомъ. Одинъ ѣстъ за столомъ, другой плачетъ рядомъ.

Чтобы устранить эти случаи, осушить эти слезы, мнѣ нужно бы всѣ деньги, которыя были тогда въ моемъ распоряженіи, употребить на одно это село... я не зналъ, имѣю ли я на это право. Приходилось поневолѣ производить эти аптекарскія взвѣшиванія, высчитывать эти слезинки, чтобы выбрать послѣднія степени нужды и страданія...

12-го марта открыта вторая столовая въ селѣ Пичингушахъ, въ моемъ отсутствіи. Въ этотъ день я ѣздилъ въ Василевъ-Майданъ, гдѣ, однако, не

сдѣлалъ пока ничего, не смотря на то, что здѣсь не было бы недостатка въ отличныхъ помощникахъ. Нерѣшимость моя—пристроить здѣсь мои, еще скудныя средства—истекала изъ нѣкоторыхъ особенностей „продовольственной исторіи“ этого села, да, пожалуй, и всего 1-го земскаго участка,—особенностей, на мой взглядъ достаточно характерныхъ, чтобы остановиться на нихъ нѣсколько подробнѣе.

Первый участокъ—это именно тотъ, въ которомъ такъ часто смѣнялись земскіе начальники. Ихъ здѣсь было такъ много, что, можно сказать, совсѣмъ не было. Собственно, назначенъ былъ на это мѣсто г. Бобоѣдовъ, съ исторіей котораго мы уже отчасти знакомы. Вступить въ должность сначала мѣшали ему обязанности директора Дворянскаго банка, потомъ болѣзнь. Но, въ ожиданіи его, участокъ оставался вакантнымъ, и должность временно исправляли другія лица. Между этими другими былъ г. Бестужевъ,—земскій начальникъ 6-го участка, пылкій приверженецъ политики некормленія. Имъ, то-есть вѣрнѣе при немъ, составлены были имущественные списки по 1-му участку въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Я имѣлъ случай видѣть эти списки въ подлинникѣ. Интереснѣйшей ихъ чертой является то обстоятельство, что въ нихъ нѣтъ и рѣчи собственно о н а л и ч н о с т и х л ѣ б а, т. е. о главномъ. Въ графѣ объ имуществѣ отмѣчались постройки, частью инвентарь и скотъ, участь которыхъ, такимъ образомъ, опредѣлялась съ роковою неизбѣжностію. Впослѣд-

ствіи, когда ревизія І. П. Кутлубицкаго отмѣтила эту черту въ дѣятельности коммиссіи, гг. уѣздные дѣятели обидѣлись и возражали, что они вовсе не имѣли этого въ виду, и что, оспаривая земскую смѣту, они основывались на своемъ „знаніи уѣзда" вообще и въ частности на свѣдѣніяхъ о наличныхъ запасахъ. Однако, къ сожалѣнію, оффиціальные протоколы засѣданій опровергаютъ это утвержденіе. Я, напримѣръ, съ большимъ любопытствомъ прочелъ въ журналѣ отъ 24 сентября слѣдующее мѣсто:— „постановлено (большинствомъ голосовъ): сумму денегъ на продовольственныя нужды на уѣздъ опредѣлить въ 250,000 руб.; что же касается до выясненія суммы по каждому участку отдѣльно,— то просить земскихъ начальниковъ о доставленіи свода въ коммиссію".

Такимъ образомъ, спорная сумма опредѣлялась ранѣе, чѣмъ гг. земскими начальниками были доставлены точныя слагаемыя! Не ясно-ли уже изъ этого неопровержимаго и оффиціально установленнаго факта, что цифра лукояновской коммиссіи явилась не результатомъ изслѣдованія,—а апріорнымъ продуктомъ уѣздной политики.

Когда впослѣдствіи мнѣ пришлось бесѣдовать объ этомъ съ однимъ изъ дѣятелей знаменитой уѣздной коммиссіи, то мой собесѣдникъ разрѣшилъ мое недоумѣніе удивительно просто.

— Послушайте! Надо же государственное каз-

начейство пожалѣть. Вы думаете, **тамъ** наши требованія очень пріятны?

Вотъ именно! Ничего не можетъ быть проще и характеристичнѣе. Насъ спрашиваютъ изъ Петербурга о томъ, что мы видимъ на мѣстѣ, и именно потому, что этого изъ Петербурга не видно, между тѣмъ какъ положеніе государственнаго казначейства, наоборотъ, тамъ-то именно и извѣстно нѣсколько лучше, чѣмъ намъ. А мы, вмѣсто того, чтобы, не мудрствуя лукаво, сказать правду,—стараемся угодить: а какъ-то **тамъ** думаютъ и чего **тамъ** ждутъ, и какой нашъ отвѣтъ **тамъ** доставитъ большее удовольствіе... И выходитъ, что, вмѣсто ожидаемаго отвѣта, мы возвращаемъ Петербургу въ лучшемъ случаѣ его собственныя предположенія, съѣздившія въ провинцію за этимъ „якобы" подтвержденіемъ на мѣстѣ. Трудно сомнѣваться, что это совсѣмъ нецѣлесообразно. Вѣдь если, такимъ образомъ, гг. земскіе начальники возьмутъ на себя, вмѣсто заботы о вѣрности своихъ данныхъ, заботу высшаго порядка о государственномъ казначействѣ, тогда государственному казначею придется хоть самому вступить въ отправленіе функцій мѣстнаго дѣятеля и самому собирать нужныя свѣдѣнія...

Что дѣлать, однако! Эти любезности давно вошли уже у насъ въ привычку и, можетъ быть, отъ этого намъ все кажется порой слишкомъ благополучно и слишкомъ пріятно, вплоть до того времени, когда, наконецъ, неблагополучіе и „непріятность"

высунутся, какъ шило, изъ мѣшка. Но и тогда еще находятся приверженцы доброй старой традиціи, которые все продолжаютъ утѣшать самымъ пріятнымъ образомъ и считать себя за это самыми „благонамѣренными“ гражданами.

Такимъ образомъ, не статистика, а политика легла въ основаніе первоначальной смѣты. Получивъ цифру, заданную впередъ, гг. земскіе начальники, въ засѣданіи 3 октября, представили свои частныя цифры, изъ коихъ сложилась сумма въ 300 тысячъ пудовъ хлѣба, т. е. (по тогдашнимъ цѣнамъ) немного превысившая первую... Слагаемыя опредѣлились суммой, а сумма соотвѣтствовала только высшимъ соображеніямъ...

Чѣмъ же руководились гг. земскіе начальники? Разумѣется, отвергнувъ съ презрѣніемъ статистику земства,—они обратились къ писарямъ и волостнымъ старшинамъ, и тутъ опять вышла та же исторія. Что хотите! Старшины и старосты такіе же хорошіе политики, какъ и мы, грѣшные, прочіе русскіе граждане... „Высшая политика“ не чужда и имъ, и они очень хорошо, быть можетъ лучше и непосредственнѣе другихъ, ощущаютъ, что т а м ъ, т. е. въ высшихъ участковыхъ сферахъ пріятно и что непріятно. Понятно, поэтому, что имѣя въ рукахъ свою, впередъ заданную цифру по всему участку, гг. земскіе начальники легко убѣдились, что слагаемыя по волостямъ и селамъ удивительно удобно, руками волостныхъ статистиковъ, укладываются въ эту сумму.

Такимъ образомъ, гг. земскіе начальники приблизительно подтвердили цифру, угаданную впередъ коммиссіей, а волостные писаря услужливо подтверждали цифры гг. земскихъ начальниковъ. Получилась цѣлая стройная система, въ основѣ которой лежала всетаки—голая фантазія, ибо въ статистическихъ вопросахъ, какъ извѣстно, переходъ отъ общаго къ частному совершенно не имѣетъ мѣста.

Но 1-й участокъ, какъ уже сказано, имѣлъ такъ много земскихъ начальниковъ, что это было почти равносильно полному ихъ отсутствію. Понятно изъ этого, что онъ отсталъ отъ „новаго курса“ къ пріѣзду г. Бобоѣдова. А такъ какъ у послѣдняго не было ни времени, ни охоты примѣняться къ этому „новому курсу“, то весьма понятно, что и низшая волостная политика давала у него совершенно другіе результаты, и въ 1-мъ участкѣ выдачи производились болѣе щедро.

Это уже была, разумѣется, оппозиція... Та самая оппозиція уѣздной оппозиціи, о которой мы уже говорили, и повела она къ той самой войнѣ въ нѣдрахъ уѣзда, которую я уже отчасти описалъ выше. Г. Бобоѣдовъ оказался въ опасномъ противорѣчіи съ импровизированной „продовольственной уѣздной коммиссіей“, учрежденіемъ, которое, какъ мы видѣли, обмирая на двѣ недѣли, жило только по 4 дня въ мѣсяцъ, котораго никакъ нельзя было розыскать, когда оно было нужно, но которое страннымъ образомъ спѣлось по всѣмъ

пунктамъ, гдѣ слѣдовало воспрепятствовать, сократить и сбавить ссуды...

И вотъ, первый участокъ, сталъ ареной междоусобія. Странное дѣло! Тѣ самые господа земскіе начальники, которые ни разу не провѣряли списковъ въ большихъ селахъ своихъ участковъ, томившихся отъ лебеды и мякины,—находили достаточно времени для провѣрки списковъ въ участкѣ г. Бобоѣдова... Начались наѣзды, обыски, вскрыванія половицъ, взломы амбаровъ... И тотчасъ же составлялись акты и журнальныя постановленія въ самомъ язвительномъ смыслѣ, закипѣла та особая война полуоффиціальныхъ оскорбленій, отъ которой г. Бобоѣдовъ и обратился въ бѣгство.

Г. Бобоѣдовъ сбѣжалъ, а списки г. Бобоѣдова остались, потому что находить, при помощи урядниковъ, отдѣльные случаи неправильныхъ выдачъ легко, а составить новые списки, да еще въ чужомъ участкѣ гораздо труднѣе. Притомъ же г. Костинъ, временно замѣнившій г. Бобоѣдова, человѣкъ доброжелательный и гуманный,—не имѣлъ вдобавокъ физической возможности заняться пересоставленіемъ этихъ списковъ. Мы видѣли, что онъ мгновенно превратился въ пріемщика земскаго хлѣба и едва справлялся съ текущимъ дѣломъ.

Несомнѣнно, тутъ не обошлось безъ частныхъ ошибокъ, и тѣмъ болѣе, чѣмъ списки были старѣе. Однако, несомнѣнно также, что въ общемъ этотъ неисправленный списокъ былъ гораздо ближе къ

истинному положенію дѣла, чѣмъ новые „исправленные“ списки другихъ участковъ. Въ немъ были ошибки частныя. Въ другихъ—одна, коренная, общая ошибка, что гораздо хуже... И вотъ почему Василевъ-Майданъ, напримѣръ,—село, болѣе другихъ подорванное годами неурядицы, недавнимъ пожаромъ и неурожаемъ, глубже Елфимова разстроенное экономически,—въ меньшей степени испытало невзгоду острой нужды, такъ какъ въ немъ было больше хлѣба...

Въ этомъ мнѣ пришлось убѣдиться довольно скоро, при помощи мѣстнаго священника, о. Г. Н. Гуляева, о которомъ я уже упоминалъ однажды.

Къ сожалѣнію, не всегда можно разсчитывать на вполнѣ независимое мнѣніе священника о нѣкоторыхъ щекотливыхъ, особенно, имущественныхъ вопросахъ по приходу. Что хотите: положеніе сельскаго священника зависимое. Починить домишко, обработать помочью поле, выстроить школу, и, наконецъ, просто пойдетъ священникъ за сборомъ,—богачъ и горланъ при всякомъ случаѣ люди нужные. Вотъ почему въ большинствѣ случаевъ, на сходѣ, священникъ стѣснится сказать громко: такого-то не пишите, такому-то не нужно. Онъ сдѣлаетъ знакъ, кивнетъ или сообщитъ вамъ соотвѣтственное свѣдѣніе относительно того или другого болѣе назойливаго, чѣмъ нуждающагося прихожанина развѣ у себя на дому (о случаѣ, когда священнику побили окна за отзывы по этому предмету, я уже говорилъ ранѣе).

Тѣмъ отраднѣе видѣть факты, когда личное достоинство и нравственный авторитетъ берутъ верхъ надъ унизительной зависимостью положенія. Въ моей (главнымъ образомъ дальнѣйшей) практикѣ мнѣ доводилось встрѣчать и такіе случаи, и особенно ярко запомнились два: въ одномъ—это былъ еще юноша-священникъ, только что оставившій семинарскую скамью, въ другомъ — сѣдой старикъ, благочинный въ Василевомъ-Майданѣ. О. Григорій живетъ уже много лѣтъ со своей паствой, и василевскіе „бунтовщики“—козлища для другихъ—въ его глазахъ являются добрыми прихожанами и добрыми людьми. Недавно, послѣ пожара, уничтожившаго все имущество священника безъ остатка—ему предложили выгодный приходъ въ городѣ. О. Григорій отказался: жилъ съ ними въ урожайные годы,—не хочется кидать въ дурные...

Все это я говорю вотъ къ чему: такой трудъ, въ чемъ бы онъ ни состоялъ, и такое отношеніе къ себѣ народъ и понимаетъ, и цѣнитъ; годы такой совмѣстной жизни дѣйствительно даютъ интеллигентному труженику огромную нравственную силу и авторитетность въ деревнѣ. Впослѣдствіи, когда неравномѣрность выдачъ въ разныхъ участкахъ была хоть до нѣкоторой степени устранена, — мнѣ пришлось, вмѣстѣ съ священникомъ о Гуляевымъ, участвовать въ составленіи списка на многолюдномъ сходѣ, состоявшемъ изъ этихъ прославленныхъ бунтовщиковъ. И я видѣлъ, что этотъ крестьянскій міръ и этотъ

интеллигентный труженикъ деревни, отдавшій ей годы безкорыстной работы и завоевавшій тѣмъ неоспоримое право нравственнаго вліянія, что эти два фактора, взятые вмѣстѣ, даютъ все, что нужно, чтобы любое дѣло было сдѣлано правильно и по совѣсти.

Къ сожалѣнію, по многимъ причинамъ, это явленіе въ деревнѣ не часто. Мы кричимъ о перепроизводствѣ у насъ интеллигенціи, а между тѣмъ—ея совсѣмъ почти нѣтъ въ деревнѣ. Учитель—въ загонѣ и не виденъ. Врачей—два-три на уѣздъ... Помѣщикъ и управляющій—часто люди интеллигентные, но они стоятъ въ положеніи нанимателей. Священники—самый замѣтный у насъ и самый вліятельный классъ, роль котораго—прямое удовлетвореніе духовныхъ интересовъ народа. Однако и здѣсь явленіе, о которомъ я говорю, которое, казалось бы, въ этомъ-то классѣ и желательно, и возможно въ особенности,—встрѣчается не часто, да если и есть, то мы не умѣли и не хотѣли пользоваться имъ въ должной мѣрѣ. Въ доказательство этой послѣдней истины я приведу впослѣдствіи нѣсколько краснорѣчивыхъ фактовъ, указывающихъ, какъ опасно было священнику исполнять въ Лукояновскомъ уѣздѣ свою роль—заботливаго пастыря, а пока скажу только, что когда о. Григорій призвалъ къ себѣ пять-шесть стариковъ и предложилъ имъ нѣсколько интересовавшихъ меня вопросовъ, то отвѣты были даны вполнѣ откровенные. Между прочимъ, я спросилъ, сколько семей въ селѣ получаютъ теперь ссуду напрасно. Священникъ,

вмѣстѣ со стариками, считая „по порядкамъ“, насчитали домовъ 13—15. Если даже допустить цифру 20, то вотъ вамъ эта ужасная ошибка въ сторону кормленія въ огромномъ селѣ! Теперь, когда я дѣлаю эти выписки изъ своего дневника, послѣ того, какъ побывалъ почти во всѣхъ деревняхъ и селахъ большей половины уѣзда,—я берусь въ любомъ большомъ селѣ самаго экономнаго изъ экономныхъ земскихъ начальниковъ указать такое же и даже большее количество дворовъ, которымъ (какъ мы уже видѣли въ селѣ Пичингушахъ) ссуда выдавалась неправильно, по пристрастнымъ указаніямъ старостъ, никѣмъ фактически непровѣреннымъ. Разница лишь въ томъ, что тамъ—общая ошибка еще и въ другую сторону, гораздо болѣе печальнаго и разорительнаго свойства.

Изъ той же откровенной бесѣды я вывелъ и то заключеніе, о которомъ говорилъ выше. Когда я разсказалъ старикамъ, гдѣ я открылъ столовыя, то они единогласно заявили, что эти села богаче. Но когда я перебралъ свой списокъ и указалъ имъ, кого именно я записалъ тамъ, сколько записанные получаютъ казенной ссуды и кого приходилось исключать, то и самъ священникъ, и крестьяне, хотя и со вздохомъ, согласились, что ихъ село мнѣ пока придется обойти. „Другимъ, поэтому, еще нужнѣе, а ужъ, кажется, у насъ бѣднота“.

Изъ этого, думаю, позволительно извлечь выводъ: неурожай зависитъ не всегда отъ насъ, но нужда

не всегда пропорціональна неурожаю, и мы порой умѣли создать искусственный голодъ тамъ, гдѣ его можно бы сравнительно легко избѣжать при наличныхъ средствахъ. А это уже—зависитъ отъ насъ... И еще: одна ошибка общаго характера гораздо страшнѣе десятковъ частныхъ ошибокъ.

XI.

По пути въ лукояновскую «Камчатку».—Еще о спокойствіи уѣзда.—Обуховскій земскій хуторъ.—О «зиждущей работѣ» и о «трудно-больныхъ».

Возможны два пріема помощи населенію въ предѣлахъ частной благотворительности. Первая,—когда интеллигентный человѣкъ, живущій или хоть поселившійся на продолжительное время въ нуждающейся деревнѣ, вступаетъ въ непосредственное, болѣе или менѣе тѣсное общеніе съ тѣми, кому онъ помогаетъ. Къ матеріальной помощи онъ можетъ прибавить въ этомъ случаѣ нравственную поддержку, можетъ отдать людямъ, которыхъ знаетъ, и которые его знаютъ, все, на что способенъ, все, что находится въ его распоряженіи изъ нравственныхъ и матеріальныхъ рессурсовъ и притомъ изъ первыхъ, быть можетъ, болѣе даже, чѣмъ изъ вторыхъ. Не раскидываясь широко, вы можете заглянуть въ самую глубь народной нужды, войти во всѣ ея детали, не упустить

ничего... Безъ сомнѣнія, это наиболѣе симпатичная, полная и человѣнчая форма благотворительности, устанавливающая извѣстную взаимность, между принимающимъ и дающимъ, наконецъ, приносящая наибольшее удовлетвореніе для обѣихъ сторонъ.

Объ этомъ мечталъ и я, отправляясь изъ Нижняго.

Однако есть и другой пріемъ благотворительной помощи, и онъ-то, по обстоягельствамъ, выпалъ на мою долю. Какъ ни хорошо, какъ ни благотворно нравственное общеніе и взаимность, однако и прямо кусокъ хлѣба, самъ по себѣ, составляетъ великое благо тамъ, гдѣ его не хватаетъ, гдѣ матери приходится цѣлые дни слышать кемолчный крикъ голоднаго ребенка. Съ первыхъ же шаговъ на лукояновской почвѣ я увидѣлъ, что въ этомъ дѣвственномъ почти уѣздѣ мнѣ придется отказаться отъ первоначальной мечты и, вмѣсто того, чтобы сосредоточить работу въ тѣсномъ районѣ, необходимо будетъ раскинуть ее вширь, почти по всей площади, жертвуя и общеніемъ, и возможностью пристальнаго наблюденія, и многими другими хорошими вещами—простѣйшей задачѣ: открыть какъ можно больше столовыхъ, охватить ими поскорѣе, еще до распутицы, возможно широкое пространство, доставить хлѣбъ въ самыя отдаленныя и глухія деревушки.

Обстоятельства складывались явно въ этомъ направленіи. Вернувшись въ Лукояновъ, я узналъ, между прочимъ, что въ мое распоряженіе предостав-

лено губернской земской управой $1^1/_2$ тысячи пудовъ хлѣба, купленнаго на средства И. М. Сибирякова. Это обстоятельство оказало намъ громадную услугу и окончательно опредѣлило дальнѣйшій способъ дѣйствій. Можно сказать даже, что теперь образъ дѣйствій зависѣлъ уже не отъ меня: я очутился какъ бы въ упряжкѣ,—эта масса хлѣба требовала скорѣйшаго и наиболѣе цѣлесообразнаго распредѣленія.

Вотъ почему 15-го марта я сидѣлъ въ саняхъ, запряженныхъ гусемъ, и мчался, вмѣстѣ съ Н. М. Сибирцевымъ, уполномоченнымъ губернскаго земства, по дорогѣ въ дальнюю Шутиловскую волость. Съѣздомъ мировыхъ судей Нижегородскаго уѣзда образовано попечительство, въ распоряженіе котораго отдано $2^1/_2$ тысячи такого же хлѣба для Лукояновскаго уѣзда, 500 пуд. направлено прямо въ Шутиловскую волость и доставлено еще во время по послѣднимъ путямъ. Въ видахъ скорости мы рѣшили соединить наши дѣйствія, и я ѣхалъ на „Обуховскій хуторъ", чтобы расплатиться за извозъ и распорядиться хлѣбомъ.

Бросивъ взглядъ на лѣсную, карту вы легко замѣтите широкую ленту сплошного лѣса, почти непрерывно протянувшуюся отъ Волги по направленію къ Окѣ и захватившую южные уѣзды нашей губерніи. Лукояновскій уѣздъ раздѣляется ею на двѣ неравныя половины: южный, такъ называемый Започинковскій край, и сѣверную, собственно лукоя-

новскую. Далѣе зеленая лента охватываетъ съ юга Арзамасскій уѣздъ, уходитъ на время въ Пензенскую и Тамбовскую губ., даетъ въ послѣдней могучія еще понынѣ дебри Саровской пустыни, раскидывается цѣлыми островами по пескамъ Ардатовскаго уѣзда и, наконецъ, перекинувшись за Оку у Ардатова, Горбатова и стариннаго Мурома съ его эпическимъ селомъ Карачаровымъ, уходитъ на сѣверъ. Это—остатки знаменитыхъ нѣкогда Муромскихъ и Брынскихъ лѣсовъ.

Казенныя прямыя просѣки, правильныя лѣсорубки, свистки желѣзныхъ и стеклянныхъ заводовъ на далекія разстоянія оглашающіе дремучія дебри,—все это давнымъ-давно распугало мрачныя воспоминанія о Соловьяхъ-разбойникахъ, объ Ильяхъ-Муромцахъ и о всякой лѣсной вольницѣ. Самые лѣса постепенно повывелись, уступая мѣсто пашнямъ, и только на совершенно песчаной полосѣ ихъ пощадили топоръ и соха. Тамъ, гдѣ прежде было необозримое и таинственное зеленое море, теперь осталась только зеленая рѣка, охваченная и сжатая ясно очерченными берегами. Однако, по нынѣшнимъ временамъ, и это еще очень значительныя лѣсныя массы: дремучій, старый, многолѣтній боръ осѣняетъ, налагаетъ свою печать и опредѣляетъ физіономію цѣлой мѣстности. Залѣсная сторона, Шутиловская и Мадаевская волости, носитъ въ уѣздѣ названіе „Камчатки“.

Три большихъ поселенія лежатъ еще по сю сто-

рону лѣса: Салдаманово, Шандрово и Салдамановскій Майданъ, гдѣ намъ пришлось мѣнять лошадей. У волостного правленія мы увидѣли двое саней, запряженныхъ тройками, гусемъ, и кучку народа у дверей. Священникъ, къ которому мы зашли на время, разсказалъ намъ съ нѣкоторой сдержанностью, что въ волость пріѣхало небывалое еще начальство: нижегородскій помощникъ полицеймейстера, въ сопровожденіи помощника исправника. Помощникъ полицеймейстера изъ Нижняго въ подлѣсномъ селѣ отдаленнаго уѣзда, конечно, явленіе не совсѣмъ обычное, и хотя, по видимости, рѣчь идетъ объ освидѣтельствованіи пожарныхъ средствъ въ деревняхъ и селахъ, но всѣ понимаютъ, что дѣло тутъ не въ бочкахъ и насосахъ... Въ короткій періодъ времени въ уѣздѣ совершился цѣлый переворотъ, о которомъ, конечно, толкуютъ всюду... И странное дѣло, ни о какомъ „безпокойствѣ въ уѣздѣ“ не было прежде и рѣчи,—а теперь эта фраза такъ и носится въ воздухѣ,—разумѣется, какъ фантастическій отголосокъ послѣдняго „засѣданія“ уѣздной комиссіи...

— Отчего это?—спросилъ я какъ-то у мѣстнаго дѣятеля.

— Помилуйте! Такое время...

— Какое?

— Да вѣдь всетаки... нужда, народъ воспріимчивъ...

Итакъ, основная причина, которая вызываетъ всѣ эти толки о „безпокойствѣ“,—„всетаки нужда“

и именно въ хлѣбѣ. Это можетъ быть и преувеличенныя опасенія, но всетаки они основаны на нѣкоторомъ реальномъ фактѣ. Но если такъ, то очевидно, что всякое усиліе, направленное на устраненіе именно этой основной причины — нужды въ хлѣбѣ, — должно быть разсматриваемо, какъ средство къ водворенію спокойствія. Казалось бы, это совершенно ясно: мы боимся нарушенія порядка именно во время нужды; значить, устраняющій нужду въ той же мѣрѣ устраняетъ причину опасеній.

Но это ясно не для всѣхъ, и господа изъ лукояновской коммиссіи выдвинули силлогизмъ другого рода: въ голодный годъ возможны безпорядки, и потому кормить народъ ѣдутъ только смутьяны и революціонеры!

Богъ съ ней, однако, съ лукояновской логикой. Вся эта буря въ стаканѣ воды, всѣ эти гнусные доносы, личная борьба, оппозиція и прочее—интересны, конечно, въ немалой степени, но, смѣю думать, не сами по себѣ и не по отношенію къ отдѣльнымъ героямъ лукояновскаго междуусобія...

Небольшая деревушка—Чеварда—послѣдній поселокъ по сю сторону лѣса—имѣла очень грустный видъ въ сыроватыхъ сумеркахъ. Лѣсомъ мы проѣхали уже среди густой темноты. Днемъ здѣсь производятся общественныя лѣсныя работы, о которыхъ скажу кое-что послѣ. Небольшой огонекъ, свѣтившійся на кордонѣ, гдѣ живетъ завѣдующій

работами лѣсничій, да неясно виднѣвшіяся по сторонамъ клади вырубленнаго лѣса—одни только напоминали о томъ, что здѣсь днемъ идутъ работы, о которыхъ такъ много говорится и пишется, на которыя такъ много возлагается надеждъ. Когда, передъ отъѣздомъ изъ Лукоянова, я сказалъ земскому начальнику VI участка о цѣли своей поѣздки, то г. Бестужевъ, совсѣмъ еще молодой человѣкъ, изъ отставныхъ, корнетъ, съ самымъ беззаботнымъ, даже веселымъ видомъ сообщилъ мнѣ, что я найду „въ Камчаткѣ“ картину полнаго довольства. „О, да тамъ у нихъ былъ очень порядочный урожай, а теперь еще, вдобавокъ, идутъ лѣсныя работы“. Объ урожаѣ я уже зналъ, что это совершенно невѣрно. О работахъ напрасно старался узнать отъ г-на земскаго начальника: каковы ихъ размѣры, сколько человѣкъ можетъ быть занято, каковъ средній заработокъ коннаго и пѣшаго, какое количество хлѣба эти работы могутъ внести въ крестьянскую среду,—эти вопросы, даже какъ вопросы только, были моему собесѣднику совершенно чужды. Онъ глядѣлъ на меня круглыми отъ недоумѣнія глазами, какъ будто удивляясь, что можно интересоваться такими пустяками. Впрочемъ, крайняя беззаботность составляла главную черту, которую этотъ молодой человѣкъ вносилъ въ свои служебныя отношенія, и мы увидимъ дальше (см. гл. XIII, примѣчаніе), какъ онъ распорядился, въ концѣ концовъ, „со всѣми этими скучными дѣлами и бумагами“. Когда они

ему основательно надоѣли, онъ ихъ связалъ веревочкой, нѣкоторыя просто изорвалъ, гербовыя пошлины употребилъ на текущія свои надобности, затѣмъ уѣхалъ куда-то, не считая нужнымъ даже увѣдомить о своемъ отъѣздѣ кого бы то ни было. Съѣзду земскихъ начальниковъ пришлось наряжать особую коммиссію для розысканія пропавшаго дѣлопроизводства цѣлаго земскаго участка. Все это было самымъ оффиціальнымъ образомъ констатировано впослѣдствіи, но, разумѣется, и въ то время общій, такъ сказать, характеръ дѣятельности г-на Бестужева ни для кого не былъ тайной, и мнѣ нечего прибавлять, что ни самъ земскій начальникъ, и вообще никто изъ лукояновской продовольственной коммиссіи „за лѣсомъ“ (т. е. во всей огромной Шутиловской волости) не былъ ни одного раза! Тамъ гдѣ-то стучали нѣсколько десятковъ топоровъ. Значитъ,—у него (мужика) есть работа, значитъ, нужно ему до извѣстныхъ предѣловъ сократить ссуду. Этимъ опредѣлялись взаимныя отношенія лукояновской Камчатки и лукояновской продовольственной коммиссіи... Понятно поэтому, что я ѣхалъ туда безъ особеннаго оптимизма.

Часовъ около 10 передъ нами замелькали, наконецъ, рѣдкіе огоньки Обуховки, и, миновавъ послѣдній спящій вѣтрякъ этого большого удѣльнаго села, мы выѣхали по узкой дорожкѣ въ поле. Темная полоса лѣсовъ осталась за нами. Впереди легкая мятель крутила и несла снѣжную изморозь по

обширной равнинѣ залѣснаго края, лукояновской Камчатки, съ ея невѣдомой еще для меня нуждою, и сквозь мглу, на небольшомъ отлогомъ возвышеніи, мигали огоньки Обуховскаго земскаго хутора, ближайшей цѣли нашего путешествія.

„Обуховскій земскій хуторъ"—учрежденіе очень интересное, одно изъ тѣхъ, необходимость и польза которыхъ должны бы, кажется, стоять внѣ всякаго спора. На землѣ, пожертвованной генералъ-маіоромъ Григорьевымъ, въ Лукояновскомъ уѣздѣ, основанъ сначала „земскій хуторъ", а затѣмъ въ хуторѣ въ 1886 г. учреждена низшая сельско-хозяйственная школа. Генералъ-маіоръ Григорьевъ, очевидно, признавалъ пользу сельско-хозяйственнаго образованія въ земледѣльческой странѣ. Признавало ее и земство, признавало правительство. Григорьевъ пожертвовалъ землю, правда, въ мѣстности не особенно плодородной. Однако, мнѣ кажется, что здѣсь-то, въ этой лѣсной странѣ, лишающейся лѣсовъ и по необходимости переходящей къ земледѣлію, существованіе земскаго образцоваго хутора и школы могло бы быть особенно полезно. Земство ассигновало на школу опредѣленную сумму 5,000 р. (изъ доходовъ хутора и изъ земскаго сбора), министерство государственныхъ имуществъ прибавило къ этому 3,000 р. (ежегодно) изъ кредитовъ департамента земледѣлія и сельской промышленности. Казалось бы, польза

и необходимость учрежденія признаны окончательно и безповоротно и ему остается только развиваться. Однако... въ томъ-то и дѣло, что въ нынѣшнемъ періодѣ нашей жизни у насъ нѣтъ уже, кажется, ничего признаннаго, установившагося, незыблемаго, подлежащаго только развитію, но никакъ не упраздненію. Недавній „періодъ реформъ“ ославленъ, какъ періодъ сплошного и безшабашнаго отрицанія. И однако, не странно ли, что именно въ это время насаждено и создано вновь очень много совершенно новыхъ учрежденій, проникло въ жизнь много новыхъ началъ. Этотъ якобы „отрицательный“ періодъ миновалъ, и что же? Нѣтъ уже прописной истины, которая не подверглась бы сомнѣнію, и даже исконная мораль, гласящая, что „ученіе свѣтъ, а неученье тьма“, нынѣ весьма оспаривается самобытными философами даже на страницахъ печатныхъ органовъ. Года 2 назадъ, въ горбатовскомъ земскомъ собраніи (нашей губерніи) гласный и земскій начальникъ г. Обтяжновъ выступилъ противъ... начальнаго народнаго образованія въ земскихъ школахъ, доказывая, что земская грамотность породила только негодяевъ, пьяницъ и преступниковъ. По странному стеченію обстоятельствъ, г. Обтяжновъ въ „періодъ отрицанія“ самъ очень ревностно насаждалъ именно эти школы, въ качествѣ предсѣдателя земской управы и школьнаго попечителя. Но вотъ „періодъ отрицанія“ прошелъ, миновала и мода, увлекавшая иныхъ людей въ этомъ періодѣ, насту-

пила мода другая,—тотъ же г. Обтяжновъ въ наше время отрицаетъ то, что насаждалъ въ разгарѣ періода отрицанія... Это ли не странное, не поучительное противорѣчіе!

Г. Обтяжновъ прославился этой своей вылазкой до такой степени, что объ немъ говорили и газеты, и толстые журналы. Но уже этотъ шумъ указываетъ, что г. Обтяжновъ „попалъ въ точку", что онъ не одинокъ въ Россіи (какъ. впрочемъ, оказался одинокъ въ земскомъ собраніи), что въ самомъ дѣлѣ мы готовы были уже усомниться въ самой „пользѣ просвѣщенія" *).

Мудрено ли, поэтому, что мы усомнились въ пользѣ земледѣльческой школы. Въ томъ-то и дѣло, что вмѣсто зиждительной, трудной, быть можетъ, работы надъ укрѣпленіемъ того, что необходимо укрѣпить и развивать, мы то и дѣло возвращаемся къ основному вопросу.

— А что, господа,—скажетъ кто нибудь, потягиваясь и зѣвая,—ужъ не закрыть ли намъ эту штуку вовсе?..—И, смотришь, непремѣнно найдутся приверженцы „закрытія", и „штука", подлежащая развитію или преобразованію, заболѣваетъ смертельной болѣзнью неустаннаго страха за свое су-

*) Интересно, что ко времени настоящаго изданія, въ настроеніи этого чуткаго человѣка произошла новая перемѣна: въ земскомъ собраніи (1896 года) г. Обтяжновъ — утверждалъ опять, что «школа, школа и школа»,—вотъ въ чемъ рѣшеніе всякихъ кризисовъ.

ществованіе... Какое же тутъ возможно совершенствованіе и процвѣтаніе?

Обуховскій земскій хуторъ еще въ прошломъ году пережилъ именно этотъ смертельный періодъ. Кому-то что-то не понравилось въ учрежденіи, которое и существуетъ-то безъ году недѣлю. Казалось бы, рѣчь можетъ идти о необходимыхъ улучшеніяхъ. Но рѣчь шла именно о закрытіи, о которомъ очень серьезно разсуждала цѣлая коммиссія. Нашлись на этотъ разъ люди, которымъ удалось отстоять школу. Характерны, однако, основные мотивы, руководившіе коммиссіей въ ея рѣшеніи. Она нашла, что закрытіе школы было бы еще... преждевременно!

Преждевременно! Не правда ли, читатель, что такое рѣшеніе можно принять развѣ только зѣвая, собираясь „на сонъ грядущій" и именно отъ скуки. Боже мой! Но когда же это будетъ „благовременно" закрывать, а не увеличивать число земледѣльческихъ училищъ и образцовыхъ хозяйствъ въ земледѣльческой странѣ, какъ наша? Подумать только, какую громадную пользу могло бы принести существованіе „земскаго хутора" хотя бы теперь, въ голодный годъ,—сколько лошадей оно могло бы прокормить, какую оказать помощь населенію, какими неизгладимыми чертами запечатлѣться въ памяти окрестнаго крестьянства, сколько разрушить застарѣлой косности и предразсудковъ.

А между тѣмъ, случай этотъ пропущенъ, и на вопросъ, что сдѣлалъ земскій хуторъ въ неурожай-

номъ году для окрестнаго населенія придется отвѣтить: ничего! То есть ничего, какъ учрежденіе, между тѣмъ, какъ частныя лица, по своему почину, его обитатели сдѣлали (какъ увидимъ ниже) немало. Отчего же это? Отвѣтъ ясенъ: для полезной, живой, энергической работы нужна свобода иниціативы, которая дается только увѣренностью въ своемъ существованіи. На всѣ упреки хуторъ справедливо отвѣтитъ вамъ, что онъ недавно только оправился отъ смертельной болѣзни... Пойдетъ ли на умъ организаціонная, творческая работа тому, о комъ еще вчера разсуждали, не своевременно ли ему уже умереть, и о комъ тотъ же разговоръ можетъ вновь возобновиться завтра и даже, быть можетъ, именно по поводу его работы среди голодающаго населенія...

А земство? Я отлично понимаю, къ какимъ упрекамъ земству можетъ подать поводъ все, написанное выше. „Обличительный" періодъ тоже миновалъ, будто бы вмѣстѣ съ періодомъ „отрицательнымъ". И, однако, мы всетаки остались ужасными обличителями, съ тою только разницей, что нынѣшнія наши обличенія направляются, какъ сила пороха, въ сторону наименьшаго сопротивленія. Со стороны земства сопротивленія не встрѣчается никакого, и вотъ почему, основываясь на подавляющей массѣ газетныхъ сообщеній, можно „на глазомѣръ" придти къ заключенію, что все зло нашей жизни есть зло „либеральное" вообще и земское въ частности. Однако, достаточно простого сопоставленія нынѣшняго, на-

примѣръ, положенія въ губерніяхъ земскихъ съ неземскими губерніями (напр., Оренбургской), чтобы увидѣть, что причины надо искать не тутъ... Это—во-первыхъ, а во-вторыхъ: развѣ земство не можетъ отвѣтить вамъ то же, что и Обуховскій хуторъ? Я стараюсь говорить здѣсь только о своей губерніи, только о томъ, что мы здѣсь всѣ видимъ ясно. А видѣли мы, какъ съ первыхъ же дней „продовольственнаго кризиса“ и еще долго спустя, рѣчь шла не о томъ, **какъ** дѣлать дѣло, а **кто** его будетъ дѣлать. Отчего бы это ни происходило, но это фактъ. А пока все это рѣшалось, было колебаніе, борьба и неувѣренность, при которыхъ трудно и говорить о какой бы то ни было смѣлой, рѣшительной, организующей и творческой работѣ. Хорошо еще, что при такихъ условіяхъ и простѣйшія задачи выполнены центральнымъ земскимъ органомъ съ честію.

Однако все это—отступленіе, новая дань вопросамъ „высшей“, на этотъ разъ, губернской политики. Теперь уже окончательно мы съ вами, читатель, въ центрѣ дальней, залѣсной и сильно нуждающейся мѣстности.

Ясное утро 16 марта глядитъ въ окна. Кругомъ глубокіе снѣга занесли открыто лежащій на равнинѣ хуторъ. Передо мной—высокія крыши хуторскихъ построекъ, направо—школа, гдѣ уже идутъ уроки.

Когда я глядѣлъ въ окно, мимо съ кошелемъ и длинной палкой прошелъ нищій; я выхожу въ сѣни и натыкаюсь на двухъ жалкихъ старухъ съ болѣзненной дѣвочкой. Видно, что на хуторѣ „подаютъ", и нищіе тянутся сюда по сугробнымъ тропамъ. Видѣнный мною прохожій тоже входитъ въ сѣни. Замѣчательно типичная и даже красивая въ своей типичности фигура настоящаго лѣсного жителя. Прямыя, правильныя черты, простодушное выраженіе свѣтло-голубыхъ на выкатѣ глазъ, очень длинные прямые волосы, подстриженные на лбу такъ, что они образуютъ для лица какъ бы рамку. Такими рисуютъ на картинахъ нашихъ предковъ-славянъ, и такими видѣлъ я лѣсовиковъ Горбатовскаго уѣзда, цѣлую толпу крестьянъ Шереметевской вотчины. Типъ этотъ, очевидно, сохранился и держится еще среди дебрей бывшаго эпическаго лѣса.

Такой же лѣсной человѣкъ стоитъ передо мною и глядитъ простодушными синими глазами.

— Что тебѣ?—спрашиваю я.

— Дровецъ порубить, што-ли бы... Парнишка вотъ тутъ сбираетъ, подали ему, а я бы... дровецъ...

— Какъ тебя зовутъ?

— Меня-то-о? (Онъ пѣвуче тянетъ послѣдніе слоги).

— Да, тебя.

— Павломъ, меня-то...

— Откуда?

— Я-то?

— Да, ты.

— Микольской.

— А пособіе получаешь?

— Способіе-то?...

Голубые глаза глядятъ на меня съ недоумѣніемъ и скорбью. Скорбь эта—не то о пособіи, не то отъ тяжести непривычнаго разговора, а можетъ быть—и отъ голоднаго истощенія...

— Ссуду-те... Вишь ты, не получае-е-мъ мы.

— Отчего?

— Вишь ты... Дьячковъ сынъ, того...

— Что?

— Вишь ты, списалъ съ насъ ссуду-то дьячковъ сынъ будто.

— Какъ это списалъ?

Онъ дѣлаетъ усиліе, оживляется и произноситъ цѣлую рѣчь:

— Та-акъ. Отецъ-то его, дьячекъ то есть, баетъ моему отцю-те: дай жалованіе. А мой-те евоному-те отцю: откуль возьму?—„А не откуль, молъ, взять, такъ и нѣтъ тебѣ способія“. Видишь ты, сынъ-отъ дьячковъ и списалъ съ насъ...

— Какъ же онъ могъ списать?

— Онъ-ту? Да вить онъ у насъ писарь!..

Я понялъ! Вотъ онъ, лѣсной народъ, и вотъ что значитъ порой писарь для лѣсного народа, и вотъ какъ можно вѣрить порой писарю, держащему въ рукахъ лѣсную братью. Пока я смотрѣлъ съ любопытствомъ и жалостью на этого лѣсного красавца,

въ которомъ человѣкъ дремлетъ еще сномъ прошедшихъ вѣковъ, убаюканный тишью лѣсныхъ дебрей,—въ его лицѣ неторопливо совершалась новая перемѣна: оно какъ-будто просвѣтлѣло, что-то пробилось наружу въ голубыхъ глазахъ, и, повернувшись ко мнѣ, онъ сказалъ съ признакомъ радостнаго изумленія:

— А нынѣ, слышь, опять вѣшали...

— Что вѣшали-то?

— Да что! Чудакъ! Хлѣбъ вѣшали опять... И, слышь, чиновникъ опять розыскалъ въ книгахъ-те...

— Кого?

— Да насъ-ту розыскалъ, велѣлъ и намъ выдать.

— Ты какъ же про это узналъ?

— Да, вишь, парнишку встрѣтилъ, парнишка баитъ... Не знаю—правда, не знаю—неправда. Домой плетусь.

Глаза опять угасли, красивое лицо застыло въ грусти, и онъ сказалъ прежнимъ тономъ:

— Отощалъ... дровецъ бы порубить.

Ему дали хлѣба на дорогу, и красивая архаическая фигура исчезла вскорѣ на снѣжной дорогѣ, провожаемая моимъ сочувственнымъ взглядомъ... Что найдетъ онъ дома? Разсѣянную иллюзію „пособія“, или въ самомъ дѣлѣ его семью „розыскали въ книгахъ“ и злые ковы всемогущаго дьячкова сына разрушены. Мнѣ казалось сначала, что вѣрнѣе первое; я зналъ, что ни одинъ еще начальникъ

не пріѣзжалъ съ такими цѣлями въ лукояновскую Камчатку. Къ счастью, оказалось, по словамъ моихъ хозяевъ, что Никольское—въ Пензенской губерніи. А тамъ, кажется, кормятъ...

XII.

Въ Камчаткѣ.—Мадаевскій старшина.—«Изслѣдованіе» Шутиловской волости.—Истощеніе населенія.—Опасность воображаемая и истинная опасность.

16-го марта мы втроемъ, т. е. я, Н. М. Сибирцевъ и А. Ф. Чеботаревъ, управляющій земскимъ хуторомъ, отправились составлять списокъ въ с. Шутилово, столицу лукояновской „Камчатки". Здѣсь, въ волостномъ правленіи насъ встрѣтилъ писарь, субъектъ отекшій и заспанный, въ узкомъ лѣтнемъ пиджакѣ, который онъ то и дѣло пытался застегнуть, изъ приличія, на верхнюю пуговицу. Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на этого верховнаго администратора „Камчатки", зная изъ недавняго разговора съ „лѣснымъ человѣкомъ" и изъ многихъ другихъ примѣровъ, какое огромное значеніе долженъ имѣть этотъ заспанный субъектъ для цѣлой мѣстности. Необычное въ „Камчаткѣ" появленіе незнакомыхъ господъ „по продовольственной части", повидимому, его нѣсколько встревожило. Онъ принесъ списки, пытаясь что-то объяснить, причемъ, для большей вразумительности наклонялся ко мнѣ и ды-

шалъ мнѣ въ лицо. Съ какой-то тревожной безцеремонностью онъ заглядывалъ въ мою книжку, гдѣ я дѣлалъ нужныя мнѣ предварительныя отмѣтки, пока въ избу постепенно собирались старики. Однако, это ему скоро надоѣло, и онъ удалился къ себѣ. Черезъ нѣкоторое время онъ вышелъ опять, спросилъ у меня „бумагу" и, прочитавъ ее, опять удалился, чтобы появиться передъ моимъ отъѣздомъ. Кажется, онъ спалъ и, быть можетъ, видѣлъ непріятные сны; по крайней мѣрѣ, онъ мнѣ показался еще болѣе заспаннымъ и застегивалъ свой пиджакъ съ видомъ не особенно привѣтливымъ.

Въ общемъ фигура эта внушила мнѣ нѣкоторое разочарованіе. Нѣтъ, не такимъ ожидалъ я встрѣтить одного изъ неограниченныхъ почти вершителей продовольственнаго дѣла въ бѣдной „Камчаткѣ". И, дѣйствительно, тутъ же пришлось мнѣ узнать, что, повидимому, мѣстное волостное начальство не пользуется особеннымъ довѣріемъ въ высшихъ участковыхъ сферахъ. По крайней мѣрѣ, повѣрка списковъ производилась здѣсь—это очень оригинально,—старшиной сосѣдней Мадаевской волости. Итакъ, вотъ во что обратилось здѣсь пресловутое „знаніе своей мѣстности". Если и допустить, что мадаевскій старшина хорошо знаетъ положеніе дѣлъ въ Мадаевѣ, если онъ и захочетъ дать вѣрныя свѣдѣнія, зная, что его никто не станетъ провѣрять, если, наконецъ, онъ больше будетъ руководиться истиной, чѣмъ желаніемъ „угодить", то все же для Шути-

ловской волости онъ явится наѣзжимъ, стороннимъ „изслѣдователемъ", совершившимъ свой объѣздъ въ нѣсколько дней. И, однако, изслѣдованія мадаевскаго старшины относительно Шутиловской волости всетаки противопоставлялись, какъ данныя, смѣтѣ губернской управы, основанной на точныхъ и обстоятельныхъ изслѣдованіяхъ статистики,—а система, цѣликомъ покоившаяся на компетенціи мадаевскаго старшины, выдавалась за систему „земскаго начальника VI участка". Какъ и всюду, впрочемъ, здѣсь было, несомнѣнно, извѣстное взаимодѣйствіе: тамъ, у себя, въ кабинетѣ, г. земскій начальникъ „проходилъ" еще разъ списки, составленные на мѣстѣ, и исправлялъ ихъ, подводя подъ ту или другую систему, соотвѣтствовавшую той или другой уѣздной политикѣ...

Въ докладѣ благотворительному комитету, въ свое время напечатанномъ въ газетахъ, я далъ уже общую характеристику этой системы. Между прочимъ, я указалъ тамъ на странное и трудно-объяснимое обстоятельство: въ февралѣ размѣры ссуды по всей волости подверглись вдругъ внезапному и сильному сокращенію. Нужно сказать здѣсь, что при опредѣленіи размѣровъ ссуды населеніе раздѣлялось вообще на 3 разряда: 1-й разрядъ, бѣднѣйшихъ, получалъ въ январѣ по 30 ф., второй по 15, третій не получалъ вовсе. Но вотъ, въ февралѣ, первому разряду назначается вдругъ только 20 ф., второму 10. При этомъ мужики заявляютъ, что фак-

тически они получили по 5 и по 10 — 11 фунтовъ.

Это послѣднее обстоятельство сначала казалось мнѣ маловѣроятнымъ; что же касается до общаго сокращенія, то оно было несомнѣнно, такъ какъ значилось въ спискахъ. На мѣстѣ мнѣ объяснили, что это случилось именно послѣ объѣзда мадаевскаго старшины: у нѣкоторыхъ изъ обысканныхъ крестьянъ найденъ хлѣбъ. Однако, у меня въ рукахъ были списки, въ которыхъ самъ знаменитый старшина сдѣлалъ отмѣтки о найденномъ хлѣбѣ и имуществѣ. Списки эти, даже съ этими отмѣтками, производили угнетающее впечатлѣніе крайней бѣдности. Однако... у незначительнаго количества крестьянъ всетаки найдено кое-что, прежде скрытое... Итакъ, онъ, коллективный и единоличный мужикъ, скрываетъ и обманываетъ. На этомъ, будто бы, основаніи ему вообще, ему—коллективному и единоличному—послѣдовала общая сбавка...

Другое объясненіе, данное мнѣ въ городѣ, было не болѣе утѣшительнаго свойства. Г. земскій начальникъ 6-го участка—человѣкъ очень молодой. Когда у продовольственной коммиссіи началась война съ губерніей, г. земскій начальникъ увлекся борьбой и сразу сократилъ размѣры ссуды почти вдвое. Такимъ образомъ, если вѣрить этому объясненію,—уѣздъ воюетъ съ губерніей, а ни въ чемъ неповинная, ни къ чему непричастная „Камчатка“ платитъ военную реквизицію!

Наконецъ, третья категорія свѣдущихъ людей, къ которой я обращался за объясненіями, только пожимала плечами:

— Этого не знаетъ никто, даже, пожалуй, самъ земскій начальникъ. Спросите...у мадаевскаго старшины.

Но мнѣ не пришлось встрѣтиться съ этимъ старшиной. Забѣгая впередъ, скажу только, что это субъектъ очень интересный, своего рода сила, одинъ изъ тѣхъ деревенскихъ типовъ, защита противъ которыхъ мѣстнаго населенія выставлялась, между прочимъ, задачей новаго института. Когда я проѣзжалъ черезъ его собственную волость,—мадаевскій старшина находился въ довольно непріятномъ положеніи: одинъ изъ крестьянъ его волости былъ приговоренъ волостнымъ судомъ къ аресту. Старшина распорядился запереть его, не ожидая истеченія законнаго апелляціоннаго срока. Говорятъ, онъ заперъ его собственноручно и ключъ отъ кутузки увезъ съ собою. Можетъ быть, это преувеличеніе народной молвы, но только мнѣ разсказывали въ нѣсколькихъ мѣстахъ что заключенный стучалъ въ двери, просился, кричалъ, что онъ умираетъ... Оффиціально, установлено, однако, что, когда дверь была отперта, незаконно заключенный крестьянинъ оказался мертвымъ отъ угара...

Смерть по недоразумѣнію!.. Оффиціальное дознаніе установило, что срокъ апелляціи не истекъ, когда приговоренный былъ посаженъ. Въ книгѣ приговоровъ написано: „приговоромъ недоволенъ“,

затѣмъ частица „не“ кѣмъ-то зачеркнута, и эта поправка не оговорена въ текстѣ. Впрочемъ, какъ извѣстно, законъ требуетъ истеченія законнаго срока, независимо отъ первоначальнаго заявленія подсудимаго (и только въ послѣднее время для нѣкоторыхъ случаевъ допущено изъятіе, всетаки съ непремѣннаго согласія приговореннаго)...

Старшину постановили предать суду... Этотъ-то именно субъектъ пользовался столь исключительнымъ довѣріемъ г-на Бестужева, что ему было предоставлена провѣрка списковъ не только въ своей, но и въ чужихъ волостяхъ.

Въ другомъ мѣстѣ я постараюсь указать измѣнчивые оттѣнки крестьянскихъ сходовъ, которые мнѣ пришлось видѣть. Здѣсь скажу только, что система „мадаевскаго старшины“,—отмѣченная тою, поистинѣ, желѣзною жестокостью, какую порой можетъ проявить отпрыскъ деревни къ своей собственной средѣ,—вызываетъ въ толпѣ явное и глухое недовольство. Удивительно, какъ, при извѣстныхъ пріемахъ, могутъ стать ненавистны народу самыя симпатичныя начинанія. Прочитайте въ брошюрѣ Л. Н. Толстого страницы, гдѣ онъ говоритъ о „помощи въ видѣ работы“. Что можно возразить противъ этихъ высоко убѣдительныхъ строкъ? И, однако, здѣсь я замѣчалъ глухой ропотъ и гнѣвные взгляды всякій разъ, когда заходилъ разговоръ объ общественныхъ работахъ въ казенномъ лѣсу. Поче-

му?—это я подробнѣе понялъ впослѣдствіи, но уже во время схода въ Шутиловѣ кое-что выступило ясно. Первое—всякій нанявшійся тотчасъ же лишаетъ ссуды одного или двухъ членовъ своей семьи, второе—работамъ сразу придавался характеръ до извѣстной степени принудительный. Вотъ почему толпа глухо роптала каждый разъ, когда при упоминаніи того или другого имени слышался отзывъ:

— Нездоровъ... Убился на казенной работѣ...

Далѣе выступаетъ опять знакомый разрядъ недовольныхъ: это опять мельники. За нихъ всюду и единогласно заступаются остальные міряне. Я уже говорилъ, что это за заведеніе—эти сельскія и деревенскія мельницы. У каждой отъ 4 до 8 крыльевъ и на каждое крыло приходится порой по человѣку, иногда и по два владѣльцевъ. И вотъ, въ неурожайный годъ—крылья стали недвижно или машутъ изрѣдка, лѣниво. Казалось бы ясно, что мельничный промыселъ въ неурожайный годъ долженъ былъ пасть. Но это ясно вообще. Въ изслѣдованіи же мадаевскихъ старшинъ эти ясныя истины куда-то затерялись, и исключеніе „заводчиковъ“ съ отшибленными крыльями—и здѣсь является общимъ правиломъ. И вотъ результаты. На краю села, у самаго въѣзда въ Шутилово, стоитъ одно изъ этихъ злополучныхъ сооруженій... Крылья изломаны, бокъ запалъ, крыша провалилась. Владѣли ею четверо заводчиковъ, „по крылу на человѣка“, и въ числѣ этихъ несчастливцевъ былъ Николай Игнашинъ, че-

ловѣкъ съ огромной семьей. Что уже и раньше эти „заводчики“ были не въ блестящемъ положеніи, видно хотя бы изъ того факта, что и въ урожайные годы они не могли собраться съ силой и исправить свое „заведеніе“. Однако, и эта никуда негодная махина, портящая ландшафтъ своимъ изуродованнымъ силуэтомъ, лишила Николая Игнашина всякаго права на помощь... Легко представить себѣ, что происходило въ этой несчастной семьѣ изъ 8 человѣкъ въ эти долгіе зимніе мѣсяцы.

Я говорилъ уже много разъ, что не стану гоняться за раздирательными сценами и эффектами голода. Для человѣка съ душой, для общества не окончательно отупѣвшаго, достаточно и того, что сотни дѣтей плачутъ, болѣютъ и умираютъ, хотя бы и не прямо въ голодныхъ судорогахъ, что тысячи человѣкъ блѣднѣютъ, худѣютъ, теряютъ силы, наконецъ, разоряются изъ-за голода... Однако, изъ пѣсни слова не выкинешь, и я не могу пройти полнымъ молчаніемъ мрачную картину, которую представляла эта несчастная „Камчатка“, подъ желѣзнымъ давленіемъ этой системы: 5 или 10 фунтовъ на цѣлый февраль, и то не всѣмъ нуждающимся семьямъ, и то не на всѣхъ членовъ семьи!.. Мудрено ли, что въ населеніи отложился цѣлый пластъ истощенныхъ, обезсилѣвшихъ, апатичныхъ людей... Уже въ Салдамановскомъ Майданѣ священникъ говорилъ мнѣ, что нанятаго для рубки дровъ рабочаго приходилось предварительно кормить, такъ какъ онъ не

могъ поднять топора!.. Это подтвердилъ мнѣ впослѣдствіи и г. Гелингъ, управляющій большимъ имѣніемъ въ томъ же краѣ, это говорили многіе въ Шутиловской волости. Это было уже явленіе массовое, сплошное, а не единичное. Но если такъ...

Если такъ, то неизбѣжно изъ этого пласта должны были отлагаться случаи еще болѣе печальнаго свойства... И они были. Такъ, въ Савослейкѣ Леонтій Юдинъ, получившій 5 ф. ржи и 5 ф. кукурузы на мѣсяцъ, такъ ослабъ, что А. И. Русиновой, случайно узнавшей объ этомъ, приходилось его откармливать постепенно. Онъ остался живъ... Но тамъ же Перфиловъ, онъ же Моисеевъ, голодавшій нѣсколько дней, получивъ ссуду, умеръ отъ перваго же куска хлѣба. Это побудило добрыхъ людей открыть въ „Камчаткѣ“ столовыя, не ожидая ни откуда содѣйствія...

Вонъ изъ моего окна на хуторѣ, гдѣ я заношу свои впечатлѣнія, видны синіе лѣса, снѣгъ, дорога. По дорогѣ мальчишка лѣтъ 12 тащитъ за собой лошадь. Самъ онъ ступаетъ невѣрно, шатается, лошадь еле идетъ, останавливается, ноги у нея дрожатъ. Это онъ ведетъ ее на прокормъ на земскій хуторъ...

Я выхожу въ сѣни и узнаю печальную и, къ сожалѣнію, слишкомъ обыкновенную исторію: „выбились, кормить нечѣмъ, издыхаетъ послѣдняя животина“. Отецъ, больной и голодный, потащился въ лѣсъ собирать сучья.

— Какъ еще и дотащится-то, – говоритъ мальчишка и отворачивается. На губахъ у мальчика какіе-то струпья, какъ будто отъ худосочія, вродѣ запекшейся крови, лицо блѣдно, глаза, молодые и красивые, глядятъ грустно и какъ-то тускло, губы подергиваются нервною дрожью. Онъ прячетъ лицо, какъ будто стыдится своей слабости или боится заплакать подъ взглядами невольнаго сочувствія...

— Изнервничался народъ необычайно, — говорили мнѣ мѣстные жители; но это—нервность терпѣливаго, почти безнадежнаго страданія. „Обуховскій земскій хуторъ“ лежитъ среди снѣжной равнины. Узкая, то и дѣло проваливающаяся подъ ногами дорожка, по которой ѣздятъ только „гусемъ“, тянется къ хутору по сугробамъ и, перерѣзавши дворъ, теряется въ такихъ же сугробахъ, межъ тощимъ кустарникомъ, по направленію къ лѣсу, синѣющему на горизонтѣ. По этимъ дорожкамъ, то и дѣло, видите вы,—чернѣютъ одиноко и парами, порой вереницами фигуры людей, бредущихъ съ сумами и котомками, спотыкающихся, проваливающихся и усталыхъ. У всякаго за спиной, кромѣ собственной усталости и собственнаго голода, есть еще грызущая тоска о близкихъ, о дѣтяхъ, которыя гдѣ-то тамъ маются и плачутъ, и „перебьются ли“, пока онъ здѣсь ходитъ, непривычный нищій, отъ села къ селу, отъ экономіи къ экономіи—онъ не знаетъ. А вѣдь они тоже любятъ своихъ женъ и дѣтей...

И одни за другими они проходятъ, спрашиваютъ „насчетъ работы“ или „Христа ради на дорогу“ и идутъ дальше, теряясь на снѣжной равнинѣ, а на смѣну приходятъ другіе... И ничего въ экономіи не пропало ни разу, и никто не думаетъ о томъ, что вотъ тотъ хуторъ, обильный, снабженный хлѣбомъ, сытый,—лежитъ беззащитно и беззаботно среди равнинъ и лѣсовъ, гдѣ на просторѣ раскинулось пожаромъ жгучее горе и отчаяніе голоднаго народа. Удивительно, какъ эти господа, такъ много кричащіе нынѣ о порокахъ нашей деревни,—не замѣчаютъ, что всѣ они покрываются съ избыткомъ одной этой добродѣтелью,—этимъ удивительнымъ запасомъ неистощимаго терпѣнія и кротости... А господа уѣздные политиканы и вояки, какъ мы уже видѣли, пускаютъ ее въ игру, въ видѣ „спокойствія уѣзда“, угрожаемаго со стороны излишней сытости, баловства и какихъ-то грозныхъ пришельцевъ... Между тѣмъ, земледѣльческое населеніе голодающихъ уѣздовъ проявляло удивительное смиреніе и кротость. Широкая всетаки, хотя, быть можетъ, и не всюду достаточная помощь—принята съ благодарнымъ удивленіемъ... „Продышимъ теперь“,—не разъ приходилось слышать эти слова! Только бы п р о д ы ш а т ь, только бы пробиться, только бы прокормить дѣтей и скотину до того времени, какъ сойдутъ снѣга, какъ зазеленѣютъ поля, какъ Господь опять проявитъ свою милость. „Только бы какъ нибудь“ — и пахарь все

вынесетъ и никого не обвинитъ въ своей невзгодѣ, все забудетъ,—и надъ свѣжими могилами потянется опять вѣчная непрерывная волна никогда не умирающей жизни...

„Только бы какъ нибудь!“ Вотъ въ томъ-то и дѣло: „только бы!“ Опасность всетаки есть, но она не тамъ, гдѣ ее видятъ уѣздные политиканы и вояки... Она не привозится заѣзжими людьми въ чемоданахъ, ее надо было искать тутъ на мѣстѣ... Опасность, во-первыхъ, въ народномъ невѣжествѣ, которое по объему равно народному долготерпѣнію. Опасность, во-вторыхъ, въ огромной бреши, которую послѣдніе годы сдѣлали въ народномъ хозяйствѣ. „Крестьянство рушится“,—эта фраза слышится теперь слишкомъ часто... Рушится крестьянство, какъ рушится дорога, подтопленная снизу весенней ростепелью. Опасность въ этихъ четвертяхъ мельницъ, въ этихъ тысячахъ мельничныхъ крыльевъ, быстро переходящихъ въ кулацкія руки изъ-за нѣсколькихъ мѣръ хлѣба, не выданнаго своевременно; въ этихъ тысячахъ головъ рабочаго скота, безсильно падающихъ отъ безкормицы или тоже переходящихъ къ кулакамъ за безцѣнокъ.

Въ прошломъ еще году нижегородское земско-статистическое бюро закончило собираніе матеріала по губерніи. Нынѣ эти цифры останутся поучительнымъ памятникомъ недавняго прошлаго. „Коровъ столько-то, лошадей столько-то, безлошадныхъ столько-то“. Уже въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ этихъ

рубрикахъ происходили измѣненія далеко не утѣшительнаго свойства, но это были измѣненія постепенныя. Годъ за годомъ оставлялъ свою рытвину, точно слѣдъ рѣки на отлогомъ берегу. Два послѣдніе года произвели уже настоящій обрывъ, точно послѣ наводненія... Рѣка народной жизни опять войдетъ въ русло, но теченіе уже будетъ не то. На немъ, какъ новыя мели, могутъ отложиться новые пласты „бывшаго крестьянства“, вновь возникшаго сельскаго пролетаріата.

Вотъ это—истинная опасность! Конечно, она—результатъ не одного этого года, но все же она значительна и требуетъ могучихъ усилій всего общественнаго организма, потому что она огромна, широка, повсемѣстна и стихійна, потому что она отражается въ молекулярныхъ процессахъ, изъ которыхъ именно и слагаются массовыя явленія...

Не смѣшно ли, при такихъ условіяхъ, какъ нынѣшнія, видѣть людей, которые гоняются за отдѣльными случаями обмана или пьянства, которые, усчитывая копѣйки или рюмки выпитой въ кабакѣ водки, пропускаютъ мимо глазъ и ушей истинно печальные симптомы „рушащагося крестьянства“. Они обращаютъ тревожные взоры на „пріѣзжихъ“, роются въ печкахъ, усчитываютъ три съ половиною мѣры лебеды, точно расчисляютъ, на сколько дней ее хватитъ крестьянской семьѣ. Между тѣмъ, можетъ быть, лучше было бы передать вдвое, чтобы избѣжать неисчислимыхъ послѣдствій невзгоды для

народнаго хозяйства, чтобы поддержать работника и плательщика русской земли, вмѣсто нищаго, которому опять придется давать подачки. Здоровая почва опять и опять напитаетъ верхніе слои...

Вчера мы составили списки для 4-хъ столовыхъ (въ двухъ обществахъ села Шутилова и въ сельцѣ Бутскомъ), сегодня съ утра опять отправляемся на ту же работу: разливать эти капли помощи въ морѣ нужды. Воздухъ, отяжелѣвшій, напитанный весенними парами, нависъ надъ землею сѣрой пеленой, всасывающей влагу снѣговъ, какъ губка... Нынѣшней ночью не было мороза,—дорога сразу осѣла и размякла. Уже вчера жалко было смотрѣть на лошадей, съ раздутыми ноздрями и выраженіемъ ужаса въ глазахъ, бившихся въ зажорахъ. Сегодня, конечно, будетъ еще труднѣе... Пожалуй, мы не успѣемъ за распутицей распредѣлить и того, чѣмъ можемъ располагать. Надо торопиться. А тутъ какая-то тяжесть въ головѣ и въ сердцѣ. Весна, весна! Долго буду я помнить эту весну... Глубокіе снѣга, занесенныя деревушки! Тѣсныя избы, съ душно-сомкнувшейся толпой мужиковъ, необходимость подымать руку, чтобы вычеркнуть имя не слишкомъ еще оголодавшаго ребенка, потому что ихъ много...

— Можетъ еще пробьешься... Возьмемъ у тебя одного.

— Чѣмъ пробьюсь?—спрашиваетъ мужикъ и гля-

дитъ на меня въ упоръ мрачными и страдающими глазами.

— Да вѣдь всетаки... пособіе.

— Пятнадцать-то фунтовъ! По недѣлѣ ребятишки хлѣба не видятъ... Мякиной подавились...

А всетаки одного надо вычеркнуть, потому что ихъ много... И я чувствую, что голова тяжелѣетъ и нервы притупляются, и видишь, что вмѣстѣ съ дѣломъ помощи дѣлаешь жестокое дѣло, потому что эта черта, проведенная по имени ребенка, заставляетъ его голодать и плакать... А нельзя, потому что ихъ слишкомъ много...

Да, не дай Богъ другого такого года!..

XIII.

Зараженная деревня.—Замѣчательный документъ.—«Какіе мы жители».—«Вопросъ».

17-го марта, часовъ около двухъ, мы подъѣзжаемъ къ Петровкѣ, бѣдной и невзрачной деревушкѣ, пріютившейся подъ самымъ лѣсомъ, кото рый какъ-то угрюмо оттѣняетъ ея убогость. Хуторской кучеръ остановилъ лошадей около старосты. Лысый мужикъ выходитъ къ намъ съ непокрытой головой и не рѣшается надѣть шапку, не смотря на наше приглашеніе.

— Насчетъ чего?—спрашиваетъ онъ съ признаками нѣкотораго безпокойства. Управляющаго зем-

скимъ хуторомъ А. Ф. Чеботарева онъ знаетъ, но двое незнакомыхъ господъ внушаютъ ему нѣкоторое опасеніе. Какъ и вся деревушка, какъ будто оробѣвшая вблизи казеннаго лѣса („рукой подать, а поди-ка тронь хоть оглоблю!“),—и староста, и нѣсколько подошедшихъ мужиковъ, подростковъ и мальчишекъ, видимо, жмутся и робѣютъ. Угнетенный видъ, землистыя лица и лохмотья...

Узнавъ, что мы „насчетъ продовольствія“ и „по части столовыхъ“,—деревня, въ лицѣ ея невзрачныхъ представителей, ободрилась и какъ бы просвѣтлѣла.

— То-то вотъ, — произноситъ староста, опять сволакивая съ лысой головы жалкое подобіе шапки...—Забыли насъ или ужъ какъ... Бьемся, бьемся, другимъ людямъ даютъ, а намъ нѣтъ ничего.

— Какъ,—развѣ вы не получаете пособія?..

— Выдали: кому пять фунтовъ, кому семь; нѣшто съ этимъ живъ будешь.. Другимъ вотъ...

Робкая подлѣсная деревушка не можетъ, повидимому, представить себѣ, что и другіе, кажущіеся ей счастливцами, получаютъ тоже по 5 и 7 фунтовъ. Петровцамъ кажется, что это только ихъ забыли здѣсь, въ медвѣжьемъ углу, подъ лѣсомъ.

Между тѣмъ, нашъ пріѣздъ обратилъ уже вниманіе, и деревня зашевелилась, какъ муравейникъ. Какой-то мужикъ, коренастый, съ угрюмымъ лицомъ, подошелъ къ намъ походкою медвѣдя и вопросительно уставился на старосту.

— Да еще вотъ,—заговорилъ тотъ, какъ бы понявъ значеніе этого тяжелаго взгляда,—женщина у насъ больная... Ротъ у нея вовсе теперича открылся, носъ проваленной. Просто сказать, никуда не годится, бѣда! Что хошь съ ней дѣлай...

— Духъ,—мрачно пояснилъ новопришедшій и опять уставился на старосту, какъ бы подсказывая ему дальнѣйшее продолженіе рѣчи.

— Дѣйствительно, ваше благородіе, духъ отъ ней пошелъ, терпежу нѣтъ. Лежитъ на печкѣ, въ избу не войдешь...

— И не ходитъ никуды,—опять подгоняетъ мужикъ своего оффиціальнаго заступника и оратора.

— Такъ точно. Правда это: не можетъ и ходить никуды. Прежде всетаки на-русь-те (наружу ходила, нонѣ никуды не ходитъ.

— А дѣти малыя...—опять подсказываетъ мрачный субъектъ, мужъ больной женщины, очевидно, крайне заинтересованный, чтобы краснорѣчіе старосты произвело на насъ должное впечатлѣніе.

А двери то и дѣло отворяются и изъ-подъ кучекъ снѣга, нахлобучившаго бѣлыми шапками невзрачныя избенки, сползаются къ намъ петровскіе обыватели, закоптѣлые, оборванные, робкіе... Деревня несетъ къ намъ свои горести и невзгоды...

— Много ли у васъ такихъ больныхъ?

— Есть, прямо сказать, *нѣсколько*, — говоритъ староста (*нѣсколько* въ этихъ мѣстахъ означаетъ много).

— Вотъ Захарка еще гнуситъ.

— Ну, это у него сроду такъ...

— Да ужъ это, братъ, сроду, знаемъ мы!

— И то! Она вѣдь, боль-те, лукавая. Заберется въ нутренность, а тамъ, гляди, и носъ за собой втянетъ.

— Гляди, и у Захараки носу-то все меньше становится...

На нѣсколько мгновеній водворяется унылое молчаніе...

— Что такое, не знаемъ мы,—говоритъ староста... Взялась у насъ эта боль и взялась, вишь ты, боль... Эхъ, бѣда!

— Терпежу нѣтъ... отъ бабы-те... — заводитъ опять мрачный мужикъ, видя, что разговоръ принялъ слишкомъ общее направленіе.

— Погоди... Вишь, насчетъ столовой пріѣхали. Подь, стариковъ скликни.

Мрачный мужикъ пошелъ той же медвѣжьей походкой вдоль порядка, постукивая подожкомъ въ оконницы...

— Стариковъ... на сборну, эй старики!..—слышали мы все удалявшійся по улицѣ унылый и сиплый голосъ.

Черезъ нѣсколько минутъ я сидѣлъ во въѣзжей избѣ, курной, закопченой и низкой, и раскладывался со своей походной канцеляріей.

Какъ всегда послѣ краткаго объясненія цѣли ей поѣздки, начинаются общія жалобы. Суды

получаютъ мало и,—какъ всюду,—деревня приписываетъ это вліянію своихъ ближайшихъ деревенскихъ и сельскихъ властей. Вообще, положеніе этихъ властей, межъ двухъ огней, передъ лицомъ высшей уѣздной политики, съ одной стороны, и ропота своихъ односельцевъ, съ другой,—поистинѣ плачевно. Объ этомъ воинствующая коммиссія не заботилась нисколько. Требуя отъ губерніи, чтобы, въ угоду ей, была измѣнена вся продовольственная система,-въ смыслѣ сокращенія и урѣзокъ,—она въ то же время всю тяжесть своей системы возлагала на самыхъ низшихъ представителей власти. Земскій начальникъ, г. Бестужевъ, не переступалъ ни разу за лѣсную черту, отдѣлявшую отъ остальнаго міра Камчатку, гдѣ глухой ропотъ и негодованіе народа изливались непосредственно на старостъ и писарей...

И глухая злоба населенія естественно обращалась на ближайшихъ къ нему, часто совершенно невольныхъ представителей сократительной политики. Рядомъ со мной на скамейкѣ сидитъ деревенскій писарь. Это еще молодой мужикъ, одѣтый такъ же бѣдно, какъ и остальные. Цвѣтъ лица у него землистый, глаза тусклые, слегка слезятся, выраженіе угнетенное и грустное. Онъ даетъ мнѣ объясненія толково и просто; однако, когда онъ отворачивается или ищетъ нужной бумаги,—мужики, стоящіе ближе, начинаютъ жестикулировать и подмигивать, указывая мнѣ на него и давая понять, что въ немъ причина ихъ несчастія. Черезъ ½ часа это высказы-

вается уже прямо. И, конечно, деревнѣ очень трудно разобраться во всей этой путаницѣ, которую надѣлали всѣ внезапныя, непонятныя безсистемныя сокращенія, вычеты, ссуды въ размѣрахъ 5 фунтовъ, да еще съ какими-то дробями!.. Понятно, поэтому, что единственный грамотѣй, держащій въ своихъ рукахъ „бумагу" и тоже не могущій ничего объяснить,—является въ глазахъ деревни несомнѣннымъ виновникомъ бѣды... „Въ другихъ-те мѣстахъ такъ, а у насъ эдакъ... Начальники (т. е. вотъ этотъ же писарекъ съ волостными властями) — продали... Кровью нашей сыты и пьяны"... — вотъ что приходилось выслушивать писарю отъ расходившагося міра.

Писарь пытается возражать, но возраженія только подливаютъ масла въ огонь. Видя, что и я ничего не понимаю въ его объясненіяхъ насчетъ этихъ 5 и 7 фунтовъ съ четвертями и осьмушками, тогда какъ въ спискахъ, а значитъ и въ отчетахъ земскаго начальника, значатся выдачи по 20 фунтовъ,— онъ, наконецъ, рѣшается на что-то, какъ человѣкъ, которому надоѣло страдать безвинно и не вѣсть по какой причинѣ. Онъ всталъ, порылся въ своихъ бумагахъ и досталъ оттуда какой-то засаленный обрывокъ.

— Прочитайте вотъ это,—сказалъ онъ мнѣ, пожимая плечами.

Я читаю, и хаосъ проясняется. Текстъ этого камчатскаго документа, лежавшаго передо мною, въ видѣ

неправильно оборваннаго клочка бумаги, такъ интересенъ, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести его здѣсь цѣликомъ и съ соблюденіемъ правописанія подлинника (онъ былъ уже напечатанъ въ журналахъ засѣданій губернской продовольственной коммиссіи *).

На клочкѣ было изображено слѣдующее:

„Сельскому старостѣ деревни Петровки приказъ. Такъ какъ за провозъ ржи въ осени минувшаго года извозчикамъ платилось по здѣланіи общества (sic) ссуднымъ хлѣбомъ во ввѣренномъ тебѣ обществѣ оказывается растрата ржи, то чтобы пополнить растрату Волостное правленіе по личному приказанію г-на земскаго начальника предписывается тебѣ изъ выдачи ржи на продовольствіе за февраль мѣсяцъ вычитать съ каждаго причитающагося къ выдачѣ пуда по *16½ ф.* или взыскивать деньгами по *66 коп.* Старшина Катаевъ. Писарь (кажется) Верхотинъ".

Текстъ написанъ одними чернилами, собственныя имена и цифры, напечатанныя у меня курсивомъ, вставлены послѣ. Такимъ образомъ, очевидно, документъ имѣетъ всѣ признаки циркуляра... И дѣйствительно, я слышалъ объ его существованіи уже ранѣе и впослѣдствіи имѣлъ случай убѣдиться, что онъ разосланъ и въ другія общества Шутиловской волости, по личному приказанію г-на Бестужева.

---

*) См. журналъ отъ 27 марта 1892 г.

Когда я читалъ вполголоса эту бумагу и потомъ объяснялъ старикамъ, что писарь и староста тутъ не при чемъ, всѣ слушали очень внимательно. И, дѣйствительно, теперь все объяснилось: въ февралѣ первому разряду выдавалось 20 фунтовъ, вычетъ $8^1/_4$,—итакъ, счастливецъ перваго разряда долженъ получить 11 съ дробью, второму же разряду приходилось по тому же разсчету $5^3/_4$ фунта на мѣсяцъ!

— Такъ и есть, точка въ точку!—говорили мужики.

— А вы вотъ все на насъ!—съ упрекомъ сказалъ писарь.

— Извѣстно, темные...

Кое-кто выступаетъ еще съ заявленіями о какихъ-то недовѣсахъ въ волости, но что могутъ значить эти четверти фунта въ сравненіи съ только-что приведенными цифрами... И миръ между петровцами и ихъ писаремъ возстановился окончательно...

Что это такое? Признаюсь откровенно, я до сихъ поръ этого не понимаю. Самое благовидное объясненіе состоитъ въ томъ, что г. земскій начальникъ, стремясь, вмѣстѣ со всею коммиссіей, къ экономіи во что бы то ни стало, оставилъ нерозданными еще въ прошломъ году сѣмена ржи, и часть этихъ сѣмянъ обращена затѣмъ на продовольствіе. Казалось бы, это должно послужить къ выгодѣ населенія,— оказалось на оборотъ. За провозъ хлѣба платилось

сѣменной рожью, оцѣниваемой по 1 р. 20 к., а въ то время, когда она выдавалась въ ссуду,—она уже стоила 1 р. 60 к. Вотъ эти-то 40 к., переданныхъ яко бы возчикамъ, въ видѣ разницы въ цѣнѣ, и были, будто бы, по какому-то своеобразному процессу мысли, сочтены растратой, которую Камчатка обязана была возвратить вычетами изъ ссуды...

Впрочемъ, долженъ сознаться: это до такой степени нелѣпо, что за объясненіе факта сойти не можетъ. Если у меня осталось въ экономіи отъ сѣмянъ 1,000 пудовъ, изъ которыхъ 250 ушло въ уплату за перевозку, то изъ этого ясно только, что теперь остается 750 пудовъ на продовольствіе, но не видно, чтобы голодные люди совершили какую-то растрату...

— Это такъ точно... Справедливо-съ,—отвѣчали мнѣ всѣ, кому я приводилъ это соображеніе на мѣстѣ, и молва тотчасъ же подыскивала другія причины. Говорили, напримѣръ, будто часть хлѣба, по ошибкѣ, была направлена въ волость Мадаевскую, гдѣ и исчезла. Голодные ли разобрали ее самовольно, поступила ли она въ какіе либо другія руки,—во всякомъ случаѣ съ нею произошелъ „безпорядокъ". А такъ какъ у мадаевскаго старшины безпорядковъ не бываетъ и такъ какъ мы видѣли, что именно онъ устанавливалъ „систему" продовольствія не только въ своей, но и въ Шутиловской волости, то вся эта партія хлѣба, попавшая въ Мадаево,—наложена, какъ растрата, на волость Шутиловскую... Какъ бы то ни было, таинственный и повидимому преступ-

ный характеръ документа не раскрытъ до сихъ поръ, не взирая даже на вопросы, обращенные прямо къ г. Бестужеву высшимъ губернскимъ начальствомъ...*).

Сходъ въ Петровкѣ оставилъ во мнѣ впечатлѣніе покорной угнетенности и безнадежной скорби. Мужики больше молчали. Не было слышно того шумнаго говора, тѣхъ обильныхъ, порой ироническихъ и мѣткихъ характеристикъ, какими въ другихъ мѣстахъ встрѣчалось чуть не каждое имя.

— Ну, ну, старики! Что жъ вы молчите... Шаронова Андрея помѣстимъ, что ли?—то и дѣло приходилось мнѣ будить угрюмое молчаніе толпы.

— Какъ не помѣстить... Чай надо помѣстить... Восьмидесяти лѣтъ человѣкъ... Куда ему податься...

— Мы, господинъ, потому мало говоримъ,—за-

*) Полагаю, отчасти, «разъясняетъ» дѣло слѣдующая цитата изъ газеты «Недѣля» (1893 года, № 49, корреспонденція изъ Лукоянова): «Въ августѣ 1893 г. земскій начальникъ С. Н. Бестужевъ уѣхалъ куда-то безъ отпуска и не сдавъ должности. Наступилъ сентябрь; на почтѣ накопился ворохъ срочной корреспонденціи, тяжущіеся бродили по уѣзду (!), разспрашивая, кому они должны подавать жалобы и прошенія... Наконецъ, 9 сентября получено (частное) письмо отъ г. Бестужева, гласившее, что онъ не вернется еще мѣсяцъ, а дѣла остались у одного изъ волостныхъ писарей (!!). Съѣздъ (земскихъ начальниковъ) долго не зналъ, какъ поступить въ такихъ невиданныхъ обстоятельствахъ, наконецъ, составили коммиссію для «отысканія дѣлъ» г. Бестужева и прежде всего для выясненія, какому именно изъ волостныхъ писарей уѣзда г. Бестужевъ «сдалъ свою должность!» Когда искомый вол. писарь былъ найденъ, коммиссія приступила къ разборкѣ груды бумагъ, о чемъ составили протоколъ. — Вотъ точная выписка изъ этого замѣчательнаго документа: 12 дѣлъ не оплачены марками, хотя пошлины своевременно

мѣтилъ одинъ изъ стариковъ,—другъ дружки стыдимся. Вы, можетъ, меня запишете, а другой-то еще хуже. Всѣ мы плохи, ужъ вотъ как, вотъ какъ плохи!

— Нѣшто мы жители, поглядите на насъ.

— Какеи мы жители, что ужъ...

„Житель"—это крестьянинъ, хозяинъ, человѣкъ самостоятельный, въ противоположность бездомнику, безхозяйному, нищему. Трудно себѣ представить впечатлѣніе этихъ словъ „какіе мы жители", когда цѣлая деревня говоритъ это о себѣ. Уничиженіе, уныніе, потупленные глаза, стыдъ собственнаго существованія... И невольно, какъ посмотришь, соглашаешься съ ними: какіе ужъ это жители!

Въ другихъ мѣстахъ хозяинъ, „житель" не пой-

внесены подателями (!); изъ 3-хъ дѣлъ исчезли денежные документы, означенные въ прошеніяхъ; 6 дѣлъ оказались однѣми оболочками дѣлъ, жалобы же и протоколы утеряны; по одному дѣлу найдена одна оболочка, а въ ней 2 повѣстки; совсѣмъ не оказалось 73 дѣлъ, означенныхъ въ реестрѣ, а по одному дѣлу оказалось лишь прошеніе, изъ середины котораго вырванъ большой кругъ, такъ что остались одни края». Если прибавить къ этому разсказъ другого корреспондента («Русская Жизнь», 1893, № 33, «Будничныя исторіи въ Лукоян. уѣздѣ») о томъ, какъ тотъ же С. Н. Бестужевъ, въ сообществѣ съ г. Ш.—избили въ трактирѣ солдата мѣстной команды, который послѣ этого отправленъ въ больницу (о чемъ возбуждено дѣло)—то, полагаю, этими двумя чертами значительно опредѣляется положеніе населенія VI земскаго участка въ критическіе мѣсяцы голоднаго года. Все это прошло для г-на Бестужева безъ всякихъ непріятныхъ послѣдствій, и почти непосредственно за этими подвигами ему была ввѣрена забота о переселенцахъ въ одномъ изъ пунктовъ Сибири.

деть въ столовую, какъ бы ни нуждался. Лучшіе, еще не забывшіе недавнее время, когда они были „настоящіе жители“, — не пошлють даже ребенка. Одинъ разъ старикъ, у котораго мы записали внука, вышелъ на время изъ избы и, вернувшись, очевидно послѣ разговора съ мальчикомъ, сказалъ рѣшительно:

— Выпиши назадъ. Нейдетъ. Помру, говоритъ, на печкѣ, а не пойду.

Въ Петровкѣ я не встрѣчалъ уже этой стыдливости, здѣсь не было случаевъ отказовъ отъ посѣщенія столовой. Здѣсь большинство не стѣснялось просить лично за себя, не выжидая, пока выскажутся сторонніе. „Троихъ запишите, четверыхъ у меня“.

— Что вы, какіе глупые, право, — остановилъ, наконецъ, потокъ этихъ просьбъ умный старикъ, съ пріятнымъ лицомъ, хотя тоже отмѣченнымъ общей печатью подавленной скорби...—Вѣдь это благодать, Христа-ради, а не казна! Одного-двухъ съ хлѣба долой, и то слава Христу... А вы бы всей семьей такъ и затискались... Говорите, кто ужъ вовсе не терпитъ.

Стыдъ, не совсѣмъ еще умершій, просыпается въ толпѣ, но за то послѣ этихъ словъ она угнетенно и тупо молчитъ.

— Плохо въ этомъ домѣ,—слышится порой.— Лебеды переѣли уже нѣсколько (т. е. очень много).

— Теперь и лебеды не стало.

— И этотъ тоже плохъ мужиченко-те. Съ самой сорной тропы! Давно побирается.

— Да, вотъ Александръ Фроловичъ знаетъ. Давно уже тропу къ нему на хуторъ пробилъ позадь дворовъ...

И вдобавокъ ко всему то и дѣло выступаютъ впередъ подозрительныя, землистыя лица, слышатся голоса съ особенной, то хрипучей, то гортанной или носовой зловѣщею нотой. И большая часть изъ такихъ больныхъ сами не знаютъ еще, что уже носятъ въ себѣ сильно-развитую болѣзнь.

Писарь, сидящій рядомъ со мной, то и дѣло какъ-то странно откашливается.

— Вы здоровы?—спрашиваю я у него.

— Здоровъ, вотъ что-то... перехватило.

Но я вижу ясно, что уже болѣзнь подвинулась далеко, проступаетъ ясно въ слезящихся глазахъ, въ землистомъ лицѣ.

Несчастный мужъ сифилитической бабы то и дѣло выдвигается изъ толпы и прерываетъ нашу работу...

— Ваше благородіе, какъ же мнѣ съ бабой-те быть?..

— Молчи, видишь, сейчасъ некогда.

— Терпежу нѣту. Дѣти... Изба махонькая...

Черезъ нѣсколько минутъ его мрачный, глухой и страдающій голосъ опять нарушаетъ угрюмую тишину этого угнетеннаго схода.

— Изъ силъ я выбился. Смерти Господь не даетъ ей. Господи, Царица Небесная!

На улицѣ онъ опять выдвигаетъ впередъ ста-

росту и самъ приступаетъ къ намъ съ неотвязнымъ вопросомъ:

— Какъ быть?.. Терпежу нѣту мнѣ, невозможно мнѣ терпѣть, ваше благородіе, сдѣлайте божескую милость...

Я даю ему денегъ на больную,—это все, что я могу сдѣлать. Больная неизлѣчима, болѣзнь ея въ этомъ періодѣ не заразительна, поэтому ее не возьмутъ въ больницу. И вотъ, цѣлая семья живетъ въ тѣсной избѣ съ полуумершимъ и разлагающимся человѣкомъ, отравляемая невыносимымъ „духомъ". Это, господа, не голодъ, это не связано ни съ засухой, ни съ неурожаемъ. Это—для Петровки, для многихъ Петровокъ—обычное, заурядное, хроническое явленіе!

Съ тяжестью въ головѣ, отуманенные, выбрались мы изъ тѣсной избы, съ плотной, угрюмой толпой, съ ея угнетеннымъ, подавленнымъ и подавляющимъ настроеніемъ, съ этими землистыми лицами мужиковъ, женщинъ, дѣтей и подростковъ, едва выдѣлявшихся въ парномъ и темномъ воздухѣ курнаго жилья. На дворѣ насъ встрѣтилъ уже вечеръ. Мгла. Лѣсъ стоитъ невдалекѣ, задернувшись сизымъ туманомъ... Тамъ, въ 12 верстахъ, въ чащѣ стоитъ Ташинскій заводъ, надѣляющій эти подлѣсныя деревеньки скуднымъ заработкомъ и „дурною болью". А тутъ уже—съ поцѣлуемъ матери, съ кускомъ поданнаго Христа-ради хлѣба, съ надѣтымъ на время чужимъ платочкомъ,—переходитъ невидимо дурная боль отъ человѣка къ человѣку, изъ избы въ избу

и ужасомъ давитъ несчастную, темную, беззащитную въ своемъ невѣжествѣ деревню.

Мы зашли въ ближайшую избу—Кутьина, Степана Егорова. Самъ хозяинъ—явный сифилитикъ, у котораго, по образному выраженію одного изъ его односельцевъ, лукавая болѣзнь уже „забралась въ нутренность и начинаетъ втягивать носъ за собой". Носъ у него припухъ, онъ гнуситъ. Его уже всѣ признаютъ больнымъ. Въ тѣсной, черной, курной избѣ—двѣ бабы, обѣ худыя до невѣроятности, одна беременная, другая держитъ на рукахъ ребенка. На грядкѣ—лукошко съ кусками хлѣба, собраннаго подаяніемъ. За этимъ хлѣбомъ съ утра ходила по дальнимъ деревнямъ дѣвочка лѣтъ 7. Сколько ей пришлось выходить, видно изъ того, что она по пути заходила на заводъ, что, по прямому пути, составитъ 24 версты, считая туда и обратно.

Теперь она спитъ. Устала. Предыдущую ночь тоже не спала, потому что заболѣлъ палецъ, всю ночь металась и стонала. На заводѣ докторъ перевязалъ... Пахнетъ іодоформомъ... Признакъ плохой!..

— Отчего заболѣло? Ушиблась?

— Нѣтъ, такъ... безо всего, просто заболѣлъ,— отвѣчаетъ мать, любовно гладя волосы у спящей.— Теперь пришла, притомилась. „Мама, я лягу".— Лягъ, моя милая, лягъ! Кормилица наша!.. Видишь, и не раздѣлась, такъ заснула.

Я наклоняюсь. Одѣтая, даже въ сермяжномъ каф-

танѣ, дѣвочка спитъ глубокимъ сномъ. На лицѣ спокойствіе забытья. А въ, изголовіи уже, быть можетъ, стоитъ роковая судьба, и несчастному ребенку предстоитъ умирать страшною, незаслуженною смертью... За что?..

Я отказался заходить въ другія избы. На дворѣ совсѣмъ стемнѣло. Маленькія, безформенныя хижины, больше похожія на кучки навоза, подъ мрачной стѣною лѣса... Кой-гдѣ огонекъ, жалкія оборванныя фигуры, съ удивленіемъ разсматривающія невиданныхъ великолѣпныхъ господъ. И въ самомъ дѣлѣ какими великолѣпными должны мы казаться этимъ „нежителямъ“, съ нашими здоровыми лицами, дохами, шубами, съ этими сытыми лошадьми, нетерпѣливо бьющими копытами землю... И притомъ еще—какіе благодѣтели!

Да, благодѣтели! Какъ жалки показались мнѣ въ эту минуту эти наши благодѣянія, случайныя, разрозненныя, между тѣмъ, какъ огромная мужицкая Русь требуетъ постоянной и ровной, дружной и напряженной работы вверху и внизу... Былъ у насъ не такъ давно, въ числѣ другихъ вопросовъ, и „вопросъ сифилитическій“. Писалось, говорилось много, можетъ быть, даже и дѣлалось кое-что. Почему это брошено? Почему мы не дописали, не договорили, не додѣлали, почему цѣлыя деревни, цѣлыя поколѣнія неповинныхъ людей оставлены въ жертву этой ужасной болѣзни, самой ужасной изъ всѣхъ, съ ко-

вѣческое знаніе, а мы только

смотримъ на это, сложивши въ безсиліи руки! Почему „сифилитическихъ деревень“ нѣтъ, напр., въ Англіи уже болѣе двухъ столѣтій, а у насъ онѣ есть, и язва ширится, захватывая все новыя и новыя жертвы. Впослѣдствіи, въ томъ же Лукояновскомъ уѣздѣ, я натыкался не разъ на другія деревни, напоминавшія Петровку, и можно сказать опредѣленно, что никто ничего не дѣлаетъ для ихъ спасенія. Между тѣмъ, назовите мнѣ другую болѣзнь, которая бы въ такой мѣрѣ настоятельно, повелительно, неизбѣжно призывала на борьбу съ собою. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, въ тифахъ, лихорадкахъ и горячкахъ—есть надежда, даже и безъ медецинской помощи—на силу организма. Чахотка—уноситъ отдѣльныя жертвы, и притомъ медицина можетъ тутъ только продлить умираніе, что деревня для себя считаетъ непозволительной роскошью. Холера проносится ураганомъ и исчезаетъ, какъ грозный смерчъ, быстро и безслѣдно. Но сифилисъ, какъ библейская проказа, поражаетъ равно какъ самые здоровые, такъ и слабые организмы, и разъ пораженный—организмъ обрекается на роковую, неизбѣжную и самую ужасную гибель. И пока она наступитъ,—несчастный сѣетъ кругомъ сѣмена того-же невыразимаго бѣдствія, поражаетъ, часто, не вѣдая, и невѣдающихъ. И притомъ—рѣдкая болѣзнь такъ поддается лѣченію въ настоящее время... Такъ почему-же мы сложили оружіе въ этой неизбѣжной и, повидимому, нетрудной борьбѣ? Сдѣлайте про-

стѣйшія выкладки, и вы увидите, что спасеніе одного поколѣнія одной этой деревушки окупитъ сторицею трудъ спеціальнаго врача. А вѣдь одинъ врачъ на деревню, на десятокъ такихъ деревень— даже излишняя роскошь!..

Но есть обстоятельства, усложняющія простую медицинскую задачу: нѣтъ другой болѣзни, которая бы въ такой мѣрѣ служила мѣриломъ культурности общества: мало назначить врача, нужно, чтобы онъ заслужилъ довѣріе, нужно, чтобы населеніе само ему помогало, нужно, чтобы со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ сферахъ жизни онъ встрѣчалъ содѣйствіе и поддержку. У насъ сифилисъ—потому, что мало грамотныхъ, потому, что много суевѣрія, потому, что на дурную боль народъ все еще смотритъ, какъ на какого-то демона („она боль-те лукавая") и боится ее, какъ злого духа, не боясь въ то же время, какъ простой заразы. У насъ сифилисъ потому, что мало жизнедѣятельности и много апатіи въ обществѣ, потому что мы остановились; и вотъ мы кричимъ уже о перепроизводствѣ интеллигенціи, когда эти темныя деревушки изнываютъ безъ свѣта и помощи, какъ будто въ самомъ дѣлѣ остановилось вращеніе здоровыхъ соковъ въ нашемъ общественномъ организмѣ...

Всѣ эти мысли бродили у меня въ головѣ, пока мы ѣхали обратно, вдоль угрюмой стѣны синяго, мглистаго, точно разбухшаго отъ сырости лѣса... *).

*) Во избѣжаніе возможнаго упрека — прибавлю, что общей столовой въ сифилитической деревнѣ мы не открыли. Е. А.

XIV.

Нелей.—Кирлейка.— О лѣсныхъ общественныхъ работахъ.—Кто правъ и кто виноватъ.—Въ Салламановскомъ Майданѣ.

18-го марта, на слѣдующій день послѣ посѣщенія несчастной сифилитической Петровки, мы опять отправляемся составлять наши списки. Утромъ не надолго проглянуло солнце, но скоро день опять нахмурился. Давно уже не доводилось мнѣ съ такимъ интересомъ слѣдить за погодой: вотъ одна ночь прошла безъ мороза, одно утро—безъ утренника, и дороги сильно попортило. Въ овражкахъ уже сочится вода, снѣгъ подтопило снизу, „раскро́вило", какъ говорятъ здѣсь. Въ низинкахъ „самая кровь". Картинное старое выраженіе, сохранившееся, вѣроятно, съ незапамятныхъ, миѳическихъ временъ. Зима истекаетъ своей бѣлою кровью, скоро она умретъ и на смѣну ей придетъ новая, молодая весна... Пока, однако, и весна обѣщаетъ не много радости!

То и дѣло приходится выходить изъ саней. Выйдешь,—и сразу уходишь въ рыхлый снѣгъ по грудь, между тѣмъ, какъ лошади скачутъ, путаются и бьются и падаютъ.

Въ Нелеѣ основана первая столовая въ этой Камчаткѣ, по частной иниціативѣ Ал. Ив. Русиновой. Вообще, даже въ этой далекой сторонѣ нашлось не

Чеботарева, взявшая на себя завѣдываніе, устроила выдачу каждому приходящему отдѣльно.

мало добрыхъ людей. Цѣлый кружокъ благотворителей уже дѣлалъ, что могъ, безъ всякаго „содѣйствія", въ то самое время, когда изъ правящихъ уѣздныхъ сферъ писали, что въ уѣздѣ совершенно нѣтъ людей, которымъ можно бы поручить столь опасное дѣло. Между тѣмъ, въ „Камчаткѣ" добрые и готовые работать люди сидѣли безъ средствъ и безъ поддержки. Тѣмъ не менѣе здѣсь уже были столовыя, производилась раздача хлѣба отдѣльнымъ семьямъ, явился заѣзжій, вольно-практикующій и безплатный врачъ, тоже производившій раздачу хлѣба, важнѣйшаго изъ всѣхъ лѣкарствъ въ настоящее время. Нѣсколько дамъ ходили и ѣздили по голоднымъ деревнямъ и избушкамъ. Этотъ очевидный „недосмотръ" лукояновской внутренней политики пришелся намъ очень кстати и, кажется, мы тоже пріѣхали кстати съ нашими средствами: столовыя здѣсь и нужны, и будутъ въ хорошихъ рукахъ.

Вотъ за Нелеемъ мы обгоняемъ на поворотѣ дороги обозъ. Маленькія лошаденки надрываются на рыхлой дорогѣ, мужики, по поясъ въ снѣгу, поддаютъ плечами изо всѣхъ силъ увязшія сани. Это несчастные „не жители" изъ посѣщенной нами вчера Петровки уже съ ранняго утра пріѣхали на своихъ заморенныхъ лошадяхъ на хуторъ за хлѣбомъ для столовой. Е. А. Чеботарева поѣхала впередъ устраивать дѣло въ сифилитической деревнѣ,—дѣло, требующее особенной осторожности, чтобы не принести вреда, вмѣсто пользы...

Небольшая избушка на краю дер. Савослейки является—въ своемъ весьма невзрачномъ обликѣ—еще одну столовую, устроенную Е. А. Чеботаревой и А. И. Русиновой. Я писалъ уже о печальномъ случаѣ, подавшемъ поводъ къ возникновенію этихъ столовыхъ. Теперь я очень жалѣлъ, что не обладаю талантомъ живописца, чтобы изобразить это деревенское филантропическое учрежденіе: маленькая избушка, растрепанная крыша, кучки навозу кругомъ обнажаются изъ-подъ тающаго снѣга, тощая костистая лошадь уныло бродитъ вокругъ, подбирая въ навозѣ отдѣльныя соломинки. Сѣрое небо, туманъ, задернутые мглой перелѣски, лѣниво тающіе овражки,—все это даетъ меланхолическую рамку для этой избушки на курьихъ ножкахъ. Да, мы присутствовали на этотъ разъ при пробужденіи общественной самодѣятельности въ размѣрахъ, быть можетъ, еще небывалыхъ у насъ на Руси. И однако... эта картина все еще была бы, кажется, достаточнымъ олицетвореніемъ нашихъ благодѣяній голодающей деревнѣ.

Вотъ за лѣсомъ, за снѣжными буграми мотаются крылья мельницы, лѣниво, тихо, будто обезсилѣвшія, какъ и весь залѣсный край. Здѣсь живетъ врачъ, г. Рахмановъ, который поселился въ деревнѣ, чтобы кормить и лѣчить. Этого достаточно, чтобы г. Рахмановъ прослылъ въ уѣздѣ „врачемъ-толстовцемъ“. Счастливое, право, это „направленіе“, но тѣмъ меньше чести нашей современной дѣйствительности, гдѣ такіе факты нуждаются въ особыхъ „направле-

ніяхъ“ для своего объясненія... А вотъ опять за лѣсомъ и за оврагомъ, который тоже „раскровило“ очень сильно,—цѣль нашей поѣздки, деревня Кирлейка (Пруды тожъ).

На дворѣ сборной избы баба толчетъ что-то въ деревянной ступѣ. Оказывается—просяная мякина, обильно подмѣшиваемая къ хлѣбу. Хлѣбъ на видъ гораздо лучше лебеднаго. „Оно и вовсе бы ничего—говоритъ баба,—да во рту больно шумитъ. Муки мало добавишь, всѣ щеки опоретъ“.

Дѣйствительно, хлѣбъ хруститъ очень непріятно и какъ-то сухо колетъ и рѣжетъ во рту. Докторъ Рахмановъ разсказывалъ намъ вчера, что къ нему то и дѣло являются больные страшными запорами отъ мякины. Въ особенности страдаютъ дѣти: недавно ему пришлось прибѣгнуть къ самымъ героическимъ средствамъ, отъ которыхъ городской врачъ пришелъ бы въ ужасъ, но выбора не было: ребенку грозила неминуемая смерть отъ этого хлѣба...

Сходъ обывателей Кирлейки произвелъ на меня впечатлѣніе далеко не столь угнетающее, какъ въ Петровкѣ. Здѣсь проглядываетъ уже новый оттѣнокъ. Говорятъ, главнымъ образомъ, двое: староста, мужикъ среднихъ лѣтъ, съ умнымъ лицомъ, рѣзкими чертами и острымъ взглядомъ. Ему постоянно возражаетъ беззубый старикъ, иконописнаго типа, лысый и очень лукавый. У старика свои кліенты, въ томъ числѣ какая-то келейница, которая за что-то получила 12 мѣръ хлѣба и отдала этому старику.

Теперь онъ хочетъ пристроить ее въ столовую. Староста возражаетъ, его поддерживаютъ кое-кто изъ мужиковъ съ робкой осторожностью, сзади звонко и смѣло вмѣшиваются бабы. Слезливаго нытья или тупого угнетенія не видно; голодъ не стеръ еще своей тяжелой лапой обычныхъ оттѣнковъ деревенской политики и партій, въ голосахъ бабъ, звонкихъ и задорныхъ, слышна только обида: что-то дѣлается не такъ, какъ бы слѣдовало по ихъ мнѣнію...

Списокъ мы составили на 35 человѣкъ и, безъ сомнѣнія, не смотря на впечатлѣніе какъ будто нѣсколько меньшаго „оголоданія“,—это всетаки менѣе, чѣмъ бы слѣдовало, и къ намъ попали только безспорно нуждающіеся. Не стану приводить примѣровъ, хотя ихъ у меня записаны десятки. Думаю, довольно и сказаннаго выше, чтобы видѣть, что наши столовыя не грозили опасностью „пресыщенія“ обывателямъ деревни Кирлейки, Пруды тожъ...

Вернулись мы рано. Синіе лѣса, фіолетовыя избушки, густая мгла и рѣзкій вѣтеръ. Пошелъ дождь, потомъ обильный, липкій, скоро тающій снѣгъ, которымъ насъ совсѣмъ залѣпило. „Внучекъ за дѣдушкой пришелъ“,—говорятъ о такомъ снѣгѣ мужики, и дѣйствительно надо думать, что „дѣдушка“ (старый снѣгъ) не многимъ переживетъ своего хлипкаго внука. Къ вечеру пошла настоящая мокроснѣжная метель, и мы долго ждали съ безпокойствомъ возвращенія нашей хозяйки, уѣхавшей на одной лошадкѣ въ Петровку. Не смотря на метель, припле-

лись изъ Григоровки нѣсколько бабъ. Деревня эта— сосѣдка Петровки. Намъ сказали, что урожай у нихъ было получше. Это правда, но отъ этого не легче беземельнымъ и бѣднякамъ, у которыхъ всетаки нѣтъ своего хлѣба, а купить дорого и подаютъ мало.

На слѣдующее утро мы тронулись въ обратный путь, чтобы не остаться совсѣмъ, такъ какъ ростепель скоро отдѣлитъ Камчатку отъ остального міра. Утро ясное. Вчерашній снѣжокъ лежитъ на западной сторонѣ каждаго дома, на каждомъ столбѣ или мельницѣ, чистенькій, бѣлый и свѣжій, придавая весеннему дню характеръ ранней зимы. Ночью „придержало", дорога сначала показалась намъ превосходной; но вотъ въ первомъ же оврагѣ проваливается пристяжка, потомъ коренникъ, потомъ сани тихо садятся книзу, потомъ я, выходя, увязаю по поясъ. Это уже—зажора, прелесть весеннихъ дорогъ, съ которыми пришлось затѣмъ познакомиться поближе. Каждый „вражекъ", каждую лощинку уже „подсосало" и „раскровило" а шаловливый легкій утренникъ прикрылъ все это обманчивой пленкой сверху.

Опять лѣсъ, славный многолѣтній боръ. Онъ еще хмурится на шалости весны, еще не даетъ ей баловать на своихъ дорогахъ, хотя по сторонамъ снѣгъ тоже рыхлый, а вокругъ мшистыхъ стволовъ видны широко обтаявшіе круги. Тѣмъ не менѣе, здѣсь дорога ровнѣе и лучше.

Вотъ и кордонъ, мимо котораго мы тотъ разъ проѣхали ночью. Не доѣзжая кордона, виденъ по-

рубленный лѣсъ, мелькаютъ на порубкахъ фигуры. Это—общественно-лѣсныя работы.

Мнѣ было очень интересно повидать лѣсничаго, г-на Введенскаго, завѣдывавшаго этими работами. Къ сожалѣнію, на кордонѣ его въ это время не было,—онъ ушелъ „на дѣлянки" осматривать работы, а намъ ждать было крайно неудобно. Становилось замѣтно теплѣе, съ высокихъ сосенъ снѣгъ то и дѣло валился тяжелыми хлопьями, или таялъ и капалъ жемчужными каплями. Нашъ возница почесывалъ голову и выражалъ опасенія, какъ бы рѣчки Алатырь и Чеварда не загородили намъ дорогу. Узнавъ, кстати, что лѣсничій, вернувшись съ дѣлянки, тоже отправляется въ Лукояновъ,—я рѣшилъ не дожидаться, и мы поѣхали дальше.

Это не мѣшаетъ мнѣ, однако, сообщить здѣсь нѣкоторыя характерныя свѣдѣнія объ этихъ работахъ, по поводу которыхъ было столько разговоровъ о мужицкой лѣни. „Двѣ воды" покойнаго Фета рѣшительно дали тему для обличителей русскаго народа, и нельзя надивиться,—откуда и на какомъ только разумномъ основаніи возникали и ширились эти странные толки.

Въ лѣсу было довольно тихо; издали доносились порой удары топора, напоминавшіе, что здѣсь идутъ работы, о которыхъ такъ много, такъ желчно говорилось и писалось въ это время. Мнѣ невольно вспомнился небольшой разговоръ въ вагонѣ, на нижегородской желѣзной дорогѣ.

— Итакъ, возвращаясь á nos moutons,—говорилъ мнѣ случайный спутникъ, изящный господинъ, наполнявшій купэ ароматомъ дорогой сигары,—скажу вамъ откровенно: все это сантиментальныя выдумки. Голодъ, голодъ! Но почему-же онъ не идетъ на работу?

— А онъ не идетъ?—спросилъ я.

— Боже мой! Да развѣ вы не читали?

— Г-на Фета?

— Не одного Фета, вообще... Нужны рабочіе на желѣзной дорогѣ,—господинъ голодающій не желаетъ. Нужно расчистить лѣса,—господинъ голодающій находитъ для себя неудобнымъ.

— Это странно!

— Какъ кому! Для меня—нисколько!

— Однако; столько проложено желѣзныхъ дорогъ, столько расчищено лѣсовъ на Руси... И все, кажется, мужикомъ. Скажите: на этотъ разъ работа такъ и брошена недодѣланной?

— Ну, вотъ еще!

— Значитъ, что надо было насыпать,—насыпано, что нужно было расчистить,—расчищено?

— Конечно!

— И все это гг. инженеры и гг. лѣсничіе сдѣлали собственноручно?

— Ха-ха-ха! Этого только не доставало. Нѣтъ, слава Богу, до этого еще не дошло.

— Значитъ—онъ?

— Да ужъ значитъ. Но видите-ли! „пришлось взять изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей“.

— И пошелъ?

— Значитъ пошелъ!

— А это васъ не удивляетъ?

— Что-жъ тутъ удивительнаго?

— Я тоже думаю, что ничего. Однако, вернемся къ началу. Мужикъ не беретъ работу подъ руками, онъ „не желаетъ работать“.

— Ну, и что-же?

— Теперь посмотрите, какъ онъ ретивъ на работу: бѣжитъ на нее даже „изъ отдаленныхъ мѣстностей“.

Пауза. Тонкое облачко ароматнаго дыма...

— Ужъ не думаете-ли вы, что меня убѣдили?

— Не имѣю ни малѣйшей надежды,—скромно отвѣтилъ я.—Я только удивляюсь.

И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь удивительно: тысячи лѣтъ русскій мужикъ работалъ, рубилъ лѣса, прокладывалъ дороги, „прорѣзывалъ горы, мосты настилалъ“, взрывалъ сохой необозримыя пространства родной земли, сѣялъ, косилъ, жалъ, молотилъ, и опять пахалъ, и опять сѣялъ. И вдругъ—именно въ голодный годъ мы ему доставляемъ готовую, выгодную, нарочно для него придуманную работу,—а у него какъ разъ въ это-то время пропала всякая охота работать. Не странно-ли это?

Впослѣдствіи я имѣлъ всетаки случай встрѣтиться и потолковать объ этомъ предметѣ съ г. Вве-

денскимъ, завѣдывавшимъ лѣсными работами въ Шутиловскихъ казенныхъ лѣсахъ. Это—человѣкъ еще молодой, повидимому, вовсе не мужико-ненавистникъ... И однако,—такова сила легенды, носящейся въ воздухѣ, что и онъ удивилъ меня тѣмъ же ходячимъ замѣчаніемъ:

— Нѣтъ, какъ хотите, В. Г., — сказалъ онъ мнѣ,—а это правда: съ тѣхъ поръ, какъ вы открыли столовыя въ Шутиловской волости, т. е. съ конца марта, у меня стало значительно меньше рабочихъ въ лѣсу...

Итакъ, это уже было мнѣніе человѣка компетентнаго, до извѣстной степени очевидца, правда, знавшаго о столовыхъ только по наслышкѣ, съ которымъ, однако, приходилось считаться.

— Хорошо,—отвѣтилъ я.—У меня записаны по именамъ домохозяева и кто именно посѣщаетъ столовую изъ каждой семьи. А вы скажите, кто у васъ бросилъ работу.

Мы начали провѣрку съ сельца Бутскаго.

— Григорій Васинъ,—читаю я.

— Именно,—говоритъ лѣсничій.—Бросилъ работу въ мартѣ.

— Хорошо, вотъ мои свѣдѣнія: семья 6 человѣкъ; въ столовую ходитъ Ольга, старуха 70 лѣтъ.

Лѣсничій засмѣялся. Конечно, трудно думать, чтобы Васинъ работалъ въ лѣсу исключительно для прокормленія старухи Ольги.

— Ульяновъ Гаврила...

— Тоже бросилъ.

— Семья 5 человѣкъ; въ столовой мать, старуха 70 лѣтъ.

Такъ перебрали мы многихъ въ Бутскомъ и Шутиловѣ, и г. Введенскій согласился, въ концѣ разговора, что столовая,—которая на 400—500 человѣкъ населенія деревни беретъ 35—40 человѣкъ, и притомъ почти исключительно дѣтей, старухъ, стариковъ и увѣчныхъ,—никоимъ образомъ не можетъ отвлечь отъ работы рабочее населеніе. Къ сожалѣнію, и впослѣдствіи мнѣ неоднократно приходилось слышать тотъ же упрекъ и съ сокрушеніемъ сердечнымъ отвѣчать то же самое. Были и такіе случаи, когда я поистинѣ жалѣлъ объ этомъ: я гордился бы своей работой, если бы мнѣ могли доказать, что мои столовыя помѣшали заключенію нѣкоторыхъ сдѣлокъ гг. помѣщиковъ и подрядчиковъ съ голодными крестьянами. Но—увы!—гордиться было нечѣмъ: столовыя, кормившія малую часть нерабочаго населенія, не могли уменьшить предложенія голоднаго труда, не могли повліять на цѣны: народъ кидался на всякую возможность работы и нанимался въ убытокъ, а въ охотникахъ воспользоваться его положеніемъ и раскинуть сѣти голодной кабалы, увы!—недостатка не представлялось. И всякій разъ, когда казенная ссуда, хотя только въ извѣстной степени уменьшала эти шансы и давала возможность мужику отбиться на время, до пріисканія лучшаго заработка,— они тотчасъ же

рычали, какъ львы, о народной лѣни и о развращающемъ вліяніи ссуды и кормленія...

Какъ бы то ни было, перебравъ такимъ образомъ немало примѣровъ, мы оба съ г. Введенскимъ пришли къ выводу, что мои столовыя не могли вліять на предложеніе мужицкаго труда въ лѣсныхъ общественныхъ работахъ. Но такъ какъ фактъ уменьшенія рабочихъ къ веснѣ и нѣкотораго нерасположенія къ этимъ работамъ—былъ всетаки на лицо, то намъ пришлось поискать для него другихъ объясненій.

И, конечно, объясненіе отыскалось. Г-нъ Брокеръ, завѣдывавшій лѣсными работами до ихъ начала (былъ такой періодъ, какъ увидимъ ниже), приводилъ мнѣ нѣкоторыя цифры. Оказывалось, по его словамъ, что, при поденной работѣ, сажень дровъ обходилась до 7—8 рублей въ заготовкѣ. Г. Введенскій поправилъ это свѣдѣніе, сообщивъ, что это было только вначалѣ: затѣмъ заготовочныя цѣны приведены въ норму. Какимъ образомъ? Очень просто: работы сдавались уже не поденно, а только сдѣльно, но при этомъ заработокъ рабочаго падалъ нерѣдко до 7—8 копѣекъ въ сутки.

Сколько же приходилось на долю рабочаго въ среднемъ?

Я видѣлъ рабочія книжки еще въ Шутиловской волости. Артель, напр., Трифона Семушкина въ числѣ двадцати человѣкъ заработала за недѣлю (съ 18-го по 25-е февраля)—31 р. 67 к., что дастъ въ

день 22 коп. на человѣка. Можетъ быть, это артель лѣнтяевъ? Нѣтъ: по словамъ самихъ завѣдующихъ, заработокъ колебался отъ 8 до 30 коп. (высшая норма въ день), на своемъ хлѣбѣ!.. Итакъ, 22 копѣйки въ среднемъ—это нормальный заработокъ рабочаго на лѣсныхъ общественныхъ работахъ. Эту-же цифру подтвердилъ мнѣ и г. Введенскій.

Какова самая работа? Извѣстно, что эту зиму снѣга были необычайно глубоки. Рабочимъ приходилось бродить по этому снѣгу по грудь, валить деревья и таскать ихъ затѣмъ на себѣ (лошади не пройти), все увязая, къ одному мѣсту... Вотъ какова была эта работа за 22 копѣйки!

Вотъ, что говорилъ мнѣ о ней умный и притомъ посторонній крестьянинъ:

— Снѣга нонѣ глубокіе, одежонка дрянная, пища спервоначалу была больно плоха, примѣстія (жилья) настоящаго не было...

— А теперь?

— Теперь, слышь, одобряютъ. Такъ опять поздно: многимъ пришлось отстать. Видишь, весна какая: то придержитъ, то опять отпускаетъ, вотъ народъ и опасается, главное дѣло, насчетъ воды. Потому снѣгъ—само собой да подъ снѣгомъ-то подсосалася вода, а народишко-те не въ сапогѣ, а въ лаптѣ. Подумай, добрый человѣкъ: долго ли же съ этакой работы обезножить?..

Я полагаю, что недолго, и вотъ почему во время оставленія списковъ приходилось слышать то и

дѣло фразу: „убился (т. е. надорвался, захворалъ) на лѣсной работѣ“. И въ самомъ дѣлѣ: мудрено ли?

Итакъ, 22 копѣйки, глубокій снѣгъ, подъ снѣгомъ вода, работа—валить и таскать на себѣ бревна. Но этого мало: ссуду тотчасъ же сбавляютъ, какъ только человѣкъ нанялся на эту работу, сбавляютъ не съ работающаго, который все равно не получалъ, а съ семьи...

Вотъ на какой почвѣ возникаютъ эти толки о „лѣности“, безпечности, о томъ, что мужика не надо кормить, чтобы не отучить его отъ работы... Удивительно, какъ легко возникаютъ, но еще удивительнѣе, какъ упорно держатся подобныя нелѣпости!

А отчего? Оттого, что мы уже впередъ откуда-то почерпнули увѣренность, что русскій народъ—пьяница, лѣнтяй и оболтусъ. Придумавши какую-нибудь мѣру, мы недостаточно еще всмотримся въ свое собственное дѣло, не обезпечимъ его отъ нашихъ собственныхъ ошибокъ, а уже начинаемъ зорко подсчитывать всѣ отдѣльные случаи мужицкой лѣни: Иванъ пропилъ рубль, Семенъ лежитъ на печи, Ѳедотъ работаетъ лѣниво...

Теперь попробуемъ выслушать другую сторону.

— Разскажите вы мнѣ, братцы, какъ вы въ лѣсу работали?—обратился я къ артели крестьянъ Шутиловской волости, встрѣченныхъ мною въ Лукояновѣ.—Только, смотрите, правду: я запишу и послѣ напечатаю въ газетахъ. Если неправда,—вѣдь будетъ неловко и мнѣ, да и вамъ.

Мужики помялись... Мы уже видѣли, что „разговоры“ въ Лукояновскомъ уѣздѣ приравнивались чуть не къ государственному преступленію; однако, одинъ, рѣшившись, выступилъ впередъ и сказалъ:

— Пиши. Какъ передъ Богомъ, истинную правду скажу.

И онъ разсказалъ, а я записалъ слово въ слово слѣдующее:

— Пріѣзжаетъ къ намъ въ сборную урядникъ. „Сберите, говоритъ, 20 лошадей, а я посмотрю которыя, чтобы могли работать“. Поутру приказъ: что на слѣдующій день къ свѣту всѣмъ намъ быть въ Салдамановомъ-Майданѣ. Пріѣхали мы (это около 30 верстъ). Исправникъ Рубинской вышелъ къ намъ, выбралъ тутъ плотниковъ и объявляетъ: „благодарите Бога: чернорабочему пойдетъ по 50 коп. хорошему плотнику до 75, съ лошадью который— по рублю и болѣе того“... Пересмотрѣлъ лошадей и народъ—и отпустилъ пока по домамъ (опять 30 верстъ).

Правду-ли, однако, говоритъ до сихъ поръ этотъ „лѣнтяй и обманщикъ“, отлынивающій отъ работы? Несомнѣнно, правду, потому что эти цифры предполагаемой и обѣщанной населенію платы можно найти и теперь въ печатныхъ протоколахъ нижегородской продовольственной коммиссіи *). Теперь далѣе.

— Ну, хорошо. Собрались мы въ назначенное

*) См., напр., журналъ 20 дек. 1891 года, стр. 6.

время на работу, Брокера-господина поставили намъ въ распоряженіе. Призываетъ насъ г. Брокеръ, говоритъ: „ступайте, десять лошадей, на Вешовскій хуторъ, за овсомъ по 4 копѣйки съ пуда“. А въ самый морозъ. Мы отказались: „помилуйте, тутъ и въ пути не прокормишься, лошади замореныя, много-ли на нихъ положишь?“—Ну, хорошо, говоритъ, когда такъ, положу рабочую плату, что въ лѣсу. Понадѣялись мы на эти слова, а не пришлось! Проѣздили въ холодъ четверо сутокъ, два дня потомъ работали въ лѣсу, какъ поѣхали на хуторъ, говоримъ: „Мы—народъ безсильный, чѣмъ подымемся? дайте денегъ“.—Ну, молъ, какъ нибудь перебьетесь, денегъ еще нѣтъ, книгъ еще нѣтъ (прошу замѣтить эту фразу). А доѣдете, говоритъ, лошадей тѣмъ же овсомъ покормите съ хутора. Хорошо,—съѣздили, въ лѣсу, поработали; подошла суббота, разсчетъ: и разсчитали,—человѣку съ лошадью 50 копѣекъ, пѣшеходу 25 коп. „Какъ такъ, говоримъ, ряды не сполняете?“—„Да, вѣдь, вотъ, говорятъ, стужа была, работы мало, расходу много... Книгъ еще нѣтъ“... Что станете дѣлать; собирались на работы, снаряжались: кто одежонку заложилъ. У меня своихъ еще два съ полтиной было,—я ихъ проѣлъ, да за овесъ, что лошадямъ скормилъ, вычли. Пошелъ со слезьми домой. Семья кормилась одной картошкой. Прихожу, а дома и пособіе-то уже сбавили. Вотъ и вся наша была работа, господинъ.

Правда-ли это опять? Да, правда! Г. Брокеръ и

затѣмъ г. Введенскій подтвердили все это, только иными словами. „Книгъ не было",—это значитъ, что между двумя вѣдомствами (общественныхъ работъ и государственныхъ имуществъ) возникли пререканія: кому подписывать контракты и билеты. Г. Пушкинъ, завѣдывавшій всѣми общественными работами,—отказался, г. Брокеръ не имѣлъ на это права, а лѣсное вѣдомство не могло отводить дѣлянки безъ контракта. И всѣ, конечно, правы. Пока 88 человѣкъ крестьянъ ожидали конца этого „недоразумѣнія",—оказалось, что г. Брокера смѣнили, потомъ смѣнили и г. Пушкина. Г. Введенскій, преемникъ г. Брокера, все еще не зналъ, кому подписывать билеты. Пока шла эта переписка,—рабочіе уже были собраны, имъ была обѣщана одна плата, а разсчитаны они по другой, лишь бы оформить дѣло, лишь бы закончить періодъ лѣсныхъ работъ, довольно долгій періодъ—до ихъ начала!

Таковъ былъ приступъ. Какъ видите, тутъ была сразу крупная ошибка, вслѣдствіе которой самыя положительныя обѣщанія, данныя рабочимъ, были не сдержаны, вслѣдствіе которой люди разошлись по домамъ со слезами, проѣвши и то, что было у нихъ до работъ и застали дома... сбавку ссуды.

Такъ вотъ что могла бы разсказать другая сторона, когда ее спросятъ въ качествѣ подсудимой. Впрочемъ, достаточно хоть съ небольшимъ вниманіемъ присмотрѣться къ нашимъ собственнымъ дѣйствіямъ, чтобы найти десятки случаевъ

такого же рода. Вотъ, напримѣръ, одинъ, извлеченный мною изъ оффиціальныхъ документовъ.

13 декабря 1891 года, за № 1278, г. земскій начальникъ 2-го участка А. Л. Пушкинъ обратился къ земскому же нач. П. Г. Бобоѣдову съ отношеніемъ слѣдующаго содержанія:

„Господиномъ губернаторомъ поручено мнѣ завѣдываніе общественными работами въ Лукояновскомъ уѣздѣ, къ которымъ нужно приступить немедленно. На первое время до предстоящихъ праздниковъ предположено приступить къ рубкѣ казеннаго лѣса въ Ичалковской казенной дачѣ 1 Лукояновскаго лѣсничества, въ небольшомъ количествѣ рабочихъ, почему покорнѣйше прошу Васъ, М. Г., изъ Вашего участка выслать въ означенную дачу къ 18 числу этого мѣсяца 10 человѣкъ съ топорами и пилой на каждыхъ двухъ. Высланный Вами народъ долженъ быть изъ семействъ, имѣющихъ недостаточныя средства и, при нахожденіи на поденной работѣ, исключенъ изъ лицъ, получающихъ пособіе хлѣбомъ. До праздниковъ народъ этотъ будетъ работать поденно съ платою до 40 коп. въ день на ихъ продовольствіи. Послѣ же праздниковъ наемъ рабочихъ будетъ мною произведенъ тѣмъ же или инымъ порядкомъ, о чемъ я своевременно Васъ увѣдомлю. Теперь же покорнѣйше прошу, выславъ назначенныхъ Вами лицъ, сообщить мнѣ имянной ихъ списокъ, съ обозначеніемъ, изъ какого села и по какой

цѣнѣ (?)... Завѣдующій общественными работами земскій начальникъ А. Пушкинъ".

Надѣюсь, читатель и безъ моихъ курсивовъ обратитъ вниманіе на характерныя стороны этого оффиціальнаго циркуляра: крестьянамъ не предлагается работа, а они назначаются и затѣмъ высылаются на мѣсто. Предусмотрительность г-на Пушкина доходитъ до заботы даже о сбавкѣ нанявшимся хлѣбной ссуды. Можно-ли послѣ этого предположить, что этотъ документъ, по времени совпадавшій съ наиболѣе горячими нападками на мужицкіе пороки, есть лишь плодъ непростительной, преступной небрежности и недоразумѣнія!

„Лѣнтяи" и „пьяницы", уже черезъ пять дней по написаніи этого отношенія, составили требуемый отрядъ. Ѳедоръ Медвѣдевъ, Семенъ Бударагинъ, Герасимъ Сисюковъ, Александръ Жижиновъ, Иванъ Маркинъ, Матвѣй Фадѣевъ, Поликарпъ Хаповъ, Дмитрій Жижиновъ, Пименъ Морозовъ и Тимофей Кузичкинъ соблазнились сами или же были „назначены". Какъ бы то ни было, они, во-первыхъ, взяли въ долгъ топоры, во-вторыхъ, купили 5 пилъ (большею частію тоже въ долгъ) по 1 р. 50 к., и 17 декабря вышли утромъ изъ 1-го участка, расположеннаго у Лукоянова—на восточный край уѣзда, въ Большое Болдино. Однако, пусть они говорятъ дальше сами (цитирую опять по оффиціальному документу).

„До Болдина 40 верстъ; мы пришли въ 9 часовъ утра 18 декабря къ г-ну Пушкину, не застали его

дома, и онъ вернулся въ 11 часовъ вечера, а 19 декабря въ 10 часовъ утра опять ходили къ г. Пушкину, но оставались въ избѣ, а Пименъ Морозовъ и Тимофей Кузичкинъ ходили въ домъ и, вернувшись, передали намъ, что Васъ вытребовали ошибочно въ Ичалковскую дачу, здѣсь есть своего народу много, то есть 2-го участка много людей. Вамъ будетъ работа въ Ризоватовской или Мадаевской дачѣ послѣ праздниковъ, а теперь ступайте домой. Когда будетъ предписаніе отъ Пушкина, тогда вамъ велятъ идти (!)". А Пимену Морозову на представленномъ имъ рапортѣ г-нъ Пушкинъ сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ собственноручную отмѣтку, которая и сдана Морозовымъ 20 декабря въ волостное правленіе. „И мы,— продолжаютъ свою скорбную оддисею „лѣнтяи",— вернулись 19 числа ночью домой. Понесли убытковъ, продали, что имѣли послѣднее, а домой шли совсѣмъ голодные. 18 числа весь день стояли (въ Б.-Болдинѣ) на морозѣ и собирали милостыню"... Затѣмъ, съ чрезвычайной подробностію идетъ перечисленіе убытковъ: за топоры платили за подержаніе, Фадѣевъ, вернувъ пилу, получилъ убытку 50 к., Маркинъ купилъ пилу за $1^1/_2$ рубля и она осталасъ у него, „но остальные брали пилы въ долгъ и ихъ взяли обратно безъ убытка".

Таково было блестящее начало управленія г-номъ Пушкинымъ общественными работами. Каково было ихъ продолженіе, мы уже видѣли. А

въ это время въ прессѣ гремѣли обвиненія противъ мужиковъ, а въ это время ни одинъ пріѣзжій изъ Лукояновскаго уѣзда не могъ умолчать о томъ, что на лѣсныя работы народъ не идетъ *), и въ это же время въ другой части уѣзда уже стекались новые несчастливцы на новыя обѣщанія, которымъ опять не суждено было осуществиться (какъ мы видѣли изъ перваго нашего примѣра)...

Такъ-то видимъ мы, такъ-то мы зорко усматриваемъ сучецъ частныхъ пороковъ въ народной средѣ, бревна же своей небрежности, своихъ ошибокъ относительно того же народа не замѣчаемъ. Мы судимъ „меньшаго брата" съ легкимъ сердцемъ, забывая, что каждая наша вина горше отдѣльныхъ провинностей, нами обличаемыхъ. Каждый лѣнтяй или пьяница приноситъ вредъ только себѣ, въ крайнемъ случаѣ семьѣ своей, съ которой вмѣстѣ отъ этого страдаетъ. Тогда какъ каждая наша организаціонная ошибка имѣетъ характеръ общій и потому поражаетъ сразу цѣлыя массы неповинныхъ людей. Г-нъ Пушкинъ, занятый, быть можетъ, наказаніемъ какого нибудь пьяницы или лѣнтяя, допустилъ ошибку въ своей бумагѣ, и десятки (вѣдь бумага-то отправилась и по другимъ участкамъ уѣзда), а можетъ быть, сотни людей бредутъ взадъ-впередъ сотню верстъ, изводятъ послѣднія деньги, зябнутъ

*) См. протоколы Губ. продов. коммиссіи за декабрь и январь.

и голодають и возвращаются по домамъ съ тоской и разочарованіемъ, разнося по уѣзду недовѣріе къ имѣющему появиться новому „предписанію“ того же начальства... Мудрено ли, что народъ встрѣчалъ эти новыя „предписанія“ съ смутнымъ ропотомъ, съ неохотой и недовѣріемъ?

Нѣтъ, это не мудрено. Мудрено другое: вѣдь всетаки шли! И всетаки работы (отъ восьми копѣекъ въ день!) не прекращались, и всетаки по лѣсу стоялъ стонъ отъ топоровъ, а по уѣзду и даже по губерніи шли толки объ общественныхъ лѣсныхъ работахъ, которыя налагали на гг. лукояновскихъ дѣятелей особенныя заботы о народномъ трудолюбіи и объ экономіи въ ссудѣ, дабы „лѣнтяи“ какъ нибудь не получили лишняго... Слушая эти толки, можно было подумать, что въ Ризоватовской, Шутиловской и Мадаевской волостяхъ предпринято нѣчто грандіозное, вродѣ египетскихъ пирамидъ или римскихъ акведуковъ, способное прокормить всѣхъ, кто только не полѣнится на нихъ наняться. Я былъ, поэтому, чрезвычайно удивленъ, убѣдившись на мѣстѣ въ дѣйствительныхъ размѣрахъ этого благодѣтельнаго явленія, подавшаго поводъ къ столь великому шуму. Оказалось, что въ самомъ разгарѣ работъ максимальная цифра занятыхъ рабочихъ достигала 400 человѣкъ, въ среднемъ же за три мѣсяца— меньше 200! Считая даже по 25 коп. въ среднемъ на человѣка, получаемъ 50 р. на день. И только!.. Какъ ни скромны были размѣры помощи въ формѣ

столовыхъ,—но отъ нихъ всетаки въ послѣдніе мѣсяцы уѣздъ получалъ, по крайней мѣрѣ, втрое больше... Стоило ли же изъ-за этого поднимать цѣлые вопросы о народной лѣни и порочности, о развращающемъ вліяніи помощи, отвлекающей будто бы отъ работы,—микроскопической работы, которая не могла занять и сотой доли рабочихъ рукъ въ уѣздѣ и въ которую мы внесли столько своихъ собственныхъ ошибокъ!

Поистинѣ—не стоило...

Когда мой собесѣдникъ, расказывавшій мнѣ о своемъ наймѣ на общественныя работы,—кончилъ эту горестную повѣсть, я, признаюсь, не удержался и у меня сорвалось съ языка:

— А пишутъ про васъ, что вы лѣнтяи, не идете на работы изъ-за ссуды...

Мужикъ горько улыбнулся.

— Эхъ, господинъ,—прибавилъ къ этому другой, молчаливо слушавшій разсказъ товарища.— Иной человѣкъ, не сообразя себя, скажетъ глупое слово, которое и говорить-то бы вовсе не надо.

Именно—„не сообразя себя"... Слово показалось мнѣ необычайно мѣткимъ...

Когда мы выѣхали изъ лѣсу на равнину, по сю сторону лѣсной полосы,—весна уже быстро захватывала свои владѣнія. Овражки чернѣютъ, на нихъ видны уже струйки, скачущія поверхъ подтаявшаго

снѣга. Каждая лощинка начинаетъ шевелиться, ручейки сползаются къ рѣчкамъ, рѣчки топятъ мосты. Вотъ бушуетъ Чеварда у деревеньки того же имени, далѣе шумитъ рѣчка Пойка, но вотъ, наконецъ, Салдамановскій Майданъ, гдѣ мы можемъ отпустить обратно хуторскаго возницу, сильно не одобряющаго разгулъ рѣчекъ. Онъ предвидитъ, что онѣ уже добрались до Алатыря и, пожалуй, не пустятъ его домой...

Въ новой, свѣтлой и чистой избѣ мы ожидаемъ перепряжки лошадей. Хозяинъ—вольный ямщикъ, перехватившій насъ по дорогѣ. Семья у него огромная, сильная, рабочая. На столѣ лежитъ коровай хлѣба чистаго, безъ примѣси. Во всемъ видно изобиліе.

— Пособіе получаете? — спрашиваю я у старика, лежащаго на палатяхъ и свѣсившаго оттуда лохматую голову, съ умными, спокойными глазами.

— Получаютъ которые въ нашемъ селѣ; мы не получаемъ, не надо намъ.

— А какъ у васъ дѣла насчетъ продовольствія?

— Плохо,—отвѣчаетъ онъ,—бѣдствуетъ народъ сильно.

— Да вѣдь вонъ у васъ лѣсу сколько навалено: значитъ работа.

— Какое работа! Которые въ силѣ работать, нѣсколько кормятъ сами себя, а который уже безъ

силы, тотъ самъ себя нести не можетъ, какая ужъ тутъ работа Сильнаго народу мало остается, тоже самое, въ нашемъ селѣ, которые чтобы чаяли себѣ прокормиться. Онъ, можетъ, травы-те *) переѣлъ ужѣ нѣсколько (множество), какъ же у него, судите сами, на желудкѣ будетъ здорово? У кого картофель есть, тѣ еще туда сюда, сколько нибудь дышутъ, а отъ лебеды, господинъ, крѣпости въ желудкѣ никакой не бываетъ.

Отзывъ этотъ я, продолжая разговаривать, тутъ же записалъ слово въ слово, но, къ сожалѣнію, я не могу передать тона, какимъ это было сказано. Мужикъ говорилъ, не торопясь, съ разстановками и какъ бы съ досадливой неохотой. „Все равно вѣдь не повѣрите,—слышалось въ тонѣ его рѣчи,—все равно не поможете, такъ стоитъ-ли говорить о томъ, что мы здѣсь видимъ, что можетъ видѣть всякій, кто только захочетъ присмотрѣться".

— Ну, а гдѣ хуже,—испытываю я еще его безпристрастіе,—у васъ или въ Шандровѣ?

— Непремѣнно, — отвѣчаетъ онъ, — надо говорить по совѣсти: у насъ хоть на новяхъ было небольшое количество. Положимъ, морозомъ хватило, а все супротивъ ихняго яровинка малое дѣло получше. У насъ хоть кормецъ былъ, а что ужъ у нихъ,—не приведи Господи!

— А пособіе?

*) Травой крестьяне называютъ лебеду.

— Ну что-жъ, что пособіе? Вонъ въ февралѣ по 7 фунтовъ выдали. Что тутъ...

Онъ махнулъ рукой и отвернулся.

— И что такое, право,—слышу я еще обычную фразу,—въ другихъ-те уѣздахъ...

Опять зажоры, рыхлыя дороги, рѣчки и овражки. За Салдамановскимъ Майданомъ я оглядываюсь послѣдній разъ. Полоска лѣса синѣетъ на горизонтѣ... Прощай, лукояновская Камчатка!

XV.

Христовымъ именемъ.

Когда мы сидѣли въ избѣ ямщика, въ Салдамановскомъ Майданѣ,—въ ту же избу вошли два мальчика. Старшему можно было дать лѣтъ 9, младшему не болѣе пяти. Они были одѣты довольно чисто и съ той особенной деревенской опрятностію, которая показывала, что они не принадлежали къ семьѣ профессіональныхъ нищихъ. Видно было, что заботливая материнская рука снаряжала этихъ ребятъ, старательно завязывала каждую оборку лаптей, надѣвала на нихъ сумы, сшитыя, повидимому, еще недавно изъ грубаго домашняго холста, сотканнаго, быть можетъ, тою же рукою... Они вошли и съ какимъ-то особеннымъ грустно-дѣловитымъ выраженіемъ въ лицахъ стали у порога. Старшій снялъ шапку, отыскалъ глазами икону, истово перекре-

стился и произнесъ, на-распѣвъ, обычную молитву...

Младшій съ простодушной сосредоточенностію глядѣлъ на брата внимательнымъ взглядомъ и, точно урокъ, повторялъ его движенія и слова молитвы.

— Господи! Іисусе Христе... Сыне Божій...

Хозяйка съ глубокимъ сожалѣніемъ посмотрѣла на малышей.

— Эхъ, бѣда!—сказала она, качая головой...— Чай матка-то и не чаялась этакихъ ребенковъ за милостыней посылать... А довелось... И молиться-те путемъ еще не умѣютъ, ну, что этакой клопъ соберетъ...

Между тѣмъ, мальчики стояли, не говоря болѣе ни слова и не здороваясь, послѣ молитвы, съ хозяевами. Они пришли за дѣломъ и ждали результата...

Хозяйка встала, отрѣзала два ломтя хлѣба, одинъ отдала старшему, а другой сама положила младшему въ сумку, погладивъ его по головѣ.

— Ну, что дѣлать... воля Господня. Учись, Ванюшка, учись молиться-те, гляди на брата.

— Эхъ, горе!—добавила она, между тѣмъ, какъ по лицамъ этихъ маленькихъ мужиковъ трудно было разобрать, какое впечатлѣніе производятъ на нихъ сердобольныя причитанія старухи. Получивъ подаяніе, они опять перекрестились и повернулись къ выходу.

И когда они двинулись, на ногахъ у нихъ за-

стучали деревянныя колодки, подвязанныя къ лаптямъ,—два высокихъ обрубка: одинъ подъ пяткой, другой у подошвы.

Это опять заботливая рука, отправлявшая ребятъ съ именемъ Христовымъ, — принимала свои мѣры, чтобы дѣти не слишкомъ промочили ноги. Лапти и онучи плохо защищаютъ ногу въ ростепель, а подъ рыхлымъ снѣгомъ уже во многихъ мѣстахъ притаилась вода... Весна!

Вся эта простая сцена, отзывавшаяся какой-то грустной обрядностію, покрывшею обычную деревенскую драму, произвела на меня сильное и глубокое впечатлѣніе. Впослѣдствіи не одинъ разъ приходилось мнѣ видѣть такихъ же дѣтей, кормильцевъ часто непривычныхъ къ нищенству семей. Мы видѣли уже въ Петровкѣ дѣвочку Кутьину, обходившую въ день по 20—30 и болѣе верстъ, чтобы принести домой лукошко—другое разнообразнѣйшихъ кусковъ хлѣба! Чего только не было въ этомъ лукошкѣ, снятомъ мною съ закопченнаго бруса: и огрызокъ праздничнаго, сухого, какъ камень, калача, и кусокъ ржаного хлѣба, поданнаго въ избѣ деревенскаго богатѣя, и черные разваливающіеся комья заплеснѣвшей лебеды... И все это подавалось и принималось подъ припѣвъ Христова имени, произносимаго усталымъ и изстрадавшимся дѣтскимъ голосомъ... Кто сосчитаетъ, сколько разъ призывалось имя Христа въ эту тяжелую зиму голоднаго года!..

И теперь, въ сумрачные и задумчивые дни этой

весны, съ ея сизыми туманами, нависшими надъ полями, „вершинками" и перелѣсками,—фигуры нищихъ стариковъ, подростковъ или даже ребятъ, съ сумами, съ подожками въ рукахъ и съ колодками на ногахъ, увязающихъ въ сугробной дорогѣ,—составляютъ обычную принадлежность весенняго пейзажа. По мѣрѣ того, какъ послѣдніе запасы исчезаютъ въ населеніи,—семья за семьей выходитъ на эту скорбную дорогу...

Правда, было время, когда ихъ было еще болѣе. Всѣ говорятъ единогласно, что уже 1891 годъ былъ чрезвычайно тяжелъ, и уѣздъ уже перенесъ тогда полный неурожай и даже голодъ. Тогда было нѣсколько болѣе запасовъ, за то не было ссуды, и весна 91 года уже видѣла цѣлыя семьи, десятки семей, соединявшіяся стихійно въ толпы, которыхъ испугъ и отчаяніе гнали къ большимъ дорогамъ, въ села и города. Нѣкоторые мѣстные наблюдатели изъ сельской интеллигенціи пытались завести своего рода статистику для учета этого, обратившаго всеобщеее вниманіе, явленія. Разрѣзавъ каравай хлѣба на множество мелкихъ частей,—наблюдатель сосчитывалъ эти куски и, подавая ихъ, опредѣлялъ, такимъ образомъ, количество нищихъ, перебывавшихъ за день. Оказывались цифры, поистинѣ устрашающія, и куски исчезали сотнями... Но вдругъ своеобразная статистика показала внезапное и рѣзкое паденіе: это въ поляхъ поспѣла лебеда, и подъ окнами стали опять появляться однѣ знакомыя фи-

гуры привычныхъ нищихъ... Но осень не принесла улучшенія, и зима надвигалась среди новаго неурожая... Осенью, до начала ссудныхъ выдачъ, опять цѣлыя тучи такихъ-же голодныхъ и такихъ же испуганныхъ людей выходили изъ обездоленныхъ деревень, и, право, трудно сказать, во что перешло бы, какія новыя формы отчаянія и безнадежности приняло бы это огромное стихійное движеніе, если бы не казенная ссуда... Было жуткое время, когда казалось, что само Христово имя потеряетъ свою великую силу передъ этой необъятною тучей народнаго нищенства... А тогда... „Скотина голодная,—и та городьбу ломаетъ",—говорилъ мнѣ умный мужикъ... „Голодъ, говорится, не тетка"...

Но ничего подобнаго не случилось. По дорогамъ потянулись возы за возами съ казенной ссудой,— и нищенство опять быстро схлынуло. У народа явилась надежда, что позоръ нищенства минуетъ еще многихъ изъ тѣхъ, кто не зналъ его во всю жизнь...

Теперь къ веснѣ эта волна опять выростала всюду... а лукояновская система, опредѣлившаяся окончательно и застывшая въ своей безпощадности,—гнала опять на дороги новые и новые контингенты нищихъ. Уменьшаясь и убывая въ періодѣ выдачъ скудной ссуды, то опять возростая, когда ссуда подходила къ концу, грустное явленіе всетаки усиливалось среди этихъ колебаній и становилось все болѣе обычнымъ. Семья, подававшая еще вчера,—сегодня сама выходила съ сумой. Христово имя звучало подъ каждымъ

окномъ все чаще, изъ каждаго окна подавались куски все меньше, и просящему приходилось дѣлать все большіе обходы, захватывая огромные круги, гдѣ оскудѣвала уже рука дающихъ... Сначала ходили по сосѣднимъ селамъ, потомъ, расширяя обходы, уже не возвращались на ночь домой, уходили за десятки верстъ, являлись въ сосѣднихъ уѣздахъ, и даже въ чужихъ губерніяхъ, уходя на цѣлыя недѣли... Я знаю много случаевъ, когда по нѣскольку семей соединялись вмѣстѣ, выбирали какую нибудь старуху, сообща снабжали ее послѣдними крохами, отдавали ей дѣтей, а сами брели вдаль, куда глядѣли глаза, съ тоской неизвѣстности объ оставленныхъ ребятахъ... А въ это время, такіе-же нищіе стучались въ окна покинутыхъ избъ, заходя сюда изъ сосѣднихъ губерній (въ особенности изъ Симбирской)...

Мы, наблюдавшіе это явленіе со стороны, мы, въ чьихъ равнодушныхъ взглядахъ поверхностно отпечатлѣвались эти однообразныя фигуры, съ ихъ однотоннымъ обряднымъ припѣвомъ,—мы не представляли себѣ ясно, какое безконечное разнообразіе заключалось въ оттѣнкахъ этого нищенскаго народнаго горя. Всего легче, безъ сомнѣнія, приходилось привычнымъ нищимъ. Они въ совершенствѣ знали свои обряды, они изучили долгой практикой психологію дающаго, они знали, какъ и гдѣ скорѣе и успѣшнѣе можно открыть эти окна, подъ которыми затягивали свою молитву. Христово имя въ ихъ устахъ являлось привычнымъ оружіемъ въ тяжелой

и трудной житейской борьбѣ съ невзгодой... Но мы напрасно думаемъ, что всякому человѣку, одѣтому въ такой же мужицкій полушубокъ, такъ же легка на плечахъ эта сума. Знаніе дается любовью, а то „практическое знаніе народной жизни", которое такъ громко заявляетъ о себѣ въ наши дни устами крѣпостниковъ и мужико - ненавистниковъ всякаго рода,—звучитъ только враждой и узкимъ своекорыстіемъ. И вотъ почему оно не хочетъ видѣть, какія тяжелыя драмы разыгрывались въ мужицкихъ избахъ прежде, чѣмъ въ нихъ надѣвалась сума, и сколько было этихъ поистинѣ удручающихъ драмъ...

„Христово имя" имѣетъ въ деревнѣ своихъ обычныхъ, привилегированныхъ владѣльцевъ, которые и сами свыклись со своимъ положеніемъ, и за которыми это положеніе признано общимъ мнѣніемъ.

Однажды мнѣ пришлось слышать горькую исповѣдь мужика, въ одну изъ такихъ минутъ, когда душа невольно раскрывается для жалобы даже передъ постороннимъ человѣкомъ (это было много ранѣе голоднаго года).

— Покуль до старости-те доживу, сколь еще много муки приму... Господи Боже...

И онъ разсказалъ, что два года назадъ у него умеръ сынъ, оставивъ дѣвочку-внучку. И никого у него не было болѣе на свѣтѣ. Самъ же онъ увѣчный: дерево повредило ногу.

— Идешь за возомъ-те, все припадаешь... А лошадь-те рѣзва, этто ушла впередъ, бѣжалъ я, бѣ-

жалъ за ней, потомъ легъ на дорогѣ и заплакалъ... А на сердцѣ-то, братецъ, все объ сынѣ тоска... Что станешь дѣлать.

— А что же въ старости-то будетъ?—спросилъ я, вспомнивъ начало его рѣчи.

У мужика глаза засвѣтились какою-то радостью.

— Да вѣдь старику-то мнѣ, какъ выдамъ внучку-те замужъ,—можно и со Христовымъ именемъ идти. Мнѣ вѣдь, какъ ты думаешь—всякій тогда подастъ, старику-те... А теперь стыдъ!.. Только бы какъ нибудь годовъ 15 промаяться помогъ бы Господь...

И на лицѣ его свѣтилось предвкушеніе спокойнаго пользованія Христовымъ именемъ, безъ стыда, по всѣми признанному праву...

— Я Христовымъ именемъ сыта,—говорила мнѣ въ другомъ мѣстѣ древняя старуха.—Слава-те Господи, — кормитъ-поитъ меня Христосъ батюшка... Довольна. И одежа мнѣ тоже Христова идетъ...

Такимъ тономъ говорятъ люди, получающіе по праву небогатое, но приличное содержаніе, въ видѣ выслуженнаго пенсіона...

И дѣйствительно, во многихъ мѣстахъ деревни и села имѣютъ своихъ нищихъ, занимающихъ почти оффиціальное положеніе... Съ давнихъ поръ, какъ извѣстно, на Руси церкви имѣли свою собственную нищую братію, монополизировавшую церковные дворы, паперти и ворота. Еще до Петра Великаго дѣлались попытки придать этому явленію характеръ правильной общественной благотворительности и при

церквахъ повелѣно было строить „богадѣльни“ для пріюта нищимъ. Богадѣльни эти кое-гдѣ стоятъ и до сихъ поръ, и я самъ, въ Лукояновскомъ уѣздѣ, получилъ приглашеніе священника отправиться въ „богадѣльню“ для составленія списка. Оказалось, однако, что названіе „богадѣльни“ составляетъ единственный остатокъ филантропическихъ попытокъ московскаго правительства: дома при церквахъ построены, и—такъ съ тѣхъ поръ подновляются и строятся, нося тоже имя, но исполняютъ они должность или сторожки, или въ нихъ помѣщается причетникъ, кой-гдѣ — церковно-приходская школа... Тѣмъ не менѣе „свои нищіе“ во многихъ мѣстахъ попрежнему занимаютъ въ общемъ строѣ деревни опредѣленное мѣсто...

— Мы всетаки поберегаемъ ихъ, не оставляемъ, — говорилъ мнѣ первый спутникъ перваго дня моихъ скитаній... Теперича, скажемъ, у меня померла мать старуха—въ самую, напримѣръ, страдную пору. Народъ весь въ полѣ, въ церковь что есть и пойти-то некому, помянуть, проводить, помолиться. А на тотъ случай у насъ старички со старухами живутъ. Значитъ, жена у меня должна испечь про нихъ коровашекъ, а они, люди божіи,— помолятся и помянутъ порядочно, какъ слѣдуетъ...

За этими привилегированными нищими, изъ которыхъ многіе не ходятъ даже за милостыней, довольствуясь тѣмъ, что имъ подадутъ въ церкви или принесутъ односельцы на домъ, „поминаючи

родителей",—слѣдуетъ значительный контингентъ тоже признанныхъ нищихъ, другого порядка. Первые—люди до извѣстной степени божіи, церковные, искусники въ поминаніи и въ другихъ житейскихъ, требующихъ особаго моленія, случаяхъ, или угодные своей жизнію. Вторые—ходятъ подъ окнами съ Христовымъ именемъ и молитвой, собирая на бѣдность и комплектуясь изъ рядовъ того же крестьянства, впавшаго въ нужду отъ разныхъ причинъ,—старцы, увѣчные, сироты и убогіе... Въ послѣдніе годы, этотъ пластъ бродячаго нищенства, по наблюденію знающихъ людей, все возрастаетъ, откладывается все прочнѣе и гуще... Онъ вырабатываетъ свои особенные типы, сжившіеся со своимъ положеніемъ, часто имъ злоупотребляющіе и уже не желающіе ничего другого...

— Не пиши Анну, не надо, — сказали мнѣ въ одномъ мѣстѣ, при составленіи списка.

— Что же, у нея свой хлѣбъ есть, что ли?

— Какой у ней хлѣбъ!.. Дыбаетъ, кое-гдѣ, у насъ же проситъ.

— Больна, что ли?

— Хоть карету на ей вези, ничего, утащитъ!.. Да ты ее сколь ни корми, она все по окнамъ ходить не броситъ...

Въ Пичингушахъ у насъ возникъ цѣлый вопросъ о такихъ нищихъ, и я съ глубокимъ интересомъ прислушивался къ толкамъ мордвы по этому поводу.

Всѣ были согласны, что подаютъ теперь очень

перь у церквей и на улицахъ. Г. Зарубинъ обратился къ архіерею (Владиміру, нынѣ Казанскому),—съ просьбой о томъ, чтобы въ церквахъ говорились проповѣди противъ нынѣшней формы милостыни, съ рекомендаціей болѣе цѣлесообразнаго употребленія денегъ на рабочіе дома и пріюты. Архіерей отвѣтилъ на это, что нужно начинать не съ этого конца: пусть прежде возникнутъ новыя формы христіанской помощи и докажутъ на дѣлѣ свою жизненность и полезность. Постройте вашу новую храмину, и тогда старая, приходящая въ ветхость, упразднится сама собою, за ненадобностію.

Въ этомъ весь узелъ вопроса, вся его „злоба", сохраняющая свою остроту вотъ уже нѣсколько вѣковъ. Еще до-петровская Русь знала уже и сознательно ставила передъ собою всѣ неприглядныя стороны этого стихійнаго явленія. Язва нищенства, злоупотреблявшаго Христовымъ именемъ, уже пугала московское правительство. „Чернецы и черницы, безмѣстные попы и діаконы, также крестьяне и гулящіе люди, безчинно и неискусно, подвязавъ руки и ноги, а иные и глаза завѣся и зажмуря, будто слѣпы и хромы, притворнымъ лукавствомъ просили на Христово имя", и такихъ велѣно было имать и отсылать въ приказы. Въ виду этого уже со времени, если не ошибаюсь, Алексѣя Михаиловича, велѣно строить богадѣльни при церквахъ, а также устраивать пріюты въ монастыряхъ. Но изъ богадѣленъ и монастырей, по причинамъ нынѣ намъ весьма по-

нятнымъ, призрѣваемые бѣжали,—потому, конечно, что не получали тамъ никакого кормленія... Правительство поступало тогда по программѣ г-на Зарубина—бѣглыхъ нищихъ ловили и наказывали, и даже подававшихъ на улицахъ имали и брали съ нихъ пеню...

Разумѣется, нужна вся гибкость славянофильскаго витійства, чтобы идеализировать даже эту язву непокрытаго нищенства до-петровской Руси и возводить ее въ перлъ истинно христіанскихъ отношеній между имущими классами и нищей братіей. Но чрезвычайно опасно также дѣйствовать однѣми формальными мѣрами и особенно запрещеніями. Создайте прежде новую храмину и уже послѣ пусть упраздняется старое... А до тѣхъ поръ нужно щадить стихійное, вѣками сложившееся историческое явленіе, и нельзя „отымать ходъ мимо крестовъ“. Это испытала на себѣ и старая Русь, въ видѣ жестокихъ бунтовъ на Москвѣ, когда даже драгуны соединялись со всякихъ чиновъ московскими людишками, разбивали приказы и отымали арестованныхъ „странныхъ и нищихъ людей“...

Безъ сомнѣнія, и самое нищенство, и его злоупотребленія являлись въ Бѣлокаменной въ сгущенномъ, сосредоточенномъ видѣ... Однако, нельзя не пожалѣть, что въ существѣ своемъ вопросъ этотъ и до сихъ поръ не получилъ у насъ никакого раціональнаго исхода. Запрещенія остались, къ счастію, мертвою буквою, а въ прошломъ Россіи не хватило

зиждущей силы для созданія „новой храмины“... Въ городахъ кое-что возникаетъ уже на смѣну старому, но деревня живетъ вся стихійными и неорганизованными процессами... Профессіональное нищенство сказывается здѣсь порой тоже не особенно симпатичными формами, а голодные годы его только укрѣпляютъ. Нищій ребенокъ отъ нищенки матери, можетъ быть, уже внукъ нищаго дѣда, или гибнетъ на глазахъ у благодушной деревенской Руси, или складывается и наслѣдственно, и воспитаніемъ въ совершенно особеннаго человѣка. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ мнѣ приходилось слышать отмѣченныя простодушнымъ юморомъ жалобы деревни на своихъ нищихъ, слишкомъ исключительно понимающихъ свою привилегію.

— Не подашь или мало подашь,—она вѣдь какъ обругаетъ,—говорили мнѣ объ одной такой нищенкѣ,—просто со стыда сгоришь!

— Да, строгая она.

— Язвительная старуха.

— Давеча подалъ ей... что ужъ... извѣстно лебеда одна... Ты, говоритъ, это Христу-то, что подаешь?.. Это, говоритъ,—свиньѣ бросить, такъ и то въ пору...

— Сами, молъ, баушка, тоже травой подавились. Не взыщи, молъ...

— Поди съ ней, поговори.

Въ другомъ мѣстѣ я внесъ въ свой списокъ мальчишку, сироту. Его бабка, такого же типа, какъ и

описанная выше, уходила на цѣлыя недѣли, оставляя питомца безъ призора, въ полной увѣренности, что онъ не пропадетъ и одинъ, оставленный въ опустѣвшемъ гнѣздѣ. И дѣйствительно, „слетышъ“ съ младыхъ ногтей оказался уже приспособленнымъ къ своему роду жизни.

— Этто вхожу подъ вечеръ въ избу, изъ лѣсу вернулся,—разсказывалъ одинъ изъ „стариковъ“, улыбаясь, пока я заканчивалъ свой списокъ и отмѣчалъ мимоходомъ происходившіе въ сборной разговоры,—гляжу: ребята у меня на полу плачутъ. А уходилъ,—всѣ на печи сидѣли... Что, говорю, плачете, пошто на полъ слѣзли?.. Глядь, а на печи-те Гришка сидитъ, обобралъ всѣ куски у нихъ; самъ уплетаетъ, ажно глазы оттуда блестятъ съ печи-те...

— Вишь ты, кукушонокъ!..

— Невелика птичка, да ноготокъ востеръ.

— Пиши его, ваше благородіе, пиши! Все, можетъ, въ столовой-те налопается, не станетъ у нашихъ кусокъ отымать...

Деревня, конечно, и видитъ, и знаетъ все это, и однако она свято чтитъ право Христова имени. Та-же самонадѣянная „практика“, монополизировавшая за собой знаніе народной жизни,—расправляется по своему и съ этимъ глубоко залегающимъ бытовымъ явленіемъ. Признаюсь, мнѣ стало жутко, когда я услыхалъ, еще въ мартѣ, что въ нѣкоторыхъ селахъ въ участкѣ г-на Пушкина урядники гоняютъ нищихъ. Очевидно, урядники посягали на

право „идти мимо крестовъ“ не по своей инициативѣ: это лукояновская система по своему искореняла нищенство въ видахъ полемики съ губерніей. Народъ отзывался объ этой мѣрѣ съ глухимъ, но глубокимъ негодованіемъ,—и великое счастіе, что усилія урядниковъ остались до смѣшного безсильны: дѣтски-самонадѣянная попытка напоминала просто стремленіе загородить ходъ весеннимъ потокамъ глыбою снѣга. Урядники потормошились нѣсколько дней въ двухъ селахъ и бросили...

И опять нищіе шли вереницами, порой толпами, и подъ окнами невозбранно раздавалось имя Христово... Народъ знаетъ лучше, чѣмъ „практическіе знатоки его жизни“, что злоупотребленіями не исчерпывается самое явленіе, и притомъ, вѣдь, это онъ же сложилъ извѣстную нашу поговорку: отъ сумы, какъ и отъ тюрьмы, не зарекайся.

Въ томъ-то и дѣло, что явленіе это живое и болящее, что оно не покрывается простой и огульной характеристикой. Въ одной экономіи мнѣ разсказали такой случай: когда нищіе хлынули толпами,—пришлось поневолѣ сокращать выдачи до ничтожныхъ кусочковъ. Тогда нѣкоторыя нищенки ухитрились обойти это неудобство. Получивъ на свою долю, онѣ уходили за большія полѣнницы дровъ и, обмѣнявшись платками, тотчасъ же возвращались назадъ. Такъ, мѣняя платки, кафтаны, закрывая лица,— онѣ обманывали экономію, пока хитрость не была открыта. И тутъ же, непосредственно послѣ этого,

можетъ быть и простительнаго, но все же некрасиваго эпизода, мнѣ была разсказана слѣдующая грустная повѣсть. Хозяйка зажиточной избы услышала за окномъ робкій голосъ. Выглянула,—никого. Черезъ нѣкоторое время тихая молитва звучала опять, и опять никого. Но тутъ уже хозяйка замѣтила, что кто-то прижался къ стѣнѣ. Оказалось, что это сосѣдка, въ первый еще разъ въ своей жизни прибѣгнувшая къ милостынѣ. Она вышла изъ дому, побуждаемая крикомъ дѣтей, и, сгорая отъ стыда, заводила нищенскую пѣсню. Но каждый разъ, она не могла побѣдить себя, когда на нее смотрѣли, и инстинктивно прижималась къ простѣнку... А дома все плакали голодныя дѣти, и она опять шла, и такъ проходили долгіе часы перваго нищенскаго дня между мукой горькой нужды и жгучимъ мученіемъ стыда.

Вообще, стыдомъ и мученіемъ сопровождалось это явленіе въ огромномъ большинствѣ случаевъ, потому что голодный годъ, къ двумъ указаннымъ выше разрядамъ нищихъ, прибавилъ третій. Это былъ, именно, тотъ промежуточный послѣдній пластъ крестьянства, который еще держался въ числѣ „жителей“ и которыхъ неурожай столкнулъ съ этой ступеньки. Они пошли тоже съ Христовымъ именемъ,—нѣкоторые навсегда, другіе съ надеждой на будущій урожай, на милость Господню, которая еще дастъ имъ подняться. И этотъ новый пластъ новаго нищенства поглотилъ оба прежніе разряда...

Просить у себя, гдѣ еще недавно этихъ нищихъ знали за хозяевъ, жителей, крестьянъ, за домовитыхъ, хотя и небогатыхъ крестьянокъ,—всего тяжелѣе, и потому, по большей части, непривычные нищіе старались уйти, по крайней мѣрѣ, въ чужое село, гдѣ ихъ не узнавали въ лицо.

— Наши завсе къ нимъ, а ихніе нищіе къ намъ такъ всю зиму и ходили, точно шерсть бьютъ, — картинно охарактеризовалъ мнѣ эту стыдливую взаимность крестьянинъ, отвозившій меня изъ села Пикшени въ Большое Болдино...

Впослѣдствіи, уже лѣтомъ, пришлось мнѣ уѣхать изъ большого села Кельдюшева, и я попросилъ нанять мнѣ лошадь. Я избѣгалъ пользоваться обывательскими лошадьми, чтобы не придавать своимъ поѣздкамъ характера оффиціальности, но на этотъ разъ, зная, что я плачу прогоны, мірской ямщикъ настоялъ на своемъ правѣ везти меня на своей совершенно заморенной клячѣ.

— Да я тебѣ еще, ваше благородіе, колоколъ подвѣшу,—утѣшалъ онъ меня не безъ ироніи, почти насильно усаживая въ таратайку. Однако, дорогой, исключительная худоба и негодность мірского буцефала служили для насъ единственнымъ предметомъ разговора.

— И въ полѣ-то, почитай, не работала,—говорилъ мнѣ ямщикъ, задумчиво вытягивая клячу ласковымъ ударомъ кнута.

— Все начальство, что ли, возила?—соболѣзновалъ я.

— Начальство само собой, съ ногъ сбили! А этто вотъ еще нищіе замаяли.

— Это еще какъ? Неужто нищихъ тоже на мірской счетъ развозите?

— Повезешь, какъ его ноги не носятъ... Хлѣбъ народишко-те пріѣлъ, подаютъ по экому вотъ кусочку, съ ноготь,—что станешь дѣлать... Бродитъ онъ, бродитъ, можетъ, сотню верстъ отъ дому-те отошелъ... Убезсилѣетъ, конечно, свалится у дороги, то и гляди подбираютъ...

— Ну, и что-же?

— Ну, и вези его, отъ села къ селу, по десятникамъ, на обывательскихъ... А то еще дорогой помретъ, чистая съ ними склека...

Это было уже въ позднее время, передъ новымъ хлѣбомъ... Всѣ запасы исчезли, и даже значительно усиленная (послѣ побѣды губернской политики) ссуда только отчасти смягчала нужду. Народъ тянулся изъ послѣдняго, до сбора хлѣба,—крестьянская Русь изнемогала, а нищенствующая переживала самое тягостное время и,—какъ видимъ изъ этого безхитростнаго разсказа, — гибла, „убезсиливая" на дорогахъ.

Но до тѣхъ поръ сила Христова имени оказала нашей родинѣ великую услугу, потому что это большая распредѣляющая сила. Въ числѣ самыхъ насущныхъ потребностей крестьянской избы есть и насущная потребность „подать ради Христа“ и много горечи въ положеніи семьи, которая на стукъ въ оконце и на молитву вынуждена отвѣтить: Богъ подастъ. Это значитъ, по большей части, что скоро, быть можетъ, завтра—и эта семья выйдетъ на ту же скорбную тропу.

Есть въ Лукояновскомъ уѣздѣ деревня Роксажонъ, лежащая на самой границѣ съ уѣздомъ Сергачскимъ. Ручеекъ и досчатый мостикъ отдѣляютъ деревню отъ такой же сосѣдней, лежащей уже въ участкѣ г-на Ермолова, соблазнявшаго лукояновцевъ систематическимъ и сравнительно обильнымъ кормленіемъ. Въ Роксажонъ я пріѣхалъ ранней весной открывать свою столовую, и одновременно со мной вошелъ въ деревню старикъ нищій. Долго, пока собирался народъ въ сборную, я слѣдилъ за нищимъ, какъ онъ шелъ по порядку, затягивая подъ каждымъ окномъ свой напѣвъ.

— Господи Іисусе Христе...

И рѣдкое окно не открывалось, и изъ рѣдкаго окна не протягивалась рука съ маленькимъ кусочкомъ хлѣба. На Сергачской сторонѣ это былъ порядочный всетаки хлѣбъ, хотя и съ замѣтной примѣсью лебеды. Въ Роксажонѣ—это была лебеда, съ

едва замѣтной примѣсью ржаного хлѣба... Но подавали въ обѣихъ...

Впослѣдствіи мнѣ пришлось провести нѣсколько дней въ Большомъ Болдинѣ и почти случайно я наткнулся тамъ на трогательное объясненіе этого единодушія, этого поистинѣ самоотверженнаго милосердія, заставляющаго отдавать предпослѣдній кусокъ хлѣбъ тому, кто уже съѣлъ послѣдній... Общественное значеніе этого явленія и громадно, и понятно. Вмѣсто того, чтобы одному замкнуться со строго-разсчитаннымъ запасомъ своего хлѣба, едва хватающаго для себя, а другому умирать голодною смертію, — первый дѣлится со вторымъ, увеличиваетъ у себя примѣси суррогатовъ, тянетъ, пока можетъ, а когда не можетъ—идетъ и самъ съ сумой на спинѣ, съ именемъ Христа на устахъ. И вотъ, первые не умерли съ голоду, а вторые не доѣдали, хворали, и вся голодная Русь тяжело, кое-какъ перевалила къ новой жатвѣ. Христово имя если далеко не уравняло богача съ бѣднякомъ, то все же хоть до извѣстной степени сблизило эти разряды и даже богача заставило участвовать въ общемъ бѣдствіи. Пусть одной рукой онъ наживался порой отъ народной невзгоды, но все же и у него шло много хлѣба на милостыню, и онъ подмѣшивалъ нерѣдко лебеду къ своей ржи...

Итакъ, я жилъ въ Большомъ Болдинѣ, у вдовы содержателя постоялаго двора. Это была, правда, добрая старуха, о которой у меня осталось одно

изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній. Землю у нея міръ отнялъ, и она съ двумя дочерьми кормилась, продолжая дѣло мужа. Жили онѣ безбѣдно, но и не богато, и, кажется, вдовѣ всетаки приходилось порой тяжеленько.

Разъ, проснувшись рано утромъ, я сѣлъ записать свои впечатлѣнія, а въ это время мимо окна прошла къ хозяйкѣ какая-то женщина. Потомъ другая, и вскорѣ обѣ онѣ вышли и обѣ, проходя подъ моимъ окномъ, прятали за пазуху по ломтю хлѣба. Я сталъ считать вновь приходящихъ и насчиталъ въ $1^1/_2$ часа около десяти человѣкъ.

— А много къ вамъ нищенокъ ходитъ,—сказалъ я, когда хозяйка вошла съ самоваромъ.

— Много,—отвѣтила старуха спокойно.

— Я вотъ гляжу уже болѣе часу...

— И-и... Этто что! Поглядѣлъ бы ты поранѣе, часовъ съ четырехъ... Теперь скоро и совсѣмъ перестанутъ, къ полудню.

— И все подаете?

— Какъ не подашь.

— Чай, много хлѣба уходитъ.

— И не считаемъ мы, не годится считать.

— Почему?

— Хуже будетъ. Вѣрно, не смѣйся. Этто своякъ у меня въ N—скомъ селѣ живетъ. Такъ онъ, слышь ты, усчитать себя вздумалъ. Много, молъ, хлѣба подаемъ. Дай-ка, говоритъ, сосчитаю одну недѣлю,

а на другую не стану подавать, погляжу, много-ли, молъ, менѣе на однихъ на насъ уйдетъ...

— Ну?

— То-то вотъ, какъ усчиталъ, анъ на свою-то семью, безъ нищихъ-те, вдвое и вышло.

Эту легенду мнѣ пришлось слышать не однажды, и всякій разъ она повторялась съ увѣренностію совершенно испытанной реальной истины. Когда мы говоримъ порой, что „много есть на свѣтѣ, другъ Гораціо, чего не снилось нашимъ мудрецамъ“,—то это для насъ вопросъ отвлеченный и теоретическій. Когда же народъ передаетъ свою легенду объ усчитанномъ хлѣбѣ, то для него это настоящее и близкое, самое практическое соображеніе, которое, помимо всего прочаго, выгодно принять къ руководству... И передъ этой увѣренностію, передъ силой этой легенды исчезаютъ и стираются отдѣльныя индивидуальности, вырабатывается нѣкоторая общая, мірская добродѣтель, создается цѣлая общественная сила.

Въ другой разъ мнѣ довелось ѣхать на почтовыхъ на югъ уѣзда, по большому тракту. Со мною поѣхалъ за ямщика содержатель станціи, личность съ сиплымъ голосомъ и жесткимъ нравомъ. Самъ человѣкъ зажиточный и, повидимому, кремень, онъ, какъ я слышалъ, изрядно прижималъ ямщиковъ, находя, что голодный годъ какъ разъ подходящее время для того, чтобы сбавить плату. А такъ какъ тѣ упирались и выражали другія мнѣнія, то между

нимъ и „народомъ“ установились тѣ „истинно-практическія“ отношенія, которыя намъ достаточно извѣстны изъ многихъ другихъ примѣровъ. Всѣ его отзывы были желчны, враждебны и его менѣе всего можно было заподозрить въ гуманности. И, однако, онъ расходился съ лукояновскими практиками въ одномъ: не порицалъ правительство за выдачу ссуды.

— Помилуйте, вѣдь это бѣда была бы. Хлѣба одного уходило,—не напасешься.

— На милостыню?

— Ну-ну!

— А вы считали?

— Не считали, а видно.

— Не подавали бы...—закинулъ я, ожидая, что онъ скажетъ.

— Какъ не подать. Не подашь ему, оттого у тебя больше не станетъ, а всетаки меньше...

— Это какъ?

— Такъ, господинъ, ужъ это вѣрно...

Я зналъ уже, почему это вѣрно, и мнѣ на этотъ разъ было чрезвычайно интересно слѣдить, съ какимъ выраженіемъ онъ произносилъ слово *ему*. Это былъ тонъ истаго „лукояновца“, много и навѣрное сочувственно толковавшаго съ лукояновскими господами, разъѣзжавшимися со своихъ сократительныхъ засѣданій,—объ *его* („пьяницы и лѣнтяя“) мерзостяхъ и порокахъ. Во всякомъ случаѣ, менѣе всего было въ этомъ тонѣ христіанской любви и снисхожденія къ ближнему...

Но легенда жива въ его воображеніи, и результаты получаются тѣ же. И впослѣдствіи не одинъ разъ и не въ одномъ мѣстѣ приходилось слышать ту же легенду и видѣть доброе дѣло, исходившее изъ дурныхъ рукъ и не сопровождавшееся любовью... Хотя, конечно, чаще можно было видѣть тотъ же кусокъ хлѣба, подаваемый съ ласковымъ, ободряющимъ словомъ, съ добрымъ чувствомъ...

Въ этомъ, безъ сомнѣнія, очень много трогательнаго, и подъ легендой бьется, конечно, то же вѣчное начало любви, розыскивавшее для себя ощупью годами и поколѣніями эту наивную форму. Но развѣ для этого начала необходимы только такія формы? Пусть умиляется надъ этимъ, кто можетъ. Мнѣ же каждый разъ становится грустно, когда я подумаю, что эта великая народная доброта, эта огромная общественная сила, оказавшая въ голодный годъ такія громадныя услуги, избавившая нашу родину отъ бѣдствія и позора многихъ голодныхъ смертей,— что эта система въ весьма значительной мѣрѣ покоится на простой ариѳметической ошибкѣ...

Какъ бы то ни было,—читатель, надѣюсь, согласится со мною, что явленіе, которое я пытался обрисовать здѣсь этими сбивчивыми и слишкомъ бѣглыми чертами,—полно глубокаго смысла и заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Нищенство на Руси— это грандіозная народная сила, измѣнчивая и упру-

гая, то поглощающая въ себѣ огромныя массы, то опять выдѣляющая ихъ изъ своихъ нѣдръ. Для внимательнаго взгляда—это показатель самыхъ серьезныхъ и глубокихъ измѣненій въ глубинахъ народной жизни. Это уравнитель и буферъ, до извѣстной степени устраняющій многія опасности,—и во всякомъ случаѣ о нихъ предупреждающій, если мы сумѣемъ воспользоваться его указаніями. Вспомнимъ хотя-бы о томъ, что всѣ самыя мрачныя страницы нашей исторіи всегда обильны стереотипнымъ припѣвомъ: „толпы нищихъ бродили по дорогамъ"... И самая страшная историческая ошибка состояла въ легкомысленномъ мнѣніи, что съ этимъ явленіемъ можно бороться внѣшними мѣрами...

Все эти мысли, съ большей или меньшей ясностію, мелькали у меня въ умѣ, когда мы ѣхали въ обратный путь изъ лукояновской Камчатки... И мнѣ невольно становилось жутко и страшно этой весны... Туманъ набирается надъ снѣжными далями, сгущаются облака, носятся и каркаютъ вороны. Дорога рушится, и скоро уже, скоро всѣ эти Шандровы, Чеварды, Петровки и Обуховки очутятся въ весенней осадѣ, отрѣзанными отъ всего міра... А между тѣмъ, уѣздная коммиссія, обмирающая, какъ уже было сказано, на двѣ недѣли,—въ послѣднемъ засѣданіи рѣшила продолжить этотъ періодъ спячки: 7 марта постановлено, что 21 марта и 5 апрѣля

обычныхъ засѣданій не будетъ. Итакъ, — полтора мѣсяца уѣздъ будетъ безъ центральнаго продовольственнаго органа и это — въ самое критическое время!

Вотъ что значитъ „спокойно заниматься своимъ дѣломъ“.

XVI.

Интересная этнографическая группа.—Недоразумѣніе.—«На одно лицо».—Малые надѣлы.

Да, наша русская жизнь, несомнѣнно, обладаетъ той особенностью, о которой мнѣ приходилось уже говорить: всѣ слѣды на ней затягиваются быстро, полно и незамѣтно. Пролетитъ въ какомъ нибудь мѣстѣ русской земли въ сухіе годы красный пѣтухъ, освѣтится она заревомъ, пронесутся крики и стоны, потянутся по дорогамъ телѣги, сопровождаемыя изможденными и усталыми погорѣльцами,—и, смотришь, опять на прежнихъ мѣстахъ становятся избяные срубы, опять крыши покрываются соломой и опять стоитъ себѣ деревянная, соломенная Русь съ надеждой на Бога и со смиреніемъ готовая принять новое „попущеніе“. А о пожарѣ уже забыли, и даже деревенская хронологія не считается съ нимъ. Очень рѣдко услышите вы въ деревнѣ фразу: „это было до пожара“ или „послѣ пожара“. Гдѣ ихъ всѣ-то упомнить, пожары-то эти! Столько ихъ было—и большихъ, и малыхъ, и середнихъ, что ужъ и не разли-

чишь въ памяти. И такъ все у насъ. Письменность слаба, мемуаристовъ мало, и проходитъ событіе за событіемъ, туча за тучей, гроза за грозой, не отмѣчаясь въ народной памяти, и если оставитъ какая нибудь буря свой отголосокъ въ народной пѣснѣ, то такой смутный, глухой и неопредѣленный, что по немъ даже не узнаешь: въ чемъ тутъ дѣло...

На сей разъ мысли эти вызваны во мнѣ „кочубействомъ".

Говоря въ одномъ изъ прошлыхъ очерковъ о „Василевомъ-майданѣ", я упоминалъ уже объ интересной этнографической группѣ, населяющей значительную часть Лукояновскаго уѣзда. Василевъ-майданъ, расположенный на большой дорогѣ, протянувшейся изъ Лукоянова въ Починки, а оттуда далѣе на югъ въ Пензенскую губернію, представляетъ, если не ошибаюсь, послѣдній, самый западный пунктъ разселенія этой группы. Центръ ея — „Новая слобода", въ сорока верстахъ на юго-востокъ отъ Лукоянова. Вокругъ кочубеевской слободы,—ближе—гуще, по далѣе—рѣже,—разсыпаны села (майданы), деревушки и поселки, жители которыхъ отличаются отъ остального населенія говоромъ, одеждой и отчасти (слабо) обычаемъ.

Появились они здѣсь болѣе ста лѣтъ назадъ. Ну, какъ бы, кажется, не помнить этимъ тысячамъ людей, переселеннымъ съ родины въ чужое мѣсто,—откуда пришли ихъ дѣды или прадѣды. Но „кочубейство" не помнитъ. „Кто знаетъ! Кочубейство, да

кочубейство,—а болѣе не знаемъ. Говорятъ про насъ разно: паны, будаки, литва, поляки, черкасы... А съ какой именно земли,—неизвѣстно". Одежда съ поясами и „поньками" изъ самодѣльнаго сукна, головные платки, повязанные особеннымъ образомъ (узломъ наверху головы, вродѣ малороссійской кички), мягкій говоръ, порой съ малорусскимъ, на о, порой съ бѣлорусскимъ произношеніемъ, кой-гдѣ мазаная хатка, кое-гдѣ обрывокъ пѣсни и всюду типическія, сохранившія свои отличія физіономіи (преимущественно у женщинъ), — говорятъ о какой-то иной родинѣ. Но опредѣленныя воспоминанія объ этой старой родинѣ исчезли.

Въ уѣздѣ я слышалъ, будто есть гдѣ-то старая „лѣтопись", въ которой „все написано по старинѣ". Однако, кажется, рѣчь шла лишь о церковной записи, которою отчасти пользовался священникъ о. Г—въ, авторъ брошюры о Василевомъ-майданѣ (на которую мнѣ уже приходилось ссылаться). По словамъ отца Г. Г—ва,—„жители села Василева-майдана—малороссійскаго племени *), вывезены изъ Черниговской губерніи, Батурина и Опотечъ... Вмѣстѣ со многими другими, находившимися въ крѣпостной зависимости у графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго и жены его Варвары Петровны, они вывезены сюда на жительство въ свободные лѣса

*) Малороссами же называетъ всю группу Н. И. Русиновъ въ статьѣ, помѣщенной во 2-мъ томѣ «Нижегор. Сборника", издававшагося под. ред. А. С. Гацисскаго.

изъ малороссійскихъ имѣній Разумовскихъ*). Первоначальное мѣсто поселенія было сплошь покрыто лѣсами,—такъ что первые пришельцы должны были здѣсь останавливаться на небольшихъ полянахъ,—и эти мѣста, извѣстныя здѣсь подъ именемъ „майдановъ-полянъ", послужили поводомъ къ названію селеній. Такъ, напримѣръ, Василевъ-майданъ,—иначе Василевъ-станъ, получилъ, вѣроятно, свое названіе отъ имени главнаго вожака переселенцевъ, остановившагося на этомъ мѣстѣ со своей партіей,—Василья; Елфимовъ-майданъ—отъ Ефима и т. п.".

Къ этимъ чертамъ можно прибавить еще смутныя воспоминанія о томъ, что не разъ и въ крѣпостныя времена бывали голодные годы, когда бѣдные „паны" ѣли „жилыя колоды (!), желуди и мякину, а о посѣвахъ нечего было и думать". Ну, и разумѣется, какъ это бывало всюду на Руси,—„крестьяне самовольно уходили кто-куда могъ, кто-куда зналъ, никто объ этомъ не спрашивалъ, бѣг-

*) Авторъ относитъ переселеніе къ концу XVII или началу XVIII вѣка, но это, повидимому, ошибка. Такъ какъ рѣчь идетъ, очевидно, о сынѣ бывшаго гетмана Кирилла Гр. Разумовскаго, то переселеніе должно было совершиться уже при Екатеринѣ. Съ другой стороны, авторъ говоритъ о построеніи перваго храма, въ Василевомъ майданѣ въ 1716 году, т. е. еще при Петрѣ. Это или тоже ошибка, или переселенцы-малороссы изъ имѣній Разумовскаго могли быть поселены въ готовомъ селѣ, изъ котораго жители разбѣжались (это вѣдь у насъ бывало), или, наконецъ, они вышли, дѣйствительно, гораздо ранѣе.

лаго никто не искалъ“. „Паны брели врозь“ со своей новой родины.

Уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія огромныя жалованныя владѣнія Разумовскихъ, населенныя переселенцами, распались на двѣ части: одна пошла въ приданое князю Кочубею, другая Рѣпнину. Этотъ послѣднiй владѣлецъ былъ хозяиномъ Василева-майдана, гдѣ и до нынѣ одна мѣстность называется „Рѣпнинскими или Рѣпьевскими сѣчами“. Впослѣдствіи Василевъ-майданъ и нѣкоторыя болѣе западныя поселенія перешли къ кн. Витгенштейну, а отъ него къ Ѳедору Петровичу Лубяновскому, оказавшему князю какія-то услуги по возстановленію его правъ на владѣніе въ Польшѣ. Восточная, болѣе значительная часть бывшихъ имѣній Разумовскихъ осталась за Кочубеями, и центръ ихъ, новая слобода, до сихъ поръ носитъ мѣстное названіе „Кочубеевской слободы“, а тянувшія къ ней по крѣпостной зависимости села и деревни извѣстны подъ общимъ названіемъ „Кочубейства“.

Въ „Новой слободѣ“ воспоминанія о прошломъ также смутны. Одинъ служащій въ кочубеевской вотчинной конторѣ, состарившійся среди черныхъ шкафовъ съ разными „вотчинными дѣлами“, почерпнулъ изъ запаса своей старой памяти нѣсколько обрывковъ: слободское и около-слободское населеніе составилось, повидимому, не въ разъ и не изъ одного мѣста. Разныя названія, какъ будаки (будтобы отъ обуви, вродѣ „котовъ“), паны (изъ поль-

скихъ краевъ), лемаенки (изъ Малороссіи),—обозначаютъ разныя населенія этого пришлаго люда. Первая церковь куплена стариками на сносъ, въ селѣ Березенкахъ (около Починокъ) и перевезена въ слободу въ 1791 г. Въ двадцатыхъ годахъ управляющій кочубеевскими вотчинами Карауловъ вздумалъ было заняться „обрушеніемъ" кочубеевцевъ. Въ чемъ собственно было дѣло и какой опасностью грозили несчастныя особенности „панскихъ" костюмовъ—понять трудно, но только поньки (юбка изъ коричневаго грубаго домотканнаго сукна) и суконные же пояса, поверхъ поньки,—подверглись вдругъ жесточайшему гоненію. По приказанію Караулова бурмистры рѣзали на бабахъ эти юбки, срывали пояса и водили ихъ въ такомъ видѣ по селу „для сраму". Оказалось, однако, что народъ не отступился отъ своей одежды. Онъ забылъ свое происхожденіе и старую родину, оставилъ многіе обычаи, измѣнилъ въ значительной степени даже языкъ,—но вынесъ всѣ гоненія, отстоялъ особенности костюма.

Къ этому нужно прибавить, что все это кочубейство, паны, будаки и лемаенки—народъ красивый, мягкій, какъ и ихъ говоръ, и добродушный. Женщины очень стройны, отличаются даже походкой, гибкой и граціозной, здоровьемъ и силой. Онѣ любятъ веселье и пѣсню (не въ нынѣшній, однако, годъ) и, говорятъ, не отличаются суровой добродѣтелью. Впрочемъ—honny soi qui mal y pense... Это,

должно быть, такой-же даръ старой родины, какъ рѣчь и одежда: въ крови осталось еще солнце тѣхъ странъ, гдѣ умѣютъ и пѣть, и любить, и веселиться. А жизнь на росчистяхъ изъ-подъ Муромскихъ лѣсовъ не красна...

22-го марта я направился въ юго-западную часть уѣзда и погрузился въ самыя нѣдра кочубейства.

Выше мнѣ приходилось уже говорить о положеніи продовольственнаго дѣла во 2-мъ земскомъ участкѣ, къ которому принадлежитъ слобода со всѣми прилегающими майданами и полянами. Уѣздная политика отразилась различно на описанной въ предыдущихъ очеркахъ залѣсной Камчаткѣ и на бѣдныхъ „панахъ". Камчатка понесла жестокую контрибуцію въ началѣ войны уѣзда съ губерніей, контрибуцію, понизившую цифру ссуды до 5 фунтовъ. Однако, когда выяснилось, что и Нижній тоже не шутитъ, г. Бестужевъ ударилъ отбой, и цифра ссуды, поднявшись въ мартѣ, продолжала торопливо подниматься въ спискахъ на апрѣль. Итакъ, для Камчатки самое трудное время осталось назади. „Панамъ" самое трудное время еще предстояло: въ отвѣтъ на нѣкоторыя мѣры, принятыя въ Нижнемъ, г. Пушкинъ сократилъ весеннія ссуды: въ мартѣ общія цифры понизились, и рѣдкія прежде выдачи по 30 фунтовъ для сиротъ и безземельныхъ — со-

всѣмъ исчезли. На апрѣль ожидали новаго появленія того же сократительнаго направленія...

Часа въ два я сидѣлъ за столомъ въ сборной избѣ села Дубровки, занося въ записную книжку свои впечатлѣнія, пока въ избу тихо набирались „старики“. Мужики входили какіе-то угрюмые, молчаливые, въ толпѣ ясно чувствовалось напряженное и недовѣрчивое ожиданіе. Когда, видя, что изба почти полна, я обратился къ „дубровцамъ“ съ нѣсколькими словами, объяснявшими цѣль моего пріѣзда,—мужики встрѣтили эти слова угрюмымъ молчаніемъ.

— Нѣтъ,—рѣшительно сказалъ, наконецъ, одинъ изъ толпы,—не выйдетъ!

— Что не выйдетъ?

— Этакъ не сойдется у насъ.

— Всѣ мы бѣдные!—загудѣла толпа,—всѣхъ по ряду пиши, по порядку. Всѣмъ нужно! А этакъ не надо намъ!

— Тридцать человѣкъ накормите, а остальнымъ гладомъ, что ли, помирать!..

— Вотъ мнѣ въ хевралѣ давали, а ноньче отказъ!

— И мнѣ, и мнѣ... А намъ вотъ сбавили на 3-хъ человѣкъ!.

— Не выйдетъ... Нѣ-ѣтъ, не выйдетъ...

Я начиналъ понимать... Меня поражало вначалѣ то однообразіе впечатлѣній, которое я выносилъ съ сельскихъ сходовъ. Мастерская картина, набросанная Л. Н. Толстымъ въ его извѣстной бро-

шюрѣ „Какъ помочь голодающему населенію“,—казалось, совершенно исчерпывала всѣ описанія всѣхъ этихъ собраній „стариковъ“ для составленія списковъ столовыхъ,—съ ихъ краткими, мѣткими характеристиками отдѣльныхъ случаевъ нужды, съ ихъ серьезной правдивостью или благодушнымъ юморомъ. Читатель, быть можетъ, замѣтилъ, что и мнѣ на протяженіи этихъ незатѣйливыхъ очерковъ приходилось не разъ повторять ту же, данную Л. Н. Толстымъ, картину, варьируя только это безконечное разнообразіе мѣткихъ народныхъ словечекъ... Однако, приглядываясь дальше, я невольно сталъ различать оттѣнки, которые все болѣе и болѣе глубокими чертами выдѣляли передо мной эти столь однообразныя вначалѣ картины, налагая на каждую отдѣльную „громаду—великаго человѣка“ черты ея особенной индивидуальности. Угнетенная толпа „нежителей“ сифилитической Петровки, шумливый сходъ въ Кирлейкѣ (Пруды-тожъ), лукавые мордовскіе сходы, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло впослѣдствіи, наконецъ, сходы „пановъ“, начавшіеся съ легкаго упорства въ Дубровкѣ и закончившіеся тяжелыми, почти потрясающими картинами, которыя мнѣ придется описать въ дальнѣйшихъ очеркахъ,—все это раздвинуло передо мной первоначальную, общую схему, выдвинуло индивидуальныя различія тамъ, гдѣ прежде царило полное сходство и однообразіе, гдѣ всѣ казались прежде „на одно лицо“.

скорбью рисовали передо мной положеніе деревни. Вплоть къ околицѣ примкнула помѣщичья земля; свои 5 сажень выпаханы совершенно. „Спросите кругомъ,—говорили мнѣ мужики.—Спросите, кто работаетъ больше нашего. Никто! А спросите еще,—съ какого мѣсяца наши нищіе идутъ по деревнямъ съ сумами? Хорошо-хорошо какъ съ новаго году“...

Да, это опять не зависитъ отъ „недорода“ въ нынѣшнемъ году. Помилуйте,—говорили мнѣ совсѣмъ съ другой стороны,—о чемъ тутъ кричать и волноваться. Посмотрите на тѣхъ же дубровцевъ или пралевцевъ... Да вѣдь это вѣчные нищіе. Это у нихъ всегда.

Я никогда не могъ понять эту точку зрѣнія. По моему, тѣмъ хуже, чѣмъ больше причинъ волноваться и ставить вопросы о томъ, какъ это могло случиться, и какъ это можетъ оставаться, и какъ можно съ этимъ мириться?

Въ данномъ случаѣ, произошло это очень просто. Мы видѣли, какъ обездолили себя василевомайданцы. Такъ, въ туманѣ легенды, являются все-таки какіе-то два проблематическіе субъекта съ „золотой грамотой“. Въ Дубровкѣ не было ничего подобнаго, и однако, когда пришло время освобожденія и выкупа,—дубровцы „забунтовали“. По всей мужицкой Руси того времени (и только ли того?) носились какія-то миѳическія представленія объ общественныхъ отношеніяхъ и, главное, о землѣ. Когда дубровцамъ предложили сдѣлку съ помѣщи-

комъ, старики стали соображать: „За что платить? Что господа станутъ дѣлать съ землею? Разумѣется, отступятся безъ дарового труда, бросятъ и уѣдутъ себѣ за границу. Земля и такъ будетъ наша“. Итакъ, передъ дубровцами ясно выступила задача: платить за землю не слѣдуетъ, а если платить, то какъ можно меньше... А тамъ, — все равно будетъ наша!..

И дубровцы на томъ себя утвердили.

Дубровцамъ тоже разъясняли, дубровцевъ тоже усовѣщивали, дубровцевъ тоже „усмиряли“. Изъ толпы, меня окружавшей въ то время, когда я слушалъ эту печальную исторію,—вывели древняго старца, съ сѣдыми лохмами волосъ на старой головѣ, съ потухшими глазами. Это былъ одинъ изъ тѣхъ стариковъ, обездолившихъ Дубровку. Его тоже „усмиряли“, онъ тоже противился.

— Вѣрно! — подтвердилъ старикъ скорбно. — Исправникъ усмирялъ. Губернаторъ Муравьевъ *) самъ выѣзжалъ... Что вы, говоритъ, мужики, опомнитесь, говоритъ! Несчастными себя дѣлаете... Хорошо, правильно говорилъ, нечего сказать... Да вотъ поди ты! Міромъ уперлись, ничего не подѣлаешь...

Замѣчательно, что ни этотъ старикъ не винилъ себя лично, ни его, одного изъ виновниковъ бѣды,— не обвинялъ никто. „Міръ,—ничего не подѣлаешь“. Міръ осѣнила идея, міръ „укрѣпился“ на ней, міръ

*) Александръ Николаевичъ—декабристъ.

Но если мужикъ кажется „на одно лицо“ намъ, имѣющимъ болѣе возможности и наблюдать, и анализировать его,—то уже совершенно понятно, что мы тоже кажемся „на одно лицо“ мужику. Чиновникъ, полицейскій, земецъ, избранный на безсословномъ земскомъ собраніи, земскій начальникъ, несущій съ собой рѣзкій принципъ сословнаго преобладанія, врачъ, служащій по найму отъ земства, и исправникъ, представитель чисто-административнаго начала, наконецъ,—частный благотворитель въ нѣмецкомъ платьѣ—всѣ мы для деревни просто „господа“, дѣйствующіе заодно, по какому-то одному невѣдомому деревнѣ плану, „ихъ благородія“ *), несущіе въ деревню какое нибудь требованіе, поборъ и тяготу...

Въ сосѣднихъ уѣздахъ, въ сосѣдней губерніи выдачи производятся сравнительно щедро. Но вотъ, уѣздъ, постигнутый неурожаемъ въ высокой степени, получаетъ меньше другихъ, и въ самое трудное весеннее время „господа“ начинаютъ еще сокращать ссуды. Мужикъ не понимаетъ причины, но отлично чувствуетъ результаты, и при этихъ-то условіяхъ являюсь въ деревню Дубровку я, новое его благородіе, никому невѣдомое, и требую у мужиковъ, чтобы они назвали человѣкъ 30 „бѣднѣйшихъ“ для оказанія имъ помощи. Дубровка, при звонѣ колокольцовъ, ждала случая принести какому нибудь

*) Мнѣ стоило большого труда внушить мужикамъ, что я не имѣю права на этотъ титулъ.

„господину“ свои просьбы объ общей помощи. Дубровка разочарована и, кромѣ того, Дубровка подозрѣваетъ, что у господъ есть тутъ какой-то общій единый планъ, планъ довольно лукавый. Дубровка назоветъ 30 бѣднѣйшихъ и тѣмъ признаетъ, хотя и косвенно, что остальные не бѣдны, что остальные „продышутъ“ и сами.

И вотъ, мы съ Дубровкой стоимъ лицомъ къ лицу, а между нами стоитъ „недоразумѣніе“...

— Всѣхъ поряду пиши,—требуетъ Дубровка.— Всѣ равны, на поляхъ ни зерна не было. Работы нѣтъ. По хуторамъ усюду народу усилило...

Это правда. Отъ рабочихъ на хуторахъ нѣтъ отбою,—это говорили мнѣ управляющіе и это не могло быть иначе.

— На степѣ тоже усилило народу, податься некуда.

И это опять правда: газеты были полны описаніями, какъ народъ, голодный, метался „по степѣ“, сбивая цѣны и не находя работы, такъ какъ самарская и саратовская степи тоже выгорѣли отъ засухи.

— Всѣ мы равны!.. Какіе мы жители! Земли у насъ по 5 сажень на душу!..

И это правда. Съ 5-ю саженями какіе жители! Впослѣдствіи, когда я пріѣзжалъ закрывать свои столовыя, Дубровка опять окружила меня, съ робкою надеждой, что я такой „господинъ“, который можетъ что-нибудь сдѣлать для нея,—что нибудь побольше столовыхъ. Старики съ глубокой

лый надѣлъ“, „даровой“ и „нищенскій“ надѣлы,— какіе это знакомые, какіе избитые термины по всему лицу нашего обширнаго, богатаго просторомъ отечества! Они-то составляютъ почву, на которой сложилась жизнь и Малиновки, которую я посѣтилъ въ тотъ же день, и Пралевки, и Логиновки, и Козаковки, и многихъ другихъ деревень въ уѣздѣ, въ губерніи, во всей Россіи. Отчего бы это ни происходило, но все же это—пятна, портящія картину, къ которой, несомнѣнно, придется еще вернуться, можетъ быть, даже не для одной только ретуши, а и для болѣе смѣлыхъ поправокъ въ самой перспективѣ.

Я не нашелъ для дубровцевъ словъ утѣшенія. Я заканчивалъ свои столовыя, и съ ними—ликвидировалъ свои отношенія къ Дубровкѣ, и уѣзжалъ домой... Я не тотъ „господинъ“, на котораго Дубровка могла бы возложить свои надежды. Однако, теперь, когда я передаю свои впечатлѣнія этому печатному листу,—у меня невольно тѣснятся вопросы: неужто въ самомъ дѣлѣ, за историческую вину темнаго люда, за ошибку вымершихъ стариковъ должны безысходно нищенствовать и томиться цѣлыя поколѣнія, „дѣти дѣтей и внуки внуковъ?“ И кому это нужно? Во всякомъ случаѣ,—не обществу, не государству!.. О, если бы печать могла и эти скорбные вопли Дубровокъ поставить въ ряду практически неотложныхъ „вопросовъ“, выдвинутыхъ голоднымъ годомъ!..

XVII.

Что иногда называется бунтомъ.—Кандрыкинцы.—
Малиновка.

Однако, вернемся къ прерванному разсказу. Итакъ, Дубровка требовала, чтобы я „писалъ по ряду“ отъ каждаго двора, чтобы я произвелъ въ ней „равненіе“ и свою ничтожную помощь росписалъ по „мірскому“ по душамъ. Я не могъ уступить ей въ этомъ требованіи: моя задача была—подобрать всѣхъ тѣхъ, кому прежде другихъ могла грозить голодная смерть... И мнѣ нужна была для этого помощь схода. Я объяснилъ это, по возможности, понятно. Я старался убѣдить, что я не чиновникъ, что деньги у меня не казенныя, что онѣ собраны „Христа ради“ и не окажутъ вліянія на ссуду *), въ особенности для остального населенія. Старики все упрямились. Пришлось прибѣгнуть къ послѣднему средству.

— Ну, какъ знаете! Денегъ у меня немного, а нужда всюду. Въ другихъ мѣстахъ будутъ рады, что хоть нищихъ подберемъ. Прощайте.

Я сложилъ свою книгу. Въ заднихъ рядахъ поднялось сразу волненіе.

---

*) Увы! — оказалось, что ссуды сократили во всѣхъ семьяхъ, въ которыхъ кто нибудь пользовался столовой. Я уже зналъ объ этомъ, но надѣялся добиться отмѣны страннаго распоряженія, дѣлавшаго всю частную благотворительность безцѣльной.

— Что вы, старики! Что вы дѣлаете! Развѣ этакъ можно отпускать человѣка? Не слышите, что говоритъ онъ? Благодарить надо! Вотъ Анны Мажукиной дѣти... Татьяна Балахнина подъ окнами, какъ планида, бродитъ. Что вы, что вы, опомнитесь!

— Говори, староста! Всѣ будемъ говорить по совѣсти. Пишите, господинъ!

Деревня уступила. „Житель-середнякъ" очищалъ мѣсто нищимъ, бродившимъ, по чьему-то образному выраженію, „какъ планиды", взывая Христовымъ именемъ къ раздѣлу послѣднихъ крохъ лебеднаго хлѣба. Опять сходъ принялъ обычную физіономію, опять посыпались мѣткія словечки, и списокъ быстро сталъ наполняться именами вдовъ, безмужнихъ женъ, брошенныхъ на произволъ судьбы, сиротъ, которымъ не выдаютъ ничего по какимъ-то совершенно непонятнымъ соображеніямъ („кого надо—не пишутъ, а кому бы не надо—даютъ"). Такихъ набралось 30 человѣкъ. Затѣмъ мы стали. Конецъ! Каждое новое имя, называемое кѣмъ либо, вызываетъ уже замѣчаніе: „нужно, да такихъ много"...

Я всталъ, поблагодарилъ стариковъ и сдѣлалъ распоряженіе о доставкѣ ранѣе уже заготовленнаго хлѣба. Но дубровцы тѣсно сомкнулись вокругъ стола.

— А какъ же намъ, выше благородіе, мужикамъ-те? Вѣдь все пріѣли, гладомъ, что ли, помирать будемъ?..

Это уже выступаетъ, какъ и всюду, другое недоразумѣніе. Я попрошу читателя ясно представить себѣ картину: тѣсная изба, толпа мужиковъ, впереди—староста, сотскіе, старики—все народъ, привыкшій къ объясненіямъ съ начальствомъ и до извѣстной степени отвѣтственный. Они высказываются осторожно, глядятъ выжидающе и робко. Въ ихъ голосахъ слышно въ одно и то же время и желаніе сказать нѣчто, выручить деревню, выпросить нѣчто для міра,—и готовность отступить при первомъ признакѣ грозы, которая можетъ настигнуть прежде всего именно ихъ. Говорятъ они почтительно и даже съ лицемѣрнымъ смиреніемъ.

За ними сплошная, слитная, безличная масса, изъ которой слышенъ то сплошной гулъ, то раздаются рѣзкія, опредѣленныя, часто слишкомъ рѣзкія и слишкомъ опредѣленныя сентенціи, вызывающія сочувственный ропотъ. Въ такихъ случаяхъ передніе озираются,—для того ли, чтобы сдержать „безчинство", для того ли, чтобы показать передъ начальствомъ, что они не солидарны,—во всякомъ случаѣ, озираются безуспѣшно... да и надо же хоть кому нибудь, хоть какъ нибудь высказать истинное настроеніе и истинные взгляды „міра"... Вотъ пріемы деревенскаго схода, заявляющаго неудовольствіе и жалобы... И въ серединѣ этой толпы—я, олицетворенное на сей разъ недоразумѣніе, до котораго все сіе отнюдь не относится...

Однако, у меня спрашиваютъ, и я думаю, что обязанъ отвѣтить.

— Пріѣдетъ земскій начальникъ, — разскажите все это ему.

— Пріѣди-итъ... — иронически говорятъ мужики.—Да онъ никогда и не бывалъ...

Это, конечно, для меня не новость, но у меня все же есть отвѣтъ:

— Ступайте къ нему.

— Гонитъ.

Мое положеніе, какъ совѣтника, становится затруднительнѣе. Дубровка спрашиваетъ у меня, можетъ ли быть, чтобы отъ высшаго начальства одному сосѣднему уѣзду отпускалось по 30 и 40 фунтовъ на всю семью, а на нихъ 15 — 20 со всякими вычетами...

— Пошлите,—говорю я,—кого нибудь въ Лукояновъ, въ продовольственную коммиссію съ жалобой, а если тамъ не уважатъ, — пишите въ Нижній...

„Недоразумѣніе" принимаетъ новый обликъ. Переднихъ какъ-то отшатываетъ отъ меня, и вблизи образуется пустое пространство. Въ заднихъ рядахъ—сразу смолкаютъ и гулъ, и ругательства, довольно изобильно сыпавшіяся до этой минуты, и жалобы... Мужики какъ-то настораживаются...

— Это... какъ же? — сдержанно спрашиваютъ впереди,—черезъ рядъ?..

— Помимо, то есть, начальника... Жалобу?...

Я объясняю, что жаловаться высшему начальству на низшее всегда можно.

— Вѣдь вы,—говорю,—у начальника были?

— То-то были.

— Отказалъ?

— Ну!...

Тишина становится напряженной.

— Значитъ, теперь остается просить выше...

— Нѣтъ!—рѣшительно и рѣзко говоритъ ближайшій ко мнѣ мужикъ, кажется, староста, озираясь назадъ и какъ бы желая запечатлѣть свою мысль въ массѣ.—Намъ надо помирать, а черезъ рядъ на начальника... невозможно.

Картина рѣзко раздваивается. Впереди—лицемѣрное смиреніе, доходящее до готовности „лучше померетъ", сзади ропотъ, ругательства, комментаріи вродѣ того, что „гладомъ поморитъ" „и то, что есть, отыметъ"... И чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе и рѣзче...

— Какъ знаете,—сказалъ я,—по моему прямая просьба, хотя бы и „черезъ рядъ", лучше, чѣмъ то, что вы теперь говорите. Прощайте.

Вся эта сцена произвела на меня странное впечатлѣніе. Въ этомъ мгновенномъ молчаніи, въ этомъ испуганномъ удивленіи, въ этомъ робкомъ смиреніи, во всей атмосферѣ этого схода въ послѣднее мгновеніе пронеслось что-то такое, что заставило меня невольно спросить себя: „ужъ не бунтую ли я какъ нибудь нечаянно дубровцевъ, въ самомъ дѣлѣ?"... Кажется, нѣтъ! Кажется, то, что я говорилъ,—про-

сто, ясно, непререкаемо и законно. Кажется, наконецъ, что этотъ глухой гулъ подъ стѣнами и въ углахъ, гулъ, исполненный такого мрачнаго возбужденія и такъ странно оттѣняющій лицемѣрное смиреніе первыхъ рядовъ,—дѣйствительно хуже законной жалобы... И, однако... Мы видѣли, какъ была понята и къ какимъ послѣдствіямъ повела законная просьба жителей Учуева Майдана.

Уже спускались сумерки, когда съ Н. П. Александровымъ, управляющимъ одного изъ ближнихъ хуторовъ и спутникомъ моимъ на этотъ разъ,—мы въѣхали въ широкую улицу большого села Кандрыкина. По отзыву окрестныхъ жителей и мѣстнаго священника, Кандрыкино хотя и пострадало, но все же меньше другихъ, и потому село это не входило въ мои планы. Но мнѣ нужно было у писаря получить свѣдѣнія о деревушкѣ Малиновкѣ, въ которую мы и направлялись.

На улицѣ мы встрѣтили оживленную гурьбу ребятъ, тащившихъ большой ушатъ изъ училища. Это школьники, которымъ священникъ ухитрился изъ суммъ, отпускаемыхъ на этотъ предметъ и, кажется, частію собранныхъ имъ лично, — устроить обѣдъ и ужинъ... Эта небольшая сцена разсѣяла отчасти грустныя мысли, навѣянныя на меня Дубровкой (я не зналъ еще тогда, что мнѣ предстояло впереди, на слѣдующій день!). Затѣмъ разговоръ съ батюш-

кой, человѣкомъ истинно добрымъ и сострадательнымъ ко всякимъ нуждамъ своего духовнаго стада еще укрѣпилъ это впечатлѣніе, и мы, съ Н. П., весело разговаривая о кандрыкинцахъ, поѣхали къ волостному правленію. Кандрыкино большое село, построенное на отлогомъ холмѣ, тремя порядками, по обдуманному плану: три параллельныхъ улицы, отстоящія почти на полверсты другъ отъ друга, раздѣленныя широкими полосами выгоновъ и огородовъ съ правильными рядами нежилыхъ построекъ въ этихъ промежуткахъ. Съ перваго же взгляда на село еще съ дороги, изъ-за оврага, видна въ этомъ планѣ чья-то заботливая устроительная мысль. Сами ли переселившіеся „паны", или умный помѣщикъ придумалъ этотъ планъ,—во всякомъ случаѣ видно, что село сразу же сѣло на своемъ холмѣ разумно, удобно и широко. По общимъ отзывамъ, кандрыкинцы и до настоящихъ временъ держатся крѣпко, работаютъ отлично и, главное,—дружно. Никто не беретъ такъ охотно крупныхъ работъ міромъ, какъ они, и нигдѣ этотъ сложный механизмъ не работаетъ такъ хорошо и отчетливо. Николай Павловичъ Александровъ, на своемъ хуторѣ, затѣялъ очистку огромнаго скотнаго двора. Взялись за это кандрыкинцы, и вотъ въ первое же воскресенье, на хуторъ пріѣхало 400 подводъ сразу. Наниматель боялся галдѣнія, споровъ, проволочекъ и безпорядка. Не прошло, однако, и двадцати минутъ, какъ хуторскія авгіевы стойла были раздѣлены стариками на

дѣлянки, каждый работникъ узналъ свое мѣсто, каждая подвода стала въ свой рядъ—и въ день все было кончено. Міръ заработалъ сто рублей на мірскія же надобности. Такимъ же образомъ кандрыкинцы нанимаются на жнитво, на косьбу, и еще недавно на заработанныя міромъ деньги они построили (или ремонтировали) церковь, что стоило около 6 тысячъ.

Пока мой спутникъ разсказывалъ мнѣ все это,—мы подъѣхали къ зданію сельскаго правленія. Въ окнахъ виднѣлся свѣтъ, черезъ запотѣлыя стекла можно было разглядѣть тѣсную толпу, и черезъ стѣны просачивалось жужжаніе и гулъ. Сборная изба вся гудѣла, точно улей. Очевидно, кандрыкинскій „міръ" обсуждалъ какое-то насущное и волновавшее мірское дѣло.

Когда мы вошли въ избу,—голоса сразу стихли, какъ будто мы застигли врасплохъ какой нибудь заговоръ. Навстрѣчу намъ поднялся изъ-за стола староста, мужикъ среднихъ лѣтъ, черниговскаго типа, съ вытянувшимся впередъ горбатымъ носомъ, похожимъ на клювъ. Сходство съ пѣтухомъ усугублялось тѣмъ обстоятельствомъ, что волосы у него торчали кверху, глаза сверкали гнѣвомъ и, видимо, ему трудно было сдержаться, чтобы вновь не кинуться въ прерванную нами схватку съ мірянами. Повидимому, онъ сейчасъ только выдержалъ жестокій натискъ, и на лбу его виднѣлись даже крупныя капли пота.

Мы спросили писаря, котораго здѣсь не оказалось, и въ ожиданіи сѣли на лавку.

— Что жъ вы, старики, продолжайте,—сказалъ Н. П.—Мы подождемъ.

— Нѣтъ... такъ мы, по своему дѣлу... Кончили,— кинулъ староста, какъ-то нервно стуча рукой по столу и быстро оглядываясь на міряиъ, какъ будто съ цѣлью убѣдиться, что они, съ своей стороны, принимаютъ это перемиріе. Мужики угрюмо молчали...

— А писарь...—съ заминкой прибавилъ онъ,— да не въ Малиновку-ли онъ уѣхалъ?

— Пьянъ лежитъ! — рѣзко нарушая неловкое молчаніе, прорвался вдругъ одинъ голосъ.

— Разумѣется, пьянъ... Завсегда пьяной... Какая Малиновка!—загалдѣла толпа.

Староста выпрямился, сверкнулъ глазами и стукнулъ кулакомъ по столу...

Перемиріе, очевидно, оказалось нарушеннымъ со стороны міряиъ.

— Чего зѣваете... *) Чего онъ пьянъ?..

— Чего пьянъ! Оттого, что напился! А ты со старшиной покрываешь! Мы прямо говоримъ...

— Скрывать нечего!

— Черезъ него мы несчастны!

— Черезъ васъ усѣхъ... Прошлый годъ писарь пьянствовалъ, мы безъ обсѣмененія остались... Ноньче опять хотите безъ сѣмянъ оставить!

*) «Зѣвать»—по мѣстному кричать.

— Молчите, не отъ этого остались.

— А отчего?

— Оттого!

— Нѣтъ, ты говори отчего?

— Оттого... Кто вамъ виноватъ... Сами виноваты...

Изба мгновенно опять наполнилась тѣмъ гуломъ, который царилъ здѣсь до нашего прихода. Староста пѣтушился и выходилъ изъ себя, міряне обрушивали на него, на отсутствующаго старшину и, главное, на писаря—цѣлую бурю жестокихъ обвиненій. Черезъ нѣсколько минутъ мнѣ удалось схватить сущность вопроса.

Дѣло въ томъ, что въ это время по всему уѣзду составлялись приговоры о ссудахъ на обсѣмененіе яровыхъ полей: уже въ прошломъ году многія деревни получали ссуду и,—такова сила формулы „все благополучно",—земскіе начальники (безъ провѣрки) сократили цифры настолько, что значительная часть озимыхъ полей въ уѣздѣ осталась незасѣянной (что опять-таки установлено оффиціально). Кандрыкинцы не получили ссуды вовсе и, какъ мы это уже видѣли въ Камчаткѣ,—приписывали свою невзгоду винѣ непосредственнаго сельскаго начальства. Теперь приходилось думать о яровыхъ сѣменахъ. Надо замѣтить, что при неурожаѣ озимей, яровыя хлѣба у кандрыкинцевъ уродились порядочно. Въ виду этого, было рѣшено, что имъ сѣмянъ не надо вовсе Въ этомъ смыслѣ, угождая высшей политикѣ уѣзда,

старшина, староста и, разумѣется, писарь составили приговоръ отъ имени общества, которымъ удостовѣрили, что все количество сѣмянъ засыпано въ общественные магазины. При этомъ они въ числѣ засыпаннаго хлѣба привели и тотъ, который предполагался у домохозяевъ въ амбарахъ. Иначе сказать—сельскія власти дали ложныя свѣдѣнія.

Что станете дѣлать! Я говорилъ уже о взаимномъ и возвратномъ дѣйствіи высшей и низшей уѣздной политики. Высшая проводитъ „взглядъ", а низшая услужливо его подтверждаетъ. На сей разъ высшая политика провозглашаетъ: „сѣмянъ нужно поменьше", и низшая спѣшитъ угодить: „все засыпано-съ". И обѣ довольны, только... поля останутся непремѣнно незасѣяны. То, что было на дому, или съѣдено, или продано для покупки неуродившейся ржи. И вотъ—на бумагѣ сѣмена есть, на дѣлѣ—сѣмянъ нѣтъ. Мужикъ кидается прежде всего на старосту и писаря. Староста и писарь не смѣютъ идти противъ высшей политики... И вотъ отчего кандрыкинская сборная изба гудитъ, какъ улей. Кандрыкинцы вознамѣрились непремѣнно „бунтовать" просьбой о сѣменахъ, хотя бы и „черезъ рядъ": староста, боясь земскаго начальника, удерживаетъ отъ такого бунта.

Минутъ черезъ двадцать явился писарь („умывался", по словамъ посланнаго за нимъ парня), снабдилъ насъ списками, и мы вышли изъ избы. И какъ только мы вышли, изба опять загудѣла сугубо. Упреждая событія, скажу, что о „бунтѣ" кандры-

кинцевъ стало извѣстно губернатору; произведена провѣрка; и сѣмена выданы.

Бунтъ, значитъ, кончился на сей разъ благополучно.

До Малиновки было всего три версты, однако, когда мы въѣхали въ деревушку, то мнѣ показалось, что уже глубокая полночь. Избы, занесенныя снѣгомъ, глядѣли на улицу слѣпыми окнами; вверху изъ-за туманныхъ облаковъ выглядывала луна, по улицѣ легкая мятель несла бѣлую изморозь, вѣтеръ протяжно шумѣлъ въ голыхъ вѣтвяхъ березъ. Нигдѣ—ни огонька, не смотря на ранній часъ. Это—черта голоднаго года. Ленъ тоже не уродился, работы бабьимъ рукамъ нѣтъ: долгій вечеръ наполненъ жуткой тоской и плачемъ голодныхъ ребятъ. И деревня старается сократить день, матери рано укладываютъ дѣтей, сномъ обманывая ихъ голодъ, пустыя печки стоятъ холодныя, свѣтить тоже незачѣмъ...

Мы ѣхали вдоль пустой улицы, въ надеждѣ встрѣтить, наконецъ, огонекъ. На наше счастье вскорѣ навстрѣчу попался староста, запоздавшій въ слободѣ у начальства, и скоро разбуженная деревушка собралась въ сборной. Опять разочарованіе, опять объясненія, опять жалобы, между прочимъ—и на недостатокъ сѣмянъ... Черная изба, въ которой происходили эти разговоры, была вымазана извнутри, по-малорусски, глиной. Лица, меня окружавшія—типич

ныя малорусскія. Вотъ не старая баба, съ головой, повязанной платкомъ (кичкой), стираетъ полой грязный столъ. Лицо, одежда, фигура—прямо съ картины Маковскаго. Только мы привыкли видѣть такія лица среди чистыхъ, выбѣленныхъ стѣнъ, съ узорными полотенцами на стѣнахъ, съ пучками сухихъ цвѣтовъ и съ вербами за иконой. Здѣсь сажа насѣла на потолокъ, на стѣны, обмазанныя въ силу старой привычки. Лица изможденныя, угнетенныя, но все-же выразительныя, отъ чего эта скорбь проступаетъ еще рѣзче...

— Выбився народъ, выбився просто страсть. Да что: земли 6 саженъ!

Сѣмена имъ обѣщали выдать, но... на надѣльную землю, т. е. на эти 6 саженъ, не считая арендной земли. А они и живы только арендой. Тутъ, очевидно, опять бы нужна просьба „черезъ рядъ"... Не знаю, состоится ли она, или малиновцы предпочтутъ „помирать", но пока—они думаютъ о живомъ и снимаютъ, по обычаю, земли въ кочубеевской экономіи, не зная еще, пошлетъ-ли имъ Богъ сѣмянъ. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ, при такихъ же обстоятельствахъ, можно было сказать навѣрное: извернутся! „Енъ достанитъ"—знаменитая щедринская формула, которою Русь жила долгіе годы! Она-то и создала эту привычную уѣздную политику... „Енъ достанитъ"!.. И „енъ" доставалъ, доставалъ, доставалъ... Приходится еще разъ вспомнить характерную фразу А. А. Демидова, которую слышали мы въ нижегородскомъ губернскомъ собра-

ніи: „кричали, просили... Мы не дали ни зерна! Никто не умеръ“. Это относилось еще къ веснѣ 90 года... Осенью девяносто перваго А. А. Демидовъ самъ уже билъ въ набатъ: пособія, пособія! „Енъ больше не достанитъ“. Но въ Лукояновскомъ уѣздѣ щедринская фраза оставалась во всей своей силѣ...

Здѣсь было все то же, что и въ Дубровкѣ, тѣ же черты разочарованія и грусти. То же непонятное сокращеніе на мартъ, тѣ же сироты, переведенные на 15 фунтовъ, тѣ же семьи, отцы которыхъ, гдѣ-то тамъ на бѣломъ свѣтѣ, получаютъ жалованье по 2 рубля въ мѣсяцъ, вслѣдствіе чего земскій начальникъ лишаетъ ссуды оставшихся, какъ будто 2 рубля и 20 фунтовъ муки на мѣсяцъ—такая роскошь—что уже никакъ не могутъ существовать вмѣстѣ *). Только здѣсь судьба послала намъ подъ конецъ небольшой эпизодъ, который, точно лучъ, освѣтилъ сумрачныя впечатлѣнія этого ночного схода.

Списокъ былъ уже составленъ. Мы отобрали обычный контингентъ многодѣтныхъ вдовъ, увѣчныхъ, всѣхъ этихъ несчастныхъ „съ глупиной“, „съ глушиной“ „подслѣповатыхъ“, „слюнявыхъ“, „негодящихъ“ и т. д., которыхъ всюду помѣщали въ списки безспорно,—и остановились. Дальше шла уже „ровня“, которой я помочь не могъ, потому что

---

*) Я не привожу здѣсь именъ и цифръ, чтобы не утомлять читателя повтореніями. У меня записаны десятками и самымъ точнымъ образомъ соотвѣтствующіе факты, доказывающіе, что это была именно система.

„такихъ много“. Я собирался кончать, какъ вдругъ раздался рѣзкій, почти еще дѣтскій голосъ, звучавшій недовольствомъ и протестомъ.

— Старики! А отъ батьки такъ никого и не запишете?

Говорилъ парень лѣтъ 13, очередной десятскій, собиравшій для насъ стариковъ. Онъ молча стоялъ все время, протиснувшись незамѣтно въ передній рядъ, заложивъ руки за поясъ, и видимо держалъ про себя все время заботу о своей семьѣ. Видя, что его семью обошли, онъ вдругъ „забунтовалъ“ противъ міра. „Неладно, старики!“

— Ишь ты, пузырь,—сказалъ кто-то. — Отецъ у тебя на жалованьи... Тебѣ бы у дверей стоять надо...

— На жалованьи! Како жалованье, сами знаете. Нѣшто онъ насъ, экую ораву, прокормитъ на четыре-то рубля! Что вы это, старики! Бога не боитесь!

— Всѣ мы эдакіе,—нерѣшительно говоритъ кто-то. Однако, смѣлое вмѣшательство юнаго птенца, защищающаго свое гнѣздо, видимо нравится міру.

— Тебѣ бы, пузырю, вонъ гдѣ, у дверей, стоять, а не со стариками... Вишь ты, влетѣлъ какой слетышъ! Да и то вѣрно: бѣдствуютъ... Внесите ужъ, коли можете, ваше благородіе.

Мужики смотрятъ на меня. Я чувствую, что міръ отступаетъ „отъ равненія“, но мнѣ и самому хочется позволить себѣ эту маленькую роскошь, отступить на минуту отъ этихъ аптекарскихъ взвѣши-

ваній нужды. И я вношу парня 36-мъ, нарушая прежде намѣченныя границы и округленность цифры. Парень тотчасъ же поворачивается и съ тѣмъ же серьезнымъ видомъ идетъ вонъ, можетъ быть, къ матери,—сообщить, что одинъ ротъ съ хлѣба долой.

На лицахъ крестьянъ бродитъ что-то вродѣ улыбки... Но эпизодъ быстро изглаживается. И здѣсь выступаетъ вопросъ: какъ быть остальнымъ мужикамъ—„жителямъ", вопросъ, на который мнѣ нечего отвѣтить...

Тихою темною ночью мы вернулись въ Слободу, и я переночевалъ здѣсь въ усадьбѣ, въ самомъ центрѣ кочубейства... И впечатлѣнія дня все толпились кругомъ, покрывая спокойную обстановку стараго дома. Просторныя комнаты, мягкій свѣтъ лампы и портретъ стараго Кочубея, глядящій на меня съ высокой стѣны загадочнымъ взглядомъ.

XVIII.

Пралевка.—Исторія Максима Савоськина... Въ мятель.

— Пралевка... да, Пралевка, дѣйствительно, нуждается...

— Что ужъ и говорить... Надо бы хуже, да нельзя.

— Изъ худыхъ—плохая деревнюшка.

— Бѣдствуютъ сильной рукой въ Пралевкѣ. У насъ плохо, а ужъ у нихъ, просто сказать, самая бѣда.

Такіе отзывы пришлось мнѣ заносить въ свою записную книжку всякій разъ, когда, спрашивая о состояніи той или другой деревни, я доходилъ до Пралевки. Начиная съ земскаго начальника и станового и кончая дубровскими и малиновскими мужиками, которые и сами являются „изъ плохихъ худыми“ въ уѣздѣ,—всѣ уступали пальму первенства Пралевкѣ. „Не лучше пралевскихъ“ — это мѣра нужды, которою впослѣдствіи характеризовали свое положеніе въ другихъ мѣстахъ, изрѣдка варьируя этотъ отзывъ „не лучше пралевскихъ или дубровскихъ“. Въ волостномъ правленіи въ „Новой-слободѣ“ молодой и отлично искусившійся въ уѣздной политикѣ писарь держалъ себя со мною настоящимъ дипломатомъ и только при упоминаніи о Пралевкѣ откровенно махнулъ рукой. На Пралевку даже уѣздная дипломатія не пыталась набросить покровъ довольства и благополучнаго обстоянія...

А между тѣмъ... Конечно, это очень странное недоразумѣніе, но и въ деревнѣ, всѣми признанной за бѣдствующую, уѣздная политика не отступила отъ своей системы. На 409 человѣкъ ея населенія въ мартѣ было выдано 106 пудовъ, т. е. по 10 фунтовъ въ среднемъ на человѣка...

Переночевавъ въ Новой-слободѣ, утромъ я отправился въ эту злополучную деревню, не ожидая,

по прежнему опыту, ничего хорошаго. Дѣйствительность, однако, превзошла мои ожиданія...

Небольшая деревнюшка раскинулась у „вершинки“. Широкая улица или, вѣрнѣе, два порядка по косогорамъ, безлистыя ветлы, среди которыхъ шумѣлъ неустававшій вѣтеръ, занесенныя снѣгомъ избы, съ едва замѣтными окнами. На улицѣ пусто, и долго мы ѣдемъ, не зная, гдѣ остановиться, пока внезапно не вскакиваетъ на задокъ нашихъ саней какой-то парнишка. Это—опять малолѣтокъ-десятскій. Онъ услышалъ колокольцы и счелъ своимъ долгомъ явиться къ начальству.

— Гдѣ у васъ староста?

— Нѣтъ старосты у насъ.

— А гдѣ-жъ онъ?

— Ево земской посадилъ.

— За что?

— Кто его знае... посадилъ.

— Да вѣдь кто-нибудь за него есть?

— Комендантъ есть.

— Зови коменданта.

Мы заѣзжаемъ въ сборную, которая опять оказывается въ избѣ все того-же старосты, отсутствующаго по независящимъ обстоятельствамъ. Курная изба, еще хуже дубровскихъ и малиновскихъ, хотя и здѣсь видна робкая попытка—вымазать стѣны глиной... Старая привычка забытой родины! Бабьи руки старательно мажутъ и чистятъ, а дымъ чернитъ и покрываетъ потолокъ и верхушки стѣнъ на-

летомъ сажи, которая виситъ, точно черный иней... Въ зыбкѣ плачетъ ребенокъ, тихо, безсильно и жалобно... Изба, деревня, лица „стариковъ“, потихоньку набирающихся въ избу, отмѣчены особеннымъ, неуловимымъ оттѣнкомъ какого-то страннаго выраженія...

Арестъ старосты служитъ злобой деревенскаго дня. А такъ какъ староста арестованъ „за міръ“, то это, дѣйствительно, не можетъ не имѣть для деревни особеннаго значенія.

— За что это староста у васъ сидитъ?—спросилъ я...

— За правду...—угрюмо отвѣтили мужики.— Скажешь правду, теряешь дружбу...

Я описывалъ въ прошломъ очеркѣ „бунтъ“ кандрыкинцевъ „изъ-за сѣмянъ“, и мы видѣли тамъ старосту, стоявшаго на высотѣ уѣздной политики. Мы видѣли также, что ему приходилось-таки жарконько отъ „бунтовавшаго“ міра. Здѣсь было другое. Впослѣдствіи я видѣлъ пралевскаго старосту, когда его 7-дневное сидѣніе кончилось. На одной изъ фотографій „голоднаго года“, продающихся теперь въ Нижнемъ-Новгородѣ и, кажется, готовящихся къ печати *), онъ изображенъ со своей медалью, стоящимъ „для порядку“ около обѣдающей толпы. Если бы не эта медаль—его фигура совсѣмъ

*) Выпущены въ видѣ альбома въ 1893 году фотографомъ М. Дмитріевымъ.

потерялась бы въ толпѣ, а между тѣмъ это фигура интересная и стоющая вниманія. Густая шапка волосъ, борода съ завитками, какъ у Юпитера, и очень мягкое, доброе лицо съ серьезными, ласковыми глазами... Его курная изба, его плачущій ребенокъ, его черный хлѣбъ съ лебедой, который я увидѣлъ на столѣ („это еще для старосты испекли, на высидку",— пояснили мнѣ приэтомъ, чтобы объяснить выдающіяся качества этого комка грязи)—все это по пралевски еще не нужда, и староста не смѣлъ разсчитывать на пособіе для себя. И всетаки онъ не стоялъ на высотѣ уѣздной политики, что и сказалось въ видѣ кутузки.

За что? Староста безпокоилъ начальство, староста не только не смирялъ бунта, выражающагося въ ходатайствахъ, но самъ взялъ на себя всю ихъ тяжесть и... надоѣлъ напоминаніями о томъ, что у деревни нѣтъ сѣмянъ, что въ деревнѣ есть голодные, и что одинъ, Максимъ Савоськинъ, пожалуй, помретъ отъ лебеды и лихоманки въ совокупности... Впослѣдствіи Н. М. Барановъ, нижегородскій губернаторъ, вмѣстѣ съ докторомъ и съ земскимъ начальникомъ были въ Пралевкѣ, и все, что говорилъ староста' оказалась правда... Эта старостина правда ничего не потеряла, конечно, отъ того, что въ то время, о которомъ я веду рѣчь, староста сидѣлъ въ кутузкѣ...

Признаюсь откровенно, когда старостина мать, когда старостинъ отецъ, когда старостины односельцы, обступившіе меня, одинокаго представителя филантропіи (вѣдь всѣ мы „на одно лицо",—напоминаю

читателю въ поясненіе) сообщили мнѣ деревенскую новость, что старосту посадили и за что именно посадили,—мнѣ сдѣлалось какъ-то не по себѣ. Мнѣ показалось, на одно, впрочемъ, мгновеніе, что мнѣ, какъ будто, не слѣдовало пріѣзжать сюда, что я, какъ будто, дѣйствительно, пріѣхалъ не съ тѣмъ, съ чѣмъ бы надо...

Я начиналъ здѣсь какъ-то не такъ увѣренно. Когда, записавъ общія свѣдѣнія, я поднялъ глаза на сходъ, то прежде всего мнѣ бросилось въ глаза лицо стоявшаго передо мной Максима Савоськина...

Савоськинъ! Савоськинъ! Изъ всѣхъ тяжелыхъ воспоминаній мрачнаго года—это имя возбуждаетъ во мнѣ самыя тяжелыя воспоминанія, соединяется даже съ нѣкоторымъ укоромъ совѣсти. „Съ мая мѣсяца 1891 г.,—писалъ г. земскій начальникъ А. Л. Пушкинъ въ интересномъ документѣ, цитированномъ въ моемъ оффиціальномъ докладѣ и затѣмъ напечатанномъ на страницахъ Русскихъ Вѣдомостей,—Савоськинъ боленъ лихорадкой“. А такъ какъ лукояновская продовольственная коммиссія рѣшила строго держаться въ предѣлахъ задачи—спасать отъ голодной смерти, но не отъ лихорадки, то больной и изнуренный Савоськинъ получилъ ссуду въ количествѣ 2-хъ пудовъ въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ на семью изъ 4-хъ человѣкъ (самъ, старуха, слабоумный сынъ и другой 17 лѣтъ). О положеніи Савоськина заявлялъ не разъ староста, но

тщетно. Затѣмъ откуда-то до г. земскаго начальника дошло, что въ положеніи этомъ принялъ участіе также священникъ. Тогда произошло нѣчто, трудно допустимое, но тѣмъ не менѣе совершенно реальное. Въ мартѣ Савоськину выдано пособіе въ 60 фунтовъ. Савоськинъ разсчитывалъ „отдохнуть“ и тотчасъ-же испекъ себѣ коровашекъ „чистаго хлѣба“ (т. е. безъ лебеды). Но... вслѣдъ за пособіемъ къ Савоськину нагрянулъ фельдшеръ... Для лѣченія лихорадки? Нѣтъ, болѣе для провѣрки слуховъ объ его нуждѣ... Фельдшеръ, человѣкъ, можетъ быть, и не дурной по природѣ, былъ, однако, до мозга костей проникнуть „уѣздной политикой“. А уѣздная политика того времени считала чистый хлѣбъ за поличное. Я, конечно, на позволилъ бы себѣ излагать весь послѣдующій эпизодъ, если бы не имѣлъ случая убѣдиться въ истинности каждой его черты. А дальше произошло вотъ что. Увидя у Савоськина чистый хлѣбъ, фельдшеръ счелъ нужнымъ пригрозить:

— А! У тебя вотъ какой хлѣбецъ? Какъ же говорятъ, что ты голодающій. Вотъ я скажу начальству.

И сказалъ. Уѣздная политика тотчасъ же пошла въ ходъ. Староста съ 19 по 26-е марта высидѣлъ въ кутузкѣ (какъ оказалось, за рапортъ о Савоськинѣ), а относительно священника, на котораго староста сослался въ томъ же рапортѣ („онъ пріобщалъ Савоськина св. Таинъ!“)—возбуждена „угрозительная переписка“, заканчивавшаяся требованіемъ

сдѣлать священникамъ „внушеніе“ и угрозой—„довести до свѣдѣнія высшаго начальства“...

Вотъ центромъ и объектомъ какой полемики сдѣлался злополучный, больной Савоськинъ, который въ тотъ день стоялъ передо мной и, изступленный, дрожащій, со слезами просилъ меня заступиться и отклонить отъ него послѣдствія визита могущественнаго фельдшера. Я записалъ его въ столовую, но, признаюсь, всему разсказу не повѣрилъ, пока черезъ три-четыре дня не увидѣлъ „переписку,“ изъ которой положительно убѣдился, что вся эта фантасмагорія совершенная правда...

Между тѣмъ, Савоськинъ и съ своей стороны принялъ участіе въ полемикѣ. Писать онъ не умѣлъ,—онъ просто взялъ да и умеръ...

Мнѣ приходилось уже говорить о двухъ типахъ благотворительной дѣятельности. Вы или избираете опредѣленное мѣсто, завязываете близкія связи и съ сердечнымъ участіемъ слѣдите за всѣми оттѣнками нужды, преслѣдуя ее, такъ сказать, вглубь, или раскидываясь сразу на широкія пространства, стараясь помогать безличнымъ для васъ сотнямъ и тысячамъ. Мнѣ выпало на долю послѣднее,—а при этомъ всегда рискуешь пройти мимо Максима Савоськина... И я прошелъ мимо, не замѣтивъ, что моя столовая хороша, быть можетъ, для многихъ, но не для него... Весной я опять побывалъ въ Пралевкѣ. До меня побывалъ въ Пралевкѣ губернаторъ съ докторомъ. Онъ сдѣлалъ много, прибавивъ ссуду

десяткамъ тысячъ людей, но, когда я спросилъ у Савоськина, доволенъ ли онъ моей столовой и ходитъ ли онъ туда, онъ отвѣтилъ, что не ходитъ. „Нутро“, не принимавшее раньше лебеды, теперь уже не принимало и чистаго хлѣба. Я испугался, тотчасъ же выдалъ денегъ на пшеничный хлѣбъ, на молоко, но было поздно... „Нутро“ не принимало уже ничего, и вскорѣ Савоськинъ умеръ.

Но 23 марта онъ еще стоялъ передо мной, смущая меня своимъ лихорадочнымъ взглядомъ, и я опять почувствовалъ то же ощущеніе неувѣренности, неловкости и какой-то своей неумѣстности здѣсь, въ этой деревнѣ, носящей имя какого-то невѣдомаго міру Праля, бывшаго управляющаго кн. Кочубеевъ, и теперь лишенной своего старосты, заступавшагося за мірское дѣло...

Тѣмъ не менѣе отступать, конечно, не приходилось, и, скрѣпя сердце, я вступилъ въ ту же обычную борьбу съ пралевскимъ міромъ, требовавшимъ, чтобы я писалъ „по ряду“.

Я не могъ писать по ряду, между прочимъ, и потому, что мои наличныя средства въ то время уже были распредѣлены и, явившись сюда, я уже разсчитывалъ лишь на будущія пожертвованія, цифра которыхъ мнѣ была совершенно неизвѣстна и съ которыми, поэтому, нужно было обходиться осторожно.

Часъ прошелъ у меня въ самой тяжелой, напряженной борьбѣ съ пралевскимъ „міромъ“, и мнѣ

удалось внести только 5 или 6 именъ. Но за то въ этотъ часъ я и не замѣтилъ, какъ настроеніе толпы измѣнилось радикально. Ни одно имя не проходило безъ тяжелой борьбы; это было что-то вродѣ огромной давки у тѣсныхъ дверей. Отказовъ не было,—всѣ заявляли себя кандидатами. Эпитеты, которыми характеризовалась бѣдность, потеряли скорбно-юмористическій характеръ, которымъ они были отмѣчены въ другихъ мѣстахъ. Здѣсь въ нихъ было что-то жгуче-жестокое, устрашающее и отчаянное...

„Ребра у мужика потрескались... Не дышитъ... разорвало отъ травы... шкура отвалилась... Все лысо, всѣ помираемъ“.

„Погляди на насъ, господинъ! Мы вотъ къ тебѣ пришли. Одинъ ѣвши, а двое не ѣвши“.

Я гляжу—впереди ужасное лицо Максима Савоськина. Подъ темнымъ потолкомъ, подъ палатями,—какой-то сизый паръ... Въ избѣ гулъ жестокихъ опредѣленій, эгоистическихъ споровъ. Нищіе толпятся къ столу, „жители“ отталкиваютъ нищихъ: „мы хуже васъ, вы хоть просить привыкли“... Бабы плачутъ. Еще часъ, еще пятокъ именъ, но за то изба превращается въ звѣринецъ. Я съ какой-то внутренней жутью чувствую себя въ положеніи человѣка, дразнящаго голодную толпу, дразнящаго напрасными, жалкими крохами. Савоськинъ свалился на полъ, я сажаю его рядомъ съ собой. Но на его мѣстѣ опять такое же лицо. Шумъ стоитъ сплошной. Прежде ругались между собой, теперь

въ заднихъ рядахъ начинается ропотъ противъ меня... „Какъ пишешь... Что за порядокъ! гдѣ законъ!“...

„Бѣдствуемъ сильной рукой! Крайняя пагуба, погибаемъ головами своими... Ты что это пишешь?.. Кто еще такой пріѣхалъ?.. Откуда взялся?“...

Я опять взглядываю на толпу, пытаюсь говорить спокойно. Отступать уже нельзя, кончить списокъ надо непремѣнно, но мнѣ кажется, что я никогда его не кончу. Вдобавокъ, мое спокойствіе колеблется, кошмаръ сдвигается тѣснѣе. Какая-то красивая старуха уже нѣсколько минутъ заглядываетъ мнѣ въ глаза, наклоняется къ бумагѣ, хватаетъ за руку... Голосъ у нея вкрадчивый, ласковый, отвратительный. Она служила у господъ, она была красива, она знала когда-то обращеніе, знала тайну, какъ угодить, какъ улестить, какъ выпросить... И теперь она пускаетъ въ ходъ забытые пріемы устарѣлыхъ обольщеній... Голова у меня начинаетъ кружиться, мнѣ кажется даже... это, конечно, слабость, но, признаюсь, была минута, когда у меня родился мгновенный вопросъ: „выйду ли я, выйдемъ ли мы всѣ изъ этой темной избы?.. Или ужъ я слишкомъ долго дразнилъ эту толпу, и всѣ они сейчасъ кинутся другъ на друга въ общую свалку“...

— Листашка вотъ околѣваетъ, его не пишутъ... А кого пишите вы, тѣ дышутъ еще!..

Это еще первый голосъ, раздавшійся въ этой избѣ за другого, а не за себя лично. Онъ выводитъ

меня изъ оцѣпененія; я схватываюсь за него и вызываю, не безъ труда, молодого парня, негодовавшаго столь безкорыстнымъ образомъ. Онъ призываетъ еще двухъ или трехъ, и списокъ, хоть тихо, подвигается къ концу...

Вообще, при составленіи каждаго такого списка вы чувствуете, какъ будто идете по самому дну этого „міра", подбирая подонки. Въ лучшихъ случаяхъ, когда дѣло идетъ спокойно и въ ладъ, вы замѣчаете то мгновеніе, когда нужный вамъ составъ исчерпанъ, и, если у васъ средства ограниченныя, а нужды много,—вы должны особенно чутко уловить тотъ критическій моментъ, когда вы упираетесь какъ бы въ нѣкоторую ступеньку. Теперь пойдетъ уже слѣдующій пластъ, тоже нуждающійся, тоже требующій помощи... Но... троньте только одного или двухъ изъ этого новаго разряда, какъ весь онъ заколышется и хлынетъ къ вамъ... Такихъ много... „И меня, когда такъ, пиши, и меня, и Ивана, и Сидора"... „Міру", русскому, деревенскому міру, въ высокой степени присуще стремленіе къ „равненію", и онъ предпочтетъ, чтобы изъ слѣдующаго разряда не попалъ никто, если нельзя попасть всѣмъ.

Ступенька эта, въ большинствѣ случаевъ и при нѣкоторомъ навыкѣ, улавливается довольно отчетливо... Но здѣсь,—уже въ Дубровкѣ и Малиновкѣ, а въ Пралевкѣ особенно,—она какъ-то стерлась, и вотъ источникъ истинно мучительныхъ ощущеній

при составленіи списковъ. Тѣмъ болѣе приходилось хвататься за первую значительную остановку самого схода.

Записано 50 человѣкъ. Цифра зависѣла не отъ меня. Я былъ во власти этого галдѣнія и шума и только дѣлалъ выводъ. Я радъ бы былъ вписать еще столько же, но новая процедура казалась мнѣ просто страшной, а всякое новое имя вызывало цѣлое море шумливыхъ споровъ... Надо было кончать... И безъ того больше четырехъ часовъ ушло на работу, которую я привыкъ кончать въ часъ.

Впослѣдствіи, послѣ проѣзда губернатора,—я опять былъ въ этой деревнѣ не одинъ разъ. Смиренныя лица, толковые разговоры мужиковъ, ласковые глаза „отсидѣвшаго“ уже старосты... Правда, что ссуда была, если не ошибаюсь, утроена...

За деревней меня охватила мятель. Вечерѣетъ. Снѣгъ летитъ по синѣющимъ полянамъ и ложится сугробами, заметая несчастную Пралевку. Впереди въ молочной мглѣ машутъ крыльями мельницы села Язъ, сравнительно „благополучнаго“, по отзывамъ сосѣдей. По сугробамъ, съ клюкой бредетъ какая-то нищая и что-то бормочетъ, будто жалуется на кого или о чемъ-то проситъ. Я останавливаю лошадей и спрашиваю: откуда?—Изъ Пермѣева... Боже мой, Боже мой!.. Пермѣево и Роксажонъ, Чиресь и Кельдюшево, Михалковъ-Майданъ и Пикшень, и Казаковка, и весь этотъ уголъ уѣзда, гдѣ мнѣ придется еще „составлять списки“ и гдѣ ждетъ меня

то же, что въ Пралевкѣ! Въ томъ настроеніи, которое меня охватило, названіе Пермѣева звучитъ въ моихъ ушахъ, почти какъ угроза. Я даю старухѣ денегъ и приказываю кучеру ѣхать дальше... Она провожаетъ меня застывшимъ взглядомъ, потомъ крестится, потомъ утопаетъ во мглѣ...

Ямщикъ наклоняется на-бокъ, чтобы достать пристяжную кнутомъ, потомъ качаетъ головою и произноситъ:

— Ну, и народъ... скандальники!

Я понимаю, что онъ это о пралевцахъ.

— Какъ они васъ!.. Ахъ, ты, Боже мой! Нисколько не стыдятся...

Онъ мнѣ сочувствуетъ, повидимому, искренно, и мнѣ это доставляетъ облегченіе. Но тутъ же ямщикъ добавляетъ:

— И то надо говорить. Оголодали, вѣрно: бѣдствуютъ сильной рукой. Народъ, какъ собака, сдѣлался.

— Неужто хуже другихъ?—спрашиваю я.

— Хуже, это вѣрно! Вотъ всякій и тискается, безъ стыда. Конечно, есть и зря...

— Есть же?

— Всѣ плохи... Ну, есть, которые уже вовсе выбились.

— А скажи, такъ ли мы списокъ составили?

— Правильно, это правильно, что говорить. Тискались всѣ, ну, которыхъ записывали—вовсе не дышутъ...

И то хорошо,—думаю я.

Онъ изъ Дубровки. Онъ, кажется, мнѣ благодаренъ за то, что я сдѣлалъ для его деревни, а дорогой мы бесѣдовали съ нимъ за-просто, и въ его внимательности ко мнѣ, повидимому, звучитъ дѣйствительное расположеніе. Онъ стоялъ у порога въ сборной избѣ все время, и его серьезное лицо, лицо человѣка, который,—я чувствовалъ это,—былъ на моей сторонѣ,—осталось въ моей памяти среди этого тумана и кошмара...

— Еще одна,—говоритъ онъ, пріостанавливая лошадей.

Изъ снѣжной мглы, на ровномъ полѣ,—гдѣ не видно уже ни куста, ни мельничнаго крыла, ни дерева,—появляется новая фигура. Не старая еще баба идетъ, спотыкаясь, по заметенной дорогѣ такимъ шагомъ, въ которомъ видно, что идущій потерялъ уже всякое представленіе о какой бы то ни было цѣли... Идетъ, пока несутъ ноги. Я особенно пугливо относился къ этимъ нищимъ-странницамъ и порой мнѣ случалось останавливать простыхъ путницъ, глядѣвшихъ на меня съ изумленіемъ.

— Откуда?

— Изъ Талызина.

Это уже изъ Симбирской губерніи, верстъ за 40.

— Зачѣмъ такъ далеко забрела? Или уже такъ плохо?

Она устало упирается рукой на спинку моихъ

саней, какъ будто колеблется, и потомъ, собравшись съ мыслями, начинаетъ.

— Видишь ты, господинъ, какое дѣло. Мужъ у меня, стало быть, ушелъ на заработки, на заработки на чугунку-у... Ну, а я осталась и, стало быть, съ дѣтишками. Сироты еще у насъ, да своихъ мало ли... А енъ теперича не пишетъ... Какъ ежели теперича нанялся, то пришлетъ денегъ...

Я слушаю ее съ удивленіемъ... Сироты, дѣти, мужъ не пишетъ и вдругъ—все это кончается надеждой: „пришлетъ денегъ". Приступъ не похожъ на жалобное вытье нищенки, да и въ усталомъ лицѣ выраженіе тоже не нищенки.

— Ну, стало быть, я въ такой надеждѣ, что пришлетъ... какъ ежели нанялся. Я, знаешь, и надумала (она пробуетъ улыбнуться), — насчетъ, знаешь, землицы... Потому намъ съ дѣтишками безъ земли не пробиться. Я и сняла-а...

— Ну?—поощряю я...

— Сняла, да и работника, того, значитъ приговорила. Енъ, стало быть, доберъ до меня, дѣлаетъ снисхожденіе, пять-ту рублей, баетъ, я тебѣ разсчислю на сроку, а рупь подавай сичасъ. Безъ рубля невозможно. Безъ рубля сохи не налажу и въ поле не выѣду и не то что,—къ другому наймусь...

До сихъ поръ она все старалась улыбаться, скрывая подъ этой улыбкой стыдъ непривычнаго нищенства. Но тутъ на глазахъ ея сразу появляются непрошенныя слезы, лицо передергивается. Она

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мораль голоднаго года!.. Нѣтъ, это рѣшительно мнѣ не по силамъ, и для этого нужно было бы написать не одну еще такую книгу, которая, думаю, и безъ того утомила читателя однообразіемъ этихъ суровыхъ и сѣрыхъ мужицкихъ впечатлѣній.. А тутъ еще мораль, десятки и сотни моралей тѣснятся въ голову, и я вижу, что не сдѣлалъ до сихъ поръ и десятой доли того, что бы долженъ сдѣлать...

Итакъ, пусть будетъ безъ морали... Вмѣсто этого, я разскажу нѣсколько случаевъ изъ моей практики второго періода голоднаго года, когда уже губернія побѣдила и уѣздъ сдался...

Въ Лукояновѣ засѣдала коммиссія,—точный и немного смѣшной сколокъ нижегородской, такого-же смѣшаннаго характера, и въ ней г. О—въ, горбатовскій земскій начальникъ, еще недавно защищавшій въ губерніи лукояновскую смѣту, теперь по какому-то странному недоразумѣнію (впрочемъ, въ званіи импровизированнаго предсѣдателя продовольственной коммиссіи чужого уѣзда)—донималъ недавнихъ своихъ союзниковъ необычайно длинными рѣчами...

Впрочемъ, главное всетаки было сдѣлано поѣздкой губернатора. По послѣднимъ дорогамъ, въ ростепель, уносившую таявшіе снѣга,—ген. Барановъ промчался по уѣзду, посѣтивъ злополучныя деревни, въ которыя и гг. земскіе начальники въ первый еще

разъ заглянули съ нимъ вмѣстѣ—и ссуды были удвоены почти всюду. А тамъ подошла весна и накинула на все свой смягчающій ласковый покровъ. Земля обнажалась; на поля, еще шатаясь, брела тощая скотина, все, что продышало, „выходило на траву“, даже и деревенскіе ребята... Они то и дѣло мелькали на поляхъ и по оврагамъ, собирая съѣдобныя травы: пестушку (коричневые стебли, проглядывающіе прямо изъ-подъ снѣга), борщевикъ, шкерду, дикарку (дикая рѣдька), козлецъ, отъ котораго трескаются губы, щавель и коневникъ, куфельки и дягили, коровки (послѣ Троицы) и клеверъ (калачики). Каждая весенняя недѣля даетъ новую траву и разнообразитъ подножный кормъ деревенскихъ ребятъ... Впрочемъ, важно уже и то, что „нужда вышла на волю“, на просторъ и на свѣжій воздухъ полей...

Правда, что вмѣстѣ съ весной подходило, собственно, самое трудное время. Свой хлѣбъ, который „обманщики“ умѣли порой скрыть отъ бдительнаго ока, почти всюду уже окончательно исчезъ, удвоенная ссуда все же не могла вполнѣ устранить нужду, и многіе, какъ Савоськинъ, дошли въ трудную зиму до такого состоянія, когда нутро не принимаетъ уже и чистаго хлѣба. Результаты зимняго режима проглядывали всюду. 14 апрѣля въ Пралевкѣ я назначилъ особое, усиленное пособіе Савоськину,—а 15-го ко мнѣ пришелъ пралевскій староста и сообщилъ объ его смерти... Въ той же Пралевкѣ я нашелъ въ избѣ Михаила Сучкова больную цынгой. Не ста-

рая, симпатичная на видъ женщина лежала и стонала на лавкѣ. Мужа не было. Другой Сучковъ разсказывалъ, что они пошли вмѣстѣ съ базара, да Михайла дорогой присталъ.

— Иди, баетъ, брательникъ, а я тутъ лягу... Такъ и лежитъ гдѣ нибудь вторыя сутки.

— Бѣда! — испуганно произноситъ кто-то изъ шабровъ испуганнымъ голосомъ.—Боль на насъ пошла. Боль взялась въ нашей деревнѣ.

Дѣйствительно, въ 6 домахъ Пралевки, какъ и во многихъ другихъ деревняхъ, я нашелъ серьезно больныхъ.

— Какъ не пойдетъ боль...—говорятъ кругомъ.— Съ дурнаго хлѣба и завязалась она, х и л ь-то самая. Теперь хоть дышать можно. А то бывало: дадутъ полтора пуда на шесть человѣкъ, чего ты съ нимъ подѣлаешь. Вотъ она, хиль, и взялась съ того времени.

У Андреяна Сучкова на печкѣ сидитъ мальчикъ, опухшій отъ голода, съ желтымъ лицомъ и сознательными, грустными глазами. Въ избѣ—чистый хлѣбъ отъ увеличенной ссуды (улика, въ глазахъ недавно еще господствовавшей системы), но теперь, для поправленія истощеннаго организма, уже недостаточно одного, хотя-бы и чистаго хлѣба.

У въѣзда въ дер. Роксажонъ я встрѣтилъ бабу съ ребенкомъ. Она идетъ изъ больницы, куда водила мальчика.

— Съ мальчонкомъ, вотъ что-то толку нѣту...

— Что такое?

— Рвота, хлѣба нутро не принимаетъ.

— А хлѣбъ хорошій у васъ?

— Теперь ничего. Подмѣшиваемъ тоже лебеду, да немного, не какъ у другихъ. А хворь! Мальчонко измаялся...

Въ Роксажонѣ, въ избѣ старосты я увидѣлъ цѣлый цвѣтникъ мордовокъ, въ причудливыхъ мордовскихъ костюмахъ. На мои вопросы онѣ стараются сначала отвѣчать весело, даже съ улыбками, но кончаютъ очень быстро слезами. Ребята хвораютъ...

— Рвота, золотуха...

— Чѣмъ кормите?

Показываютъ хлѣбъ, и опять все еще лебеда! Даже усиленная ссуда не могла вывести ее совсѣмъ изъ употребленія, потому что и усиленная ссуда далеко еще недостаточна въ это трудное время, отдаленное отъ двухъ урожаевъ и въ особенности послѣ недавно устраненной системы.

— Старикъ у насъ пукнитъ (пухнетъ), — говоритъ одна на своемъ наивномъ жаргонѣ (мордва-мужики порой говорятъ по-русски очень порядочно, бабы—большей частью плохо).

— На всю зиму квораитъ. Распункнитъ весь, ноги распукнитъ, самъ распукнитъ.

— Отчего-жъ это?

— Кто знаитъ. Пукота въ немъ. Клѣбъ мало давалъ. Дивимся мы, чего-жъ это, право... Вчера

выдавалъ ему старукой по 30 фунтъ. Да, видно, мало...

Такихъ отзывовъ, такихъ картинъ весна раскрыла передо мною безчисленное множество, и я ими наполнилъ цѣлыя страницы моей записной книжки. „Хиль взялась", завязалась неотвязная хворь, нутро не принимало „горячка" валила цѣлыя семьи,—такъ говорилъ народъ. „Въ уѣздѣ свирѣпствовалъ тифъ",—говорили врачи, теперь дружно боровшіеся съ признанной и страшно усилившейся болѣзнью... Приводить здѣсь всѣ эти случаи, когда я натыкался на тяжелыя картины этой хили и хвори—значило бы напрасно утомлять читателя, и я приведу лишь одинъ случай, особенно врѣзавшійся въ памяти.

Это было въ Мадаевской волости, въ дер. Красной Горкѣ. Я проѣзжалъ тамъ уже поздней весною и разговаривалъ съ мужиками объ истекшей зимѣ. На вопросъ о больныхъ мнѣ отвѣтили, что есть еще одно семейство, гдѣ всѣ больны „горячкой".

— А вонъ въ той кельѣ старикъ со старухой померли.

Я взглянулъ на „келью". Она стояла еще пустая и глядѣла на насъ своими оконцами. Изъ разспросовъ я узналъ, что ея хозяева, Самоткановы, безземельные и безлошадные,—старикъ 70 и старуха 60 лѣтъ, кормились подаяніемъ. Потомъ захворали, ходить за милостыней не могли, потомъ... померли.

Въ „волости“ я справился, сколько они получили пособія. Оказалось... за всю зиму 35 фунтовъ! У мадаевскаго старшины была своя особенная система: онъ выдавалъ тѣмъ, кто у него лично просилъ, и каждый разъ особо. Старики, когда захворали оба, — перестали просить... „Умерли натуральною смертію“,—показалъ мнѣ писарь отмѣтку въ книгѣ...

Я и до сихъ поръ вижу эту маленькую келью, съ странными, какъ будто загадочно глядѣвшими на меня окнами... Что она видѣла въ своихъ стѣнахъ, вся занесенная снѣгами, и сколько такихъ „натуральныхъ смертей“ отмѣчено еще въ Мадаевской волости, управляемой желѣзной рукой „образцоваго“ старшины *).

Какъ бы то ни было, всетаки физіономія уѣзда съ весной измѣнилась. Человѣкъ такъ устроенъ, что ему всего важнѣе—надежда. А надежда была. Она явилась и въ видѣ усиленной помощи отъ людей, и въ видѣ оживающей природы... И чувство народа нашло себѣ исходъ въ этихъ двухъ облегчающихъ надеждахъ. Въ моей практикѣ пралевскіе кошмары, дѣйствительно, уже не повторялись.

Какъ-то пришлось мнѣ этой весной составлять списокъ въ огромномъ мордовскомъ селѣ, Пикшени. На открытомъ воздухѣ собралась огромная толпа,

*) Объ этомъ старшинѣ упоминалось уже въ прежнихъ очеркахъ.

вѣрнѣе, двѣ толпы, потому что въ селѣ два общества. Молодой священникъ съ нѣкоторымъ опасеніемъ предупреждалъ меня, что сходъ будетъ безпокойный и бурный. Зимой онъ пробовалъ составлять списки бѣднѣйшихъ и долженъ былъ прекратить: столько поднялось споровъ и зависти. Вдобавокъ, у мордвы гораздо меньше чувства собственнаго достоинства и стыда, поэтому онъ ждалъ, что на мой призывъ колыхнется сразу весь міръ... Все это заставляло ожидать новаго пралевскаго кошмара...

Но опасенія эти разсѣялись послѣ перваго же приступа къ работѣ. Видъ у мордвы былъ спокойный, рѣчи разумныя, ровныя.

— Ежели такъ станутъ выдавать, какъ теперь...— началъ нерѣшительно одинъ.

— Да, теперь будетъ все такъ,—сказалъ я на этотъ разъ съ убѣжденіемъ,—сбавлять не станутъ.

— Такъ промаемся сами! Не пиши меня, не надо...

— И меня не пиши, — сказалъ слѣдующій.— При этомъ способіи можемъ кормиться какъ нибудь.

— Спасибо, теперь прибавили,—сказалъ третій.—Мимо меня иди, не надо!

За то, если попадались имена дѣйствительно нуждавшихся, то указанія были замѣчательно единодушны.

— Батькина Авдотья,—читаетъ священникъ по списку.

— Авдотья Петровичъ это... Старука. Его пиши.

— Слѣпой дѣвка.

— Авдотья Петровичъ кормить надо.

И „Авдотья Петровичъ“ вносится въ списокъ.

— Точно не эти люди! — съ удивленіемъ говорилъ мнѣ священникъ, когда мы шли со схода, въ какіе нибудь 2 часа покончивъ со списками въ обоихъ обществахъ...—Или ужъ васъ это они стыдятся,—прибавилъ онъ въ раздумьи...

Но я помнилъ, что въ Пралевкѣ меня не стыдились, и понялъ, что именно измѣнило физіономію этой толпы. Это были—хлѣбъ и надежда...

Какъ, однако, просто,—думалось мнѣ въ этотъ день,—водворяется „спокойствіе въ уѣздѣ“... Это простое средство удобно еще тѣмъ, что при немъ нѣтъ надобности розыскивать „возмутителей“ даже въ средѣ сельскаго духовенства!.. А еще важнѣе, что оно устраняетъ кошмары и при немъ блѣднѣютъ всякіе, порой самые превратные толки, „яко же воскъ отъ лица огня“...

Черезъ нѣсколько дней послѣ только что описаннаго схода я въѣзжалъ въ большое и тоже мордовское село Пермѣево. Было уже жарко, озими зеленѣли на солнцѣ, хутора, деревеньки и села мелькали кругомъ, точно нарисованные яркими красками на планѣ...

Пермѣево — прелестное, небольшое, впрочемъ,

село, было почти пусто. Мужики ушли пахать яровыя поля, которымъ, увы! и въ этомъ году суждено было обмануть ожиданія пахарей, и только на огромныхъ еще безлистыхъ ветлахъ посерединѣ улицы суетились и кричали цѣлыя тучи грачей, возстановлявшихъ прошлогоднія гнѣзда...

Я остановился въ избѣ старосты, довольно зажиточной и сплошь оклеенной картинками (гдѣ, сказать кстати, между генералами я увидѣлъ портреты Щедрина и Островскаго). Хозяйку этой избы, красивую и пріятную женщину, съ умнымъ лицомъ, порядочнымъ русскимъ выговоромъ и необычайно большимъ животомъ, обличавшимъ ея положеніе, я засталъ въ очень нервномъ состояніи.

— Ты изъ Болдина, что ли, ѣхалъ,—спросила она меня.

— Да, изъ Болдина.

— Не встрѣчалъ ли на дорогѣ двоихъ: большого мужика съ мальчишкомъ?..

— Встрѣтилъ. А что?..

— Да что! Сумлѣваюсь я черезъ этого мужика, очень сумлѣваюсь...

Она смотритъ на меня, потомъ подходитъ къ столу, вынимаетъ оттуда надкушенный ломоть хлѣба и, держа его въ рукѣ, смотритъ въ окно, какъ будто въ этомъ окнѣ долженъ кто-то появиться.

— Вотъ видишь, какое это дѣло. Подошелъ онъ, этотъ самый къ окну и проситъ хлѣба. Я подаю, думаю Христовымъ именемъ. Нѣтъ, баетъ, ты мнѣ за деньги

давай.—„Мало, говорю, хлѣба-те у насъ, за деньги еще давать“... Ну, а всетаки онъ далъ пятачекъ, а я ему хлѣбъ подаю. Взялъ онъ, скусилъ, опять подаетъ мнѣ въ окно. „Неловко намъ, говоритъ,—разрѣжь“. Взяла я ножъ отрѣзать. А онъ, слышишь ты, отъ окна и пошелъ. Я ему кричать: „погоди! Возьми хоть пятакъ назадъ“. Не слушаетъ: такъ и пошелъ, такъ и пошелъ, да и ушелъ вовсе изъ села. Что такое это, право, какое дѣло вышло, необычайное! Вотъ и хлѣбъ этотъ самый... Если мало ему, сказалъ бы, ежели хлѣбъ не показался, деньги бы взялъ назадъ. А то на—оставилъ все. Больно сумлѣваюсь, больно сумлѣваюсь! Что за человѣкъ это можетъ быть... Дивà, право, дивà...

— Отдай нищему и перестань сумлѣваться...

— Отдамъ и деньги, и хлѣбъ отдамъ, нельзя оставить... А сумлѣваться буду... потому что дивà это...

И я видѣлъ, что необычайный поступокъ невѣдомаго странника глубоко волнуетъ эту добрую женщину и будетъ еще долго волновать все село или, по крайней мѣрѣ, бабью половину. И, пожалуй, какая-нибудь легенда встанетъ изъ этого простого случая, и разнесутъ ее на хвостахъ грачи и галки, которые такъ суетятся надъ огромнымъ деревомъ-патріархомъ, и какое-нибудь „превратное толкованіе“ уже готово въ путь по бѣлому свѣту...

На закатѣ солнца добродушный и очень сообщительный мордвинъ везъ меня по проселочнымъ до-

рогамъ въ другія деревни, для той же работы. Онъ очень весело и откровенно разсказывалъ мнѣ анекдоты о кочубеевскихъ бабахъ, о своемъ священникѣ и о многомъ другомъ и при этомъ прибавлялъ то и дѣло:

— Самъ видалъ. Самъ не видалъ, не говорилъ, самъ видалъ, говорить можно.

Наконецъ, его подвижное вниманіе остановилось на моей особѣ. И тотчасъ же пошли вопросы: чей будешь? чѣмъ занимаешься, чиновникъ или нѣтъ и т. д. Я отвѣчалъ, что я изъ Нижняго, занимаюсь своимъ дѣломъ, и не чиновникъ.

— А сколько получаешь жалованія за то, что теперь къ намъ пріѣхалъ?

— Жалованія не получаю.

Мордвинъ повернулся, посмотрѣлъ на меня, подумалъ и хлестнулъ залѣнившагося мерина.

Не знаю навѣрное, въ какомъ отношеніи находится этотъ разговоръ съ послѣдующимъ, но только я слышалъ, что возникшая обо мнѣ лично легенда началась именно изъ Пермѣева и ставилась въ связь съ тѣмъ, что какъ я, такъ и другіе наѣзжіе благотворители жалованія не получаютъ.

Дня черезъ три или четыре я составлялъ списки въ Козаковкѣ, куда пришелъ изъ Слободы пѣшкомъ, въ видѣ прогулки, въ прелестное, ясное утро. Правда, что мое появленіе было нѣсколько внезапно, такъ какъ ни звонъ колокольцовъ, ни тарахтѣніе колесъ не предупредили деревню о моемъ прибытіи. Тѣмъ

не менѣе вскорѣ собрались старики. Я замѣтилъ, что въ избѣ господствуетъ нѣсколько напряженное молчаніе, среди котораго какъ-то странно прорывались по-временамъ вздохи старушонокъ.

— О Гос-с-с-под-ди-и... бат-тюш-ка-а...

Я уже зналъ, въ чемъ дѣло, и мнѣ было очень пріятно видѣть, что тяжелыя воздыханія этихъ старушенцій, показавшія мнѣ, что здѣсь меня уже ждали и много толковали заранѣе о моемъ будущемъ приходѣ, что все это не мѣшало мужикамъ очень толково и дѣльно давать мнѣ необходимыя свѣдѣнія. Списокъ былъ составленъ быстро, такъ же быстро найдено помѣщеніе, и я тронулся далѣе, причемъ на этотъ разъ мнѣ любезно подали лошадь изъ ближайшей сыроварни, арендаторъ которой, швейцарецъ г. Гузіеръ, согласился завѣдывать столовыми.

Я нарочно подчеркиваю слово швейцарецъ, и опять мнѣ было очень пріятно, что это именно такъ случилось, и что завѣдывать столовой будетъ „нѣмецъ“.

Мой возница—работникъ изъ сыроварни, толковый мужикъ съ умнымъ лицомъ и обдуманной рѣчью, видимо чѣмъ-то интересовался, поглядывалъ на меня и собирался о чемъ-то спросить.

Я облегчилъ ему это дѣло, и мы обмѣнялись нѣсколькими незначительными словами.

— Семейство у васъ?—спросилъ онъ.

— Семейство.

— Сказываютъ и Пасху всю проѣздили? Дома не бывали.

— И Пасху.

Онъ покачалъ головой.

— Эхъ, народъ у насъ, какой... ненатуральный...

— Это что значить?

— Ненатуральный народъ! Натуры въ себѣ не имѣетъ. Люди изъ-за нихъ безпокоятся, ради Христа, а они...

— Это ты не насчетъ ли антихриста?..

Онъ живо повернулся на козлахъ.

— Стало быть слыхали?

— Слыхалъ.

— То-то вотъ и говорю: ненатуральный народъ. Бабы это все, да начетчицы... сороки!

Въ его голосѣ мнѣ слышалось искреннее уваженіе къ моей работѣ и не менѣе искреннее негодованіе...

Да, къ сожалѣнію, это правда; тѣ самые толки, которые нѣкоторыя „благонамѣренныя" газеты съ такой радостью подхватили относительно графа Толстого, какъ „мнѣніе народа",—теперь появились въ уѣздѣ, въ примѣненіи ко мнѣ, г-жѣ Вешняковой и другимъ лицамъ. Только газеты напрасно видѣли въ нихъ „мнѣніе народа". Правда, народъ, очевидно, не привыкъ еще встрѣчать съ нашей стороны помощь и участіе, въ особенности неоплачиваемыя болѣе или менѣе солидными окладами, которые дѣлаютъ доступными его пониманію наши разъѣзды и хлопоты... Кромѣ того, и вообще помощь въ невзгодѣ—явленіе для народа не особенно привычное,

поэтому неудивительно, что въ нѣкоторой его части зародилась эта легенда... Мы слышали, въ какой именно части: старыя старухи и „начетчики", старообрядцы, которые слишкомъ хорошо помнять времена гоненій, чтобы безъ всякихъ подозрѣній принять руку помощи...

Итакъ, легенда ходила, рождаясь въ старыхъ или озлобленныхъ головахъ... И, вообще, у голода были тоже свои легенды, порой далеко не выдерживающія цензуры, что не мѣшало имъ въ устной передачѣ выдержать такое количество исправленныхъ и дополненныхъ изданій, о какомъ мы, люди печатнаго станка и книги, пока не смѣемъ даже и мечтать... Но я видѣлъ совершенно ясно и съ перваго дня, что голодной легендѣ не суждено облечься плотью и кровью, какъ это случилось впослѣдствіи съ легендой холерной...

Одинъ земскій начальникъ Семеновскаго уѣзда разсказывалъ мнѣ, что въ его участкѣ тоже появилась, среди людей древляго благочестія, та же легенда и ему удалось напасть на одинъ изъ ея источниковъ. Распространителя позвали къ начальству.

— Послушай, Ивановъ, какъ тебѣ не стыдно разсказывать такія вещи?..

Но Иванову нисколько не было стыдно, потому что онъ могъ привести въ подтвержденіе цѣлые десятки текстовъ изъ древнихъ книгъ, въ кожаныхъ переплетахъ, съ застежками... Въ экклезіастѣ сказано одно, а въ апокалипсисѣ прибавлено другое,

что же касается до святоотческихъ писаній,—то они даютъ знатокамъ неисчерпаемый источникъ для самыхъ ясныхъ толкованій въ этомъ родѣ. И все это сводится къ тому, что антихристъ напослѣдокъ будетъ брать міръ лестью, а не гоненіемъ, „и будутъ послѣдняя горше первыхъ"...

Трудно сказать, какой оборотъ могъ бы принять этотъ богословскій диспутъ,—если не предположить, конечно, возможное его окончаніе кутузкой. Къ счастью, одинъ свѣдущій человѣкъ, наклонясь къ начальнику, сообщилъ новый аргументъ: оказалось, что двое дѣтей самого диспутанта ходятъ въ столовую.

— Какъ же тебѣ не стыдно?—опять повторилъ начальникъ.

Но Иванову хоть можетъ быть и было немного стыдно, но именно только немного!.. Потому что тексты и толки у средняго человѣка всетаки отвлеченность, своего рода игра ума, а хлѣбъ есть всетаки хлѣбъ, и рука, протянувшая хлѣбъ, видимо давала не камень... И ясный смыслъ Христовой заповѣди, выражавшейся въ реальномъ фактѣ любви и милосердія—былъ и всегда будетъ сильнѣе запутанной казуистики всякихъ начетчиковъ.

И онъ былъ сильнѣе всюду... Легенда получала самыя очевидныя подтвержденія. На мѣшкахъ изъ Особаго Комитета стояли „печати", въ Слободѣ раздавали дѣтямъ печеніе, пожертвованное Эйнемомъ или Сіу, и на каждой такой лепешкѣ всѣ воочію

видѣли надпись Albert (даже не по-русски), а кругомъ, въ видѣ печати, S. Siou et C-ie... И всетаки хлѣбъ принимали, печеніе ѣли (къ великому соблазну не только старухъ и начетчицъ, но и одного уѣзднаго сотрудника „Гражданина“, который написалъ по этому поводу очень язвительную статейку)... И въ мои столовыя записывались всюду весьма охотно.

Однажды у окна избы, гдѣ я остановился на нѣсколько дней въ Большемъ Болдинѣ, раздался легкій стукъ и извѣстный напѣвъ имени Христова. Я наклонился и испугалъ своимъ городскимъ видомъ стоявшую подъ окномъ молодую мордовку съ жалобно плакавшимъ ребенкомъ на рукахъ. Она приходила къ А. Л. Пушкину просить ссуду, а я хорошо зналъ, каковы будутъ результаты просьбы. Поэтому я далъ ей немного денегъ и спросилъ, откуда она.

— Изъ Кельдюшева.

Мнѣ предстояло дня черезъ три побывать въ этомъ селѣ для открытія столовой, и потому я захотѣлъ впередъ намѣтить одну кандидатку.

— Какъ зовутъ?

— Дарья.

— Прозваніе?

— Кюльмаева.

Я вынулъ записную книжку и видѣлъ, съ какимъ непритворнымъ ужасомъ отнеслась она къ таинственной операціи записыванія ея фамиліи... Когда я кончилъ, она отошла быстрыми шагами, и долго

еще, сидя за чаемъ, я наблюдалъ въ окно кучку мордовокъ, съ участіемъ разспрашивавшихъ Дарью, постигнутую такимъ своеобразнымъ несчастіемъ,— и глядѣвшихъ на мои окна... Легенда въ это время уже была въ ходу...

Черезъ три дня я, дѣйствительно, былъ въ Кельдюшевѣ и узналъ отъ священника о. Померанцева, что среди его прихожанокъ есть нѣкая тревога. „Какой-то записалъ“ одну изъ нихъ съ неизвѣстною цѣлью, и она приходила совѣтоваться со священникомъ, какъ ей быть въ такихъ удивительныхъ обстоятельствахъ...Тутъ же въ возможно деликатной формѣ о. Померанцевъ сообщилъ мнѣ, что подозрѣваюсь въ этомъ именно я, по моему званію, „слуги антихриста“. Кажется, это даже нѣсколько безпокоило батюшку, въ виду многолюднаго мордовскаго схода, который я просилъ собрать для составленія списковъ.

Но я уже зналъ цѣну этихъ толковъ передъ силой реальнаго факта. И, дѣйствительно, хотя и здѣсь передъ началомъ слышались тѣ же старческіе протяжные вздохи (о, Го-сс-под-ди-и), но отъ желающихъ попасть въ столовую не было отбою. Бабы рвались въ избу, и цѣлая толпа стояла за открытымъ окномъ, къ которому я сидѣлъ спиною.

— Дарья Кюльмаева,—прочиталъ я въ очередь по списку.

— Здѣсь, бачка, здѣсь я!—послышался рѣзкій бабій голосъ, и, повернувшись, я увидѣлъ мою бол-

динскую знакомую, съ усиліемъ продирающуюся къ окну, сквозь толпу другихъ бабъ.

— Что же записать тебя, что ли?

— Ой! Пиши, бачка, ради Христа, пиши!

Мы съ священникомъ оба засмѣялись.

— Да ты развѣ не боишься?

— Пиши, бачка, ради Бога, пиши!

И я вторично уже занесъ Дарью Кюльмаеву въ свои списки...

Въ іюлѣ я заканчивалъ свои столовыя и оставлялъ уѣздъ совсѣмъ. Новый урожай не особенно радовалъ, яровые выгорѣли отъ засухи, но ржи всетаки были, хотя и ихъ сильно выбили необычайныя бури... А въ это время съ низовьевъ Волги уже пришла холера, и холерные бунты, какъ ураганъ, поднимались по великой рѣкѣ, захватывая городъ за городомъ, точно пожаръ. Отдѣльныя головешки залетали и въ дальнія мѣста, и пожаръ занимался то тамъ, то сямъ разбросанными островками. Холерная легенда разносилась по лицу всей русской земли.

Въ одномъ мѣстѣ я остановился вблизи деревни. Столовую здѣсь уже прикончили безъ меня, народъ былъ на работѣ, но все же ко мнѣ собралась кучка народу.

— Не было тебя... а мы вотъ молебенъ служили и тебя тоже вспоминали. Спасибо тебѣ.

Мнѣ казалось, что это говорилось искренно, про-

сто, безъ задней мысли. Дѣло было уже назади, и мы прощались можетъ быть навсегда.

— А что у васъ больныхъ еще не было?

— Холерой-те? Нѣтъ, Богъ миловалъ. Можетъ и не будетъ. А слышь на низу... бѣды! Наши оттеда пришли, разсказываютъ.

И затѣмъ я услышалъ извѣстные уже всей Россіи позорные толки. И между ними фигурировала тоже весьма извѣстная „даровая харчевня", открытая въ Астрахани по наговору „англичанки". Какъ поѣстъ человѣкъ въ этой „даровой" харчевнѣ,— такъ и готовъ.

— Постойте, братцы, — остановилъ я разсказчика.—Слыхали вы, сколько я у васъ въ уѣздѣ открылъ столовыхъ?

— Слыхали! Нѣсколько (много)!

— Умеръ кто нибудь отъ моего хлѣба?

— Что ты, Богъ съ тобой! Многіе даже живы остались, которымъ бы безъ тебя прямо помереть надо. Богу за тебя молились.

— Ну, хорошо. Теперь вы меня послушайте, что я вамъ скажу, и отвѣчайте по совѣсти.

— Ну-ну!

— Вотъ у васъ болѣзни этой нѣтъ, и дай Богъ, чтобы ея не было. А въ другихъ мѣстахъ есть, могла бы быть и у васъ, и она могла придти ранѣе, ну хоть скажемъ съ весны...

— Ну-ну?

— А не стали бы вы тогда говорить: вотъ не

было этого человѣка: не было и хвори. А какъ пріѣхалъ невѣдомо отколѣ, да открылъ „даровыя харчевни“, такъ и хворь пошла косить православныхъ. Ну, теперь отвѣчайте по совѣсти...

— Нѣ-ѣ... что ты, Богъ съ тобой,—заговорили въ толпѣ.—Какъ это можно... Даже Богу молились.

Однако, видно было, что въ головахъ шевелится сомнѣніе. Увѣренія теряли рѣшительность и, наконецъ, рослый не старый мужикъ, тряхнувъ лохматой головой, произнесъ съ рѣшительнымъ видомъ:

— Ну, ребята, не бай напрасно. Нашлось бы дураковъ!

Я нашелъ, что это былъ, именно, отвѣтъ по совѣсти, и мы разстались очень дружелюбно.

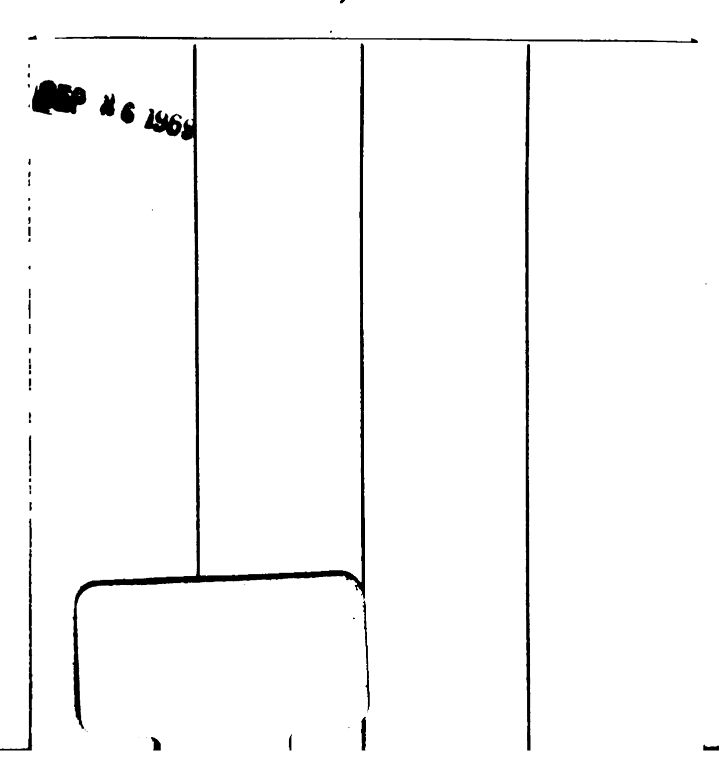
Да нашлось бы, это вѣрно, но вѣрно также, что не столовыя были бы тутъ виноваты, что не онѣ облекли бы эту легенду плотью и кровью...

Съ новымъ урожаемъ послѣднія мои столовыя были закрыты. Я наскоро отобралъ у завѣдующихъ отчеты и 27 іюля мчался уже въ Работки съ тяжелыми опасеніями въ сердцѣ. Моя семья жила въ это время около Работокъ, а въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей стоялъ подъ горой холерный баракъ. А вокругъ него рѣяли, какъ черныя птицы, отголоски холерныхъ толковъ...

Съ тяжелымъ чувствомъ оставлялъ я свою семью и теперь летѣлъ, сломя голову, и думалъ о томъ,

отчего голодныя легенды поднимались и падали въ безсиліи передъ фактомъ, какъ падаетъ пыль, поднятая вѣтромъ надъ степью. А легенда о холерѣ одѣлась плотью и кровью и промчалась такимъ ураганомъ надъ нашей родиной... Должны же быть этому какія-нибудь причины...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARY
Stanford, California

